

ТАГАНРОГ

РОСТОВ

НОВОЧЕРКАССК

АКСАЙ

Азовское море

ОЛЫГИНСКАЯ
БАТАЙСК

Р. ДОН

ХОРМУТОВСКАЯ

КАГАЛЬНИЦКАЯ

Игорь Родинков

Последняя

битва

Корнилова

МЕЧЕТИНСКИ

ЕГОРЬ

КУЩОВКА

ГЛЯЙ-БОРИСОВ

СТАРО-МИНСКАЯ

ПЛОСКАЯ

СЫСОКА

ЧЮВОЛБУШКОВСКАЯ

СТАВОЛЕУГ

ЛЕРЕЯСЛАВСЬ

БРЮХОВ

ЕЦКАЯ

ИЛЬ

ХОПЕРСКИ

ТИМОШЕВСКАЯ

МЕДВЕДОВСКАЯ

ГНАДЕНАГО

ЗАНЬ

КАВКА

ЕК

ШАНО

ЕЛАЗАВТИНСКАЯ

СКАЯ

ШЕНЖИИ

ГАТЛЮКАУ

Новодмитровская

КОРИЛПОВСКАЯ

16+

Игорь Аркадьевич Родинков

Последняя битва Корнилова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41898682

SelfPub; 2019

Аннотация

Военно-историческая повесть «Последняя битва Корнилова» написана в художественно-документальном жанре. Параллельно художественному описанию Первого Кубанского похода идет документальное воспроизведение биографии Лавра Георгиевича Корнилова. Хотя книга в основном посвящена памяти первого вождя белого движения и «первопроходцам» Добровольческой армии, в ней показана суровая действительность борьбы двух сторон, начавшейся в России Гражданской войны. Обложка оформлена автором.

Содержание

Исход с Дона	6
Военный совет в Ольгинской	15
Генерал Попов и другие	18
Реорганизация армии	23
Корнилов: начало жизненного пути	27
Бой за Лежанку	31
Туркестанские экспедиции	36
Политические лозунги и генеральские разборки	41
Дурные вести	47
Начало военной карьеры Корнилова	50
Кубанские дела, бой за станцию Выселки	56
Обманутые надежды (бой под Кореновской)	62
Поворот за Кубань	66
Бой у станицы Усть-Лаба	70
Великая война. Сражение на реке Гнилая Липа	78
У красных	81
У белых	88
В Закубанье	96
Карпаты: осеннее и зимнее наступление	104
По черкесским аулам. Встреча с кубанскими добровольцами	111
Бой у Ново-Дмитровской – кульминация «Ледяного похода»	118

Договор с кубанцами. Реорганизация армии	129
Плен и побег	134
Перед штурмом Екатеринодара	154
Накануне февральских событий	161
Первый день штурма Екатеринодара	174
Командование Петроградским военным округом	181
Второй день штурма Екатеринодара	193
От командующего 8-й армии до командующего Юго-Западным фронтом	198
Третий день штурма Екатеринодара	214
Верховный главнокомандующий	231
Четвертый день штурма Екатеринодара	253
«Корниловский мятеж»	258
В красном Екатеринодаре	280
Последний военный совет Корнилова	286
Быховское сидение	291
Гибель генерала Корнилова	309
Новое командование. Уход из-под Екатеринодара	315
Эпилог	322

Слышали, деды?
Война началась,
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

Припев:

Мы смело в бой пойдём
За Русь Святую,
И, как один, прольём
Кровь молодую.

Русь полонили
Чуждые силы,
Честь опозорена,
Храм осквернили.

Припев.

Вот показались
Красные цепи,
С ними мы будем
Драться до смерти.

Припев.

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Скоро покончим
С врагами мы счёты.
Песня первопроходцев
«Мы смело в бой пойдём»

Исход с Дона

Дон не принял. Дон отверг. Используя малочисленные добровольческие части в боях за самостоятельность, донская земля выплюнула корниловцев, как чуждый, отработанный материал. В антибольшевистских кругах говорили: «Уж на что Корнилов вояка, и тот не смог поднять станицы за Учредительное собрание».

22 февраля (9 февраля по старому стилю) 1918 года Добровольческая армия со штабом, обозом и строевыми частями покинула Новочеркасск. К 11 февраля¹ она была сосредоточена в районе станицы Ольгинской. На следующий день вечером был назначен военный совет.

Накануне военного совета, вечером 12 февраля, Корнилов вспоминал и размышлял о событиях последних двух месяцев, проведенных на Дону. На Дон он прибыл 6 декабря 1917 года после бегства из Быховской тюрьмы. Две недели со своими верными текинцами пробивался на Дон с боями. За несколько дней до прибытия в Новочеркасск Корнилов распустил конвой и с документами на имя крестьянина Иванова, беженца из Румынии, прибыл в столицу Войска Донского. Сюда, уже разными путями, прибыли его сокамерники по Быховской тюрьме – генералы Деникин, Марков, Лу-

---

¹ Все даты даются по старому стилю.

комский и Романовский.

К его приезду почти месяц на Дону действовал бывший начальник Генерального штаба Русской императорской армии и Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев. Сразу же по прибытии в Новочеркасск Алексеев обратился к атаману Всевеликого Войска Донского Каледину за помощью в создании добровольческих формирований для борьбы с большевиками. На что Каледин заявил, что «Войсковое правительство не признаёт большевистскую власть, а поэтому Область провозглашается независимой до образования законной российской власти», он попросил Алексеева «не задерживаться в Новочеркасске более недели» и перенести формирование добровольческих сил за пределы области.

Но защищать Область от наседавших с севера, юга и запада красногвардейских отрядов было некому. Возвращавшиеся глубокой осенью 1917 года казаки-фронтовики спешили домой, к женам, отдыхать и отъедаться. На укору стариков: «Навоевались, что ль, служивые?» – кто был совестливее, отвечали: «Хватит, отцы! Навоевались. Нуждишки хлебнули». А иные, которые поотчаянней, позлей, матерно ругались, советовали: «Пойди-ка ты, старый, потрепи хвост! Чего допытываешься? Какого тебе надо? Вас тут много, шептунов!». Среди казаков-фронтовиков широкое распространение получила идея «нейтралитета» в отношении к советской власти. А иные полки прямо склонялись на её сторону.

Все это побудило Каледина вскоре изменить отношение к Алексееву. К нему на Дон потянулись офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Они получили название «Алексеевская организация». На Дону они считались «беженцами». Каледин нападки на них сдерживал только старинным казачьим законом: «С Дона выдачи нет!». В общей сложности, к Алексееву собралось около 700 человек. Офицеры составляли треть организации, и до половины – юнкера. «Зелёная молодёжь» в кадетской форме или в форме учащихся светских и духовных школ составляла 10 %.

В конце ноября алексеевцы и казахи добровольцы отвоевали у большевиков Ростов. После помощи Каледину в освобождении Ростова «Алексеевская организация» получила на Дону легальный статус. А когда различными путями на Дон прибыли «Быховские сидельцы», теперь уже к Корнилову пробирались группами и в одиночку офицеры и солдаты Корниловского, Георгиевского и Текинского полков. Сюда же явились Родзянко, Милюков, Савинков, другие политические деятели и множество гражданских беженцев. Некоторое время был и Керенский, но донской атаман не захотел с ним встретиться, и тот отбыл с Дона, а затем вообще из России. Отбыл с Дона и Борис Савенков, договорившись с Корниловым о создании «Союза защиты Родины и свободы», или так называемой Северной добровольческой армии. Уехал и Павел Милюков, отправившись в румынский город Яссы на совещание представителей стран Антанты с анти-

большевистскими силами. Оттуда он отбыл в Лондон, навсегда покинув Россию, в которой он в числе первых замутил воду.

***

Воспоминания Корнилова прервал его адъютант, поручик Долинский, сообщивший, что прибыл генерал Марков со своим отрядом. Теперь в Добровольческой армии, вместе с присоединившимися к ней донскими партизанами, было около 3,5 тыс. активных штыков. Невесть какая сила против многотысячных красногвардейских отрядов, но это были испытанные, верные войска. За своих бойцов генерал Корнилов ручался головой. Вчера вечером он здоровался с подходящими в Ольгинскую частями, те отвечали ему нескладной, но задушевной песней:

Дружно, корниловцы, в ногу
С нами Корнилов идет;
Спасет он, поверьте, Отчизну,
Не выдаст он русский народ.

Со строевыми частями прибыл обоз с ранеными, прибывали и беженцы, которые только сковывали активность армии. В обозе 200 раненых, их бросать нельзя. Для них попасть в руки красных – неминуемая смерть. Но что делать с

двумя тысячами гражданских беженцев?

Решение пришло тут же.

– Поручик Долинский, пишите приказ, – сурово сказал генерал Корнилов. – Приказываю гражданским лицам покинуть армию. Каждому из беженцев предоставляется право самостоятельно распоряжаться своей судьбой: спастись по станицам, или вернуться в Россию.

Потом, подумав немного, добавил:

– Исключение делается только для отдельных лиц по личному распоряжению командующего.

До назначенного на вечер военного совета оставалось еще два часа. Корнилов опять углубился в свои мысли. Не сделал ли он ошибки, прибыв на Дон два месяца назад, и оставшись там, не поехал поднимать на борьбу с большевиками Сибирь?

Первоначально, увидев, что вопрос формирования на Дону Белой гвардии успешно решается генералом Алексеевым, Корнилов решил взять Деникина, Лукомского и ехать дальше – поднимать Сибирь. Организация войск в замкнутом пространстве юга России представлялась ему делом местного масштаба, тем более что на территории казачьих войск придется зависеть от казачьих правительств, кругов и атаманов. Корнилов рвался на простор, в Сибири и Поволжье, где можно развернуться в полную силу. На это его решение влияли и личные взаимоотношения с Алексеевым.

Но политические деятели, главным образом представи-

тели московского Национального центра, настояли, чтобы борьбу на юге России против большевиков возглавил именно генерал Корнилов. В результате 25 декабря 1917 года три высших начальника подписали соглашение об образовании армии, получившей название Добровольческой. Корнилов принял на себя командование. Алексеев ради пользы дела отошел на второй план, оставил себе финансовые проблемы, вопросы внутренней и внешней политики. Третий подписавший, Каледин, ведал формированием Донской армии и вопросами жизни Дона.

В начале командования Корниловым Добровольческой армией дела шли вроде неплохо. В среднем в день в армию вливалось по 70-80 человек. До половины записавшихся добровольцев были обер-офицеры, до 15 % – штаб-офицеры, были так же юнкера, студенты и гимназисты (более 10 %). Казаков было около 4 %, солдат – 21 %. К концу декабря 1917 г. в армию записалось добровольцами 3 тыс. чел. Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

План Корнилова и Алексеева был таким: довести численность армии до 10 тыс. чел. и лишь затем приступить к выполнению крупных задач. Жизнь решила иначе. Большевистские фронты перекрыли дороги, отрезали Дон от России и Украины. Приток добровольцев резко упал – добирались лишь единицы. Хотя только в Ростове находилось несколько тысяч офицеров, которые не спешили вливаться в ряды Доб-

ровольческой армии, предпочитая кутить в кафе и ресторанах.

В январе 1918 года красные отряды хлынули на Дон с четырех сторон: Харькова, Воронежа, Таганрога, и Ставрополя. Большинство казаков, вернувшихся с фронта, объявили нейтралитет и разошлись по домам. А в станице Каменской представители некоторых полков образовали ревком во главе с Подтелковым и требовали передачи власти на Дону Советам.

На вновь образовавшихся «фронтах» противостояли красному нашествию на Дон лишь части Добровольческой армии в 2 тыс. штыков и около 400 донских партизан, из которых особенно отличился отряд есаула Чернецова. Но после гибели есаула и разгрома его отряда² Корнилов принял единственно, как ему казалось, правильное решение – уходить с Дона. Он отдал приказ частям Добровольческой армии соединиться в станице Ольгинской и телеграфировал о своем решении атамана Каледина.

Корнилова часто мучила совесть: не способствовал ли он своим решением печальной участи Алексея Максимовича? Как вскоре стало известно, на заседании Войскового правительства атаман Всевеликого Войска Донского Алексей Максимович Каледин заявил: «Добровольческая армия уходит.

---

² Отряд Василия Михайловича Чернецова был разбит под станицей Глубокой красным отрядами Голубова-Подтелкова 23 января 1918 г. Сам Чернецов и 40 пленных офицеров были зарублены казаками Подтелкова. Чернецова самолично зарубил Подтелков.

Для защиты области и Новочеркаска осталось 147 штыков... Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки...».

В тот же день донской атаман, генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин застрелился³. На следующий день войсковым Кругом наказным атаманом Донского войска был выбран Анатолий Михайлович Назаров. Смерть генерала Каледина, как бы пробудила совесть казаков старшего возраста, из соседних станиц в Новочеркасск съехалось несколько сотен казаков. Но помитинговав несколько дней и не имея вождя, они разошлись по домам. Это еще больше укрепило решение Корнилова уходить с Дона.

Дон не дал Корнилову своих казаков, Ростов – офицеров: местных и сбежавших сюда от большевиков, а их было больше, чем в Добровольческой армии, ростовское купечество – денег⁴. Добровольцы откровенно негодовали: «Из-за этих шкурников мы должны отдавать свои жизни?!»...

И вот он, Корнилов, и все его небольшое воинство на границе Донского и Кубанского войска, в станице Ольгинской.

---

³ Донской казак, русский военачальник, генерал от кавалерии, войсковой атаман Дона А. М. Каледин застрелился 29 января 1918 года.

⁴ Когда Ростов заняли красные войска, местные бизнесмены по первому требованию Советов выложили 18 миллионов рублей.

Куда дальше идти – решит военный совет.

Военный совет в Ольгинской

Военный совет начался вечером 12 февраля 1918 года. Пришли генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Боровский, Богаевский, полковники Кутепов, Неженцев, Тимановский и еще несколько строевых офицеров. Корнилов разложил на столе карту Северного Кавказа. По правую руку от него сел седой, сухощавый Алексеев. По левую руку – Деникин. Вид у него был болезненный: он сильно простудился при отступлении из Новочеркаска. Далее сели генералы Романовский, Боровский и Богаевский, полковники Кутепов, Неженцев, Тимановский. Марков стоял у окна, у дверей столпились строевые офицеры.

Как и положено, совет открыл Корнилов. Перед ним стояла трудная задача – решить, куда вести Добровольческую армию. Было два варианта: или на юг, на Кубань, или на восток, в Сальские степи. Умом Корнилов понимал, что логичнее было идти на Кубань. В Екатеринодаре держалась Кубанская Рада во главе с атаманом Филимоновым, а в окрестностях действовало несколько казачьих добровольческих отрядов, самый крупный из которых возглавлял штабс-капитан Покровский. Это давало минимум две-три тысячи казачьего пополнения, да и кубанские казаки были активнее донских. При успехе можно было поднять все Кубанское войско. Но какое-то предубеждение удерживало Корнилова от похода

да на Кубань. Он склонялся к движению в район зимовников, становища донских табунов, в Сальский округ Донской области.

– Я предлагаю идти в Сальские степи, – начал совещание Корнилов. – Там, вдали от железных дорог, легко можно отбиться от большевиков, чувствующих себя неуверенно без броневых поездов. Без дорог, без тяжелой артиллерии силы бы сравнялись. Там бы мы могли отдохнуть, собраться с силами, и, когда поднимется Дон, а я верю, что такой момент наступит, мы могли бы быстро прийти на помощь донскому войску... У кого какое мнение, прошу высказываться, господа.

Слово взял генерал Алексеев. Не спеша, как бы развивая свою мысль, он начал:

– Надеяться на скорое восстание казаков на Дону не приходится. Сегодня в 12 часов положение рисуется в таком виде: атаман Назаров слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету. Отряд походного атамана Попова, не сложивший оружие, сегодня выступает в Старочеркасскую. Силы слишком не равны, Дон в ближайшие дни будет полностью в руках большевиков.

Далее, – продолжал генерал Алексеев, все более и более повышая голос, – в зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны разливом Дона, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск. Все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты

большевиками, что лишит нас совершенно возможности пополнения людьми и снаряжением. Кроме того, пребывание в степи поставит нас совершенно в стороне от общего хода событий в России.

Алексеев сделал паузу и оглядел присутствующих генералов, как бы определяя, кто еще разделяет его точку зрения. Этим воспользовался Корнилов и спросил с явным раздражением:

– Что вы предлагаете, Михаил Васильевич?

– Я предлагаю идти на Кубань, где нас ожидает не только богатый край, но и противоположное Дону сочувствие. Наконец, уцелевший от захвата большевиков центр власти, Екатеринодар, даст нам возможность начать новую большую организационную работу.

– Хорошо! Теперь мы имеет два варианта решения. Других вариантов нет, – подвел черту генерал Корнилов. – Прошу господ генералов и полковников высказывать свое мнение.

В результате голосования генерала Алексеева поддержали Деникин, Романовский, Марков, Боровский, Кутепов и Тимановский. За Корнилова были только Богаевский и Неженцев.

В итоге Корнилов склонился к большинству и принял решение идти на Кубань.

Генерал Попов и другие

Однако на другой день обстановка изменилась. Вечером к командиру прискакали походный атаман Войска Донского генерал Попов и его начальник штаба полковник Сидорин. С ними был и генерал Лукомский, прикомандированный к Донской армии. В штабной хате собрался почти тот же состав, что и вчера. Поздоровавшись, прибывшие сели за стол. Алексеев задал несколько вопросов о дороге, эвакуации Новочеркасска, судьбе атамана Назарова. Попов ответил:

– Вечера атаман Назаров и весь его штаб арестованы Голубовым. По всей видимости, судьба их предрешена.

– Неужели Голубов расстреляет своего старого товарища, которого тот когда-то спас от тюрьмы? – с тревогой спросил Алексеев.

– На это и рассчитывал Назаров, когда складывал свои полномочия, но вряд ли «старый товарищ» помилует его, в гражданской войне сватьев, братьев нет, – твердо произнес Попов⁵.

---

⁵ По распоряжению местного большевистского штаба во главе с Голубовым, шахтёрами-красногвардейцами 17 февраля 1918 г. за городом в Краснокутской роще был произведён расстрел атамана А. М. Назарова, генералов Усачева, Груднева, Исаева, подполковника Генерального штаба Рота, председателя Войскового Круга Волошина, и войскового старшины Тарарина.

– Скажите, генерал, какова численность вашего отряда? – спросил Корнилов, глядя в упор на Попова.

– Полторы тысячи сабель, пять орудий и сорок пулеметов с прислугой.

– Вам известны, атаман, – продолжал Корнилов, – обстоятельства, побудившие Добровольческую армию уйти из Ростова и Новочеркасска. Вчера у нас был военный совет. Принято решение идти на Кубань. Мы идем на Екатеринодар, по пути увлекая кубанское казачество и громя те неорганизованные красногвардейские отряды, которые попытаются воспрепятствовать нашему движению. Мы предлагаем вам с вашим отрядом присоединиться к нам и совместно идти на Екатеринодар. Дробить силы – не в наших интересах.

При этих словах Корнилов внимательно посмотрел на Попова, тот сощурился и смущенно отвел глаза в сторону. Наступила напряженная пауза.

– Я не могу этого сделать! – вдруг решительно и круто заявил Попов.

– Почему, разрешите вас спросить?

– Потому, что я не могу покинуть территорию Донской области и идти куда-то на Кубань. В районе зимовников мы переждем события. Разлив Дона не позволит красным перейти к активным действиям. Район зимовников весьма обеспечен фуражом и хлебом, здесь мы сможем развить партизанское движение. К тому же есть еще один сугубо важный фактор, и мы, командование Донской армии, не можем его не учиты-

вать: это настроение наших казаков.

Попов, оглядел всех присутствующих тяжелым взглядом и, повысив голос, продолжал:

– В том случае, если мы повернем на Кубань, появится опасность распада отряда. Казаки могут не пойти. Да и настроение кубанского казачества вселяет в меня немалые опасения. Я полагаю, что, исходя из вышеизложенного, Добровольческой армии было бы благоразумнее идти не на Кубань, а вместе с донским отрядом двинуться в задонские степи. Там она оправится, пользуясь передышкой, и к весне пополнится новыми силами из России.

Атаман закончил свою речь и грузно сел в кресло. Корнилов задумался. Еще вчера он рассуждал так же, как генерал Попов, и только упорное оспаривание его мнения Алексеевым заставило генерала принять решение идти на Кубань. И вот теперь неожиданная помощь в лице Попова давала возможность вернуться к изначальному плану. Корнилову хотелось сказать, что в доводах Попова есть резон, но вместо слова «да», командующий произнес:

– Нет! Нет смысла идти в зимовники. Нас около шести тысяч с беженцами...

Корнилов предупредительно посмотрел на Алексеева. Видно было, что он все еще колеблется в выборе направления и ищет подтверждение своих слов у другого авторитета. И старый генерал, привыкший кратко и четко изъясняться, в нескольких фразах высказался в пользу похода на Екате-

ринодар.

– В данном направлении нам легче всего прорвать большевистское кольцо и соединиться с отрядом Покровского, действующего под Екатеринодаром, – закончил он.

Но тут вдруг прозвучало противоположное мнение.

– А если это не удастся, Михаил Васильевич? – осторожно спросил генерал Лукомский.

– Даже если мы не пробьемся к Екатеринодару, у нас остается возможность дойти до Кавказских гор и распылить армию.

Алексеева поддержали Романовский и Марков. Однако Лукомский решил выровнять весы.

– Я все же склонен поддержать предложение генерала Попова, – заявил он. Поход на Кубань сопряжен с большими трудностями. Прежде всего нам придется два раза пересекать железную дорогу. Бронированные поезда большевиков перекроют нам путь. Будет трудно перейти с тяжелым обозом и массой раненых. Затем мне непонятно: откуда такая уверенность, что кубанское казачество пойдет за нами? Мы в этом уже убедились на горьком примере донского казачества. Кубанцы болеют той же заразой, какую принесли домой с фронта донские полки. Они могут быть враждебно настроенными. Я еще раз повторяю, что целесообразнее идти на восток, в степи.

Корнилов опять глубоко задумался, он уже не был так непреклонен и уверен в движении на Кубань.

– Хорошо, я еще раз взвешу все мнения, оценю обстановку и приму окончательное решение завтра. Вам, генерал Попов, я пришлю вестового, – закончил совещание командующий.

Попов с Сидориным, звеня шпорами, вышли на крыльцо, где им подали лошадей. Один из офицеров сопровождения подошел к Сидорину и шепотом спросил:

– Ну что, господин полковник?

– Неплохо, Изварин, – с бодростью в голосе ответил Сидорин. – Наш отказался идти на Кубань.

К Изварину подошел офицер из конвоя и спросил:

– Какие известия, есаул?

– Все чудно, сотник, – ответил тот. – Мы не пойдем с кадетами. Донское казачество не должно упустить свой исторический шанс избавиться от политической опеки Москвы. Мы восстановим свои порядки, уничтоженные русскими царями...

На следующий день после встречи с Поповым Корнилов, еще раз взвесив все риски походов в Сальские степи и на Кубань, принял окончательное решение – идти на Кубань. Вестовой, информировавший генерала Попова о выборе командующего, в тот же день привез ответ, что казачий отряд не присоединится к Добровольческой армии.

Реорганизация армии

За четыре дня стояния Добровольческой армии в станице Ольгинской к ней присоединились еще несколько казачьих партизанских отрядов и прибывшие из Ростова и новочеркасских лазаретов офицеры. Большинство из них были еще больны и пополнили собой лишь обоз с ранеными. Но тем не менее число боеспособных добровольцев приблизилось к 4 тыс. чел. А всего с обозом и беженцами в станице Ольгинской скопилось более 6 тыс. чел.

Выступление из Ольгинской было назначено на 15 февраля. Своим приказом Корнилов реорганизовал армию.

Помощником командующего армии Корнилов назначил генерала Деникина, начальником штаба – генерала Романовского, Алексеев остался при тыловом и финансовом обеспечении армии. Начальником снабжения или обоза был назначен генерал Эльснер. Генералы Лукомский⁶ и еще раньше Эрдели были направлены на Кубань для установления связи с Кубанским атаманом и добровольческими отрядами.

Малочисленная конница была сведена в три отряда: полковника Глазенепа (из донских партизанских отрядов), полковника Гершельмана (из регулярной кавалерии) и полков-

---

⁶ На Кубани генерал Лукомский попал в плен к красным. Спасся только благодаря случайному стечению обстоятельств и вернулся в Добровольческую армию кружным путем, к лету 1918 года.

ника Корнилова (из бывших частей Чернецова).

Пехота была сведена в 3 полка и 2 батальона. Основной ударной силой был 1-й Офицерский полк под командованием генерала Маркова – из трех офицерских рот, кавказского дивизиона и морской роты. Далее шел Корниловский полк под командованием полковника Неженцева, состоявший из кадровых ударников, частей Георгиевского полка и партизанского отряда полковника Симановского. Пешие донские партизанские отряды были сведены в Партизанский полк под командованием генерала Богаевского. Из юнкеров и Ростовского полка, состоявшего большей частью из ростовских студентов, был сформирован Юнкерский батальон под командованием генерала Боровского. Инженерный батальон состоял из чехов и словаков под командование капитана Неметчика. Артиллерия армии имела всего лишь четыре батареи по два орудия и 700 снарядов. Командовал ею полковник Икишев.

Как было видно, Добровольческая армия набирала вес и покрывала свою малочисленность словами «полки», «батальоны», «батареи», на самом деле в два-три раза уменьшенными от штатного расписания.

Огромному обозу беженцев было приказано оставить армию, теперь они могли спастись, рассредоточившись по станциям или поодиночке пробираясь в Россию. Все равно набралось много штатских, для которых пришлось сделать исключение. Среди них – бывший председатель Государствен-

ной Думы М. В. Родзянко, князь Н.Н. Львов, издатели братья Суворины, профессора Донского политехнического института и другие. В обозе 250 раненых, оружие, снаряды.

Сомнительным, но необходимым было смешивание офицеров с казаками, которых казаки за глаза называли «кадетами», юнкеров со студентами, которых юнкера считали «социалистами». Кадровых и фронтовых офицеров было не много более тысячи человек. Генерал Марков, обращаясь к офицерам своего полка, сказал: «Не много же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела».

13 февраля армия обрела собственное знамя. Это был большой бело-сине-красный национальный флаг с вышитым поперех словом «ОТЕЧЕСТВО».

***

Из Ольгинской армия выступила пасмурным морозным утром 14 февраля. Корнилов, сидя верхом со знаменщиком, пропускал части перед собой. Войска, проходя мимо командующего, кричали: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!»

Шесть дней (88 верст) небольшая, но жаждавшая великих дел армия Корнилова двигалась на юго-восток от станицы

Ольгинской до станицы Егорлыкской. Корнилов на маленькой калмыцкой лошади двигался то впереди, то позади своего воинства. Перед въездом в Егорлыкскую Корнилов встречал армию. У молодых добровольцев горели глаза, старики подтягивались при виде сумрачной фигуры командующего. В колонне веселое настроение, даже среди раненых смех и шутки. Обоз за эти 6 дней без боев пополнился более чем на 60 «раненых».

Но чем дальше, тем веселья становилось меньше. В последней донской станице, Егорлыкской, корниловцев встретили приветливо, с блинами и угощениями, а дальше началось Ставрополье, бурлившее большевизмом и занятое частями ушедшей с Кавказского фронта 39-й пехотной дивизии. Еще два года назад эта дивизия была элитой Кавказского фронта, участницей всех легендарных сражений, которые выигрывала армия Н.Н. Юденича. Сейчас под командованием А.И. Автономова она стала оплотом советской власти на Ставрополье.

У деревни Лежанка путь добровольцам преградил пробольшевистски настроенный Дербенский полк с артиллерией. Корнилов наутро 21 февраля отдал приказ выбить большевиков из Лежанки.

Накануне боя обычно бойцы вспоминают минувшую жизнь: кто знает, удастся ли пережить новый день? Вспоминал прожитые годы и Лавр Георгиевич.

Корнилов: начало жизненного пути

Свою военную карьеру он, сын сибирского казака, сделал сам. «Лавр, ты родился в сорочке...», – вспомнил он слова своей сестры Анны. Лавр был четвертым ребенком в семье⁷. В 1872 году Корниловы переехали в станицу Каркалинскую, откуда и вышел род Корниловых⁸. С детства в семье на него возлагали большие надежды. Никто Каркалинской не учился так блестяще, как сын хорунжего Егора Николаевича Корнилова⁹ и казашки Марьям (Марии Ивановны)¹⁰, принявшей православие и вышедшей замуж за потомственного казака. Видно, от матери Лавр унаследовал азиатский тип внешности – маленький рост, скуластость и узкие гла-

---

⁷ Лавр Георгиевич родился 18 августа 1870 г. в маленьком городке Усть-Каменогорске, Семипалатинской области. Сейчас это административный центр Восточно-Казахстанской области Казахстана.

⁸ Дедом Корнилова был Николай Герасимович Корнилов (1806 г. рождения), уроженец станицы Каркалинской (ныне город Каркалинск, Казахстан), сибирский казак, служивший переводчиком в окружном суде. В семье Николая Герасимовича было 10 детей. Отец Лавра – Егор был первенцем.

⁹ Как и его отец, Егор Николаевич служил переводчиком в 7-м Сибирском полку, к 1862 г. дослужился до чина хорунжего, однако затем вышел из казачьего сословия и «переименовался» в коллежские регистраторы. Он служил до 1872 г. письмоводителем в Усть-Каменогорской полиции.

¹⁰ Мать Корнилова Мария родила 13 детей, из которых выжили 9 детей.

за. С первых шагов он был гордостью семьи. Блестяще окончил церковно-приходскую школу, потом учился в Сибирском кадетском корпусе, что в городе Омске. 13-летнего юношу приняли в корпус лишь «приходящим», так как он не сдал экзамен по французскому языку. Да как можно было найти репетиторов в казахской степи? Однако новый воспитанник после года обучения своей настойчивостью и отличными аттестациями добился перевода на «казённый кошт». За пять лет учебы своим трудолюбием и способностями Корнилов достиг высоких результатов и выпускался из корпуса с отличными оценками, особенно по математике, и с хорошей характеристикой. В его характеристике писалось: «Скромн, откровенен, правдив, трудолюбив и постоянно с охотою помогает товарищам в занятиях. Серьёзен. Послушен и строго исполнителен. К родным относится с любовью и часто пишет им письма. Со старшими почтителен и приветлив. Товарищами очень любим и оказывает на них доброе влияние...».

Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как 18-летний Корнилов окончил корпус. Теперь в его в воинстве каждый десятый такой же, каким он был в молодости: правдивым, трудолюбивым, готовым выполнить любой приказ и сложить голову за товарищей и Отечество.

Человеку не дано выбирать Родину, родителей и время рождения. Но у каждого есть право выбора жизненного пути, даже когда твоя свобода ограничена обстоятельствами.

Даже если тебя ведет судьба, все равно у каждого есть право выбора. Карьера военного – это судьба и выбор молодого Корнилова.

Сдав на «отлично» выпускные экзамены в Омском кадетском корпусе, Лавр получил право выбора дальнейшего обучения. Особые успехи в математике определи дальнейшую его судьбу: он поступил в Михайловское артиллерийское училище.

В августе 1889 года 19-летний Корнилов впервые приехал в Петербург. Здесь началась его самостоятельная жизнь. Отец уже не мог помогать Лавру деньгами, и он должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Корнилов дает уроки математики и пишет статьи по зоогеографии, что приносит некоторый доход, часть которого он даже умудряется отсылать родителям.

В Михайловской артиллерийском училище, как и в кадетском корпусе, учёба шла на «отлично». Уже в марте 1890 года Корнилов стал училищным унтер-офицером. В ноябре 1891 года на последнем курсе училища Корнилов получил звание портупей-юнкера. Но способности способностями, а характер Корнилову пришлось проявлять тоже. Молодой юнкер показал однажды свою решительность и неуступчивость в прощении обид. Однажды один из офицеров училища позволил в адрес Корнилова обидную бестактность и тут же получил отпор. Взбешенный офицер уже хотел ударить юнкера по лицу, но невозмутимый юноша, сохраняя внешне

ледяное спокойствие, опустил руку на эфес шашки, давая понять, что за свою честь намерен стоять до конца. Увидевший это начальник училища генерал Чернявский немедленно отозвал офицера, чем устранил инцидент. Учитывая таланты и всеобщее уважение, которым пользовался Корнилов, этот проступок ему простили...

4 августа 1892 года, за две недели до своего 22-летия Корнилов окончил училище по 1-му разряду и надел погоны подпоручика, став, таким образом, личным дворянином.

Можно было бы продолжать воспоминания и дальше, но усталость дня и ночь сморили командующего, глаза слипались и Корнилов вышел из воспоминаний, заснув наполовину в прошлом, наполовину в настоящем.

Бой за Лежанку

На следующий день, 21 февраля, Корнилов встал рано. Было еще по-зимнему темно. Выехав с адъютантами и конвоем текинцев за окраину станицы Егорлыцкой, командующий с гребня стал наблюдать, как разворачивался бой за селение Лежанка, что в Ставрополье. Солнце полностью взошло к 9 часам. Утро был ясным и слегка морозным.

Офицерский полк наступал в авангарде по основной дороге, корниловцы пошли окраиной с правого фланга, в резерве оставались партизаны.

В подзорную трубу Корнилов наблюдал за марковцами. Они шли поротно и повзводно, при ротах старые и молодые полковники, при взводах тоже старшие офицеры. Впереди шел помощник командира полка, полковник Тимановский, он опирался на палку, с неизменной трубкой в зубах; израненный много раз, с сильно поврежденным позвоночником... Одну из рот вел полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, со сдвинутой на затылок фуражкой. В рядах много безусой молодежи – беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал генерал Марков в направлении к головному отряду.

Вдруг прогремел глухой выстрел, и высокий разрыв шрапнели взметнулся перед колонной марковцев. Корнилов увидел, как офицерский полк развернулся в цепь и пошел в на-

ступление – спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню, затем скрылся за гребнем.

Корнилов перевел подзорную трубу на Лежанку. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь раздаётся все чаще. Цепи марковцев остановились и залегли. Перед ними болотистая и незамерзшая речка. Вправо от них, в обход, двинулся Корниловский полк. А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов. Скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается...

– Вперед! – приказывает Корнилов, и группа всадников с развернутым трехцветным флагом поскакала к позициям наступающих.

– Корнилов!

В рядах – волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура командующего.

Офицерский полк бросается в наступление в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Корниловцы входят в Лежанку с запада, там уже смятение, и скоро все селение и поле уже усеяно бегущими в панике людьми; мечутся повозки.

Корнилов с конвоем вошел в уже занятое село. Оно слов-

но вымерло. По улицам валялись трупы. Жуткая тишина. Командующий занимает найденную для него адъютантами хату, а по селу раздаётся сухой треск ружейных выстрелов – начинается бессудная «ликвидация» большевиков.

Вот из-за хат ведут 60 пестро одетых людей, многие в защитной одежде, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены. Пленные. Их обгоняет подполковник Нежинцев.

– Выходи желающие на расправу! – кричит он своим корниловцам.

Некоторые понурили головы, кто-то умышленно снял сапог, перематывает портянку.

Из строя все же выходит пятнадцать человек, кто-то смущенно улыбается, некоторые с ожесточенными лицами. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами. Прошла минута.

– Пли! – раздается крик командира расстрельной команды.

Сухой треск выстрелов оглашает село. Крики, стоны... Некоторые падают друг на друга, другие еще стоят. По ним шагов с десяти, плотно прижав винтовки и расставив ноги, стреляют вновь. Снова щелкают затворы. Снова выстрелы. И так пока не упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отошли. Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Подобные расправы шли по селу весь день, пока не выловили всех не успевших сбежать солдат пробольшевистского

Дербенского полка и местных активистов.

«Вот она, гражданская война», – думают добровольцы. Только что шли цепью по полю, веселые и радостные. А теперь открылось подлинное лицо гражданской войны. Большинство молчит, и непонятно, одобряют или порицают они бессудные расстрелы военнопленных. Меньшинство возмущается. «Ну, если так будем идти дальше, на нас все встанут», – тихо бормочут они...

К Корнилову в штабную хату вошел запыхавшийся, возмущенный генерал Деникин.

– Лавр Георгиевич! Нельзя же так, – начал он с порога. – Издайте приказ, запрещающий бессудно расстреливать военнопленных.

– В гражданской войне, Антон Иванович, пленных нет, – резко оборвал его командующий.

Вечером этого дня, в присутствии Корнилова, Алексеева и других генералов, с панихидой хоронили, убитых в бою добровольцев. Их было трое. Семнадцать человек было ранено. Кроме того, в Лежанке закопали 507 трупов.

***

Пребывание на враждебном Ставрополье было недолгим; повернув на юго-запад, уже 23 февраля Добровольческая армия вошла в пределы Кубанской области. Здесь было совсем другое отношение к добровольцам, их встречали радушно,

как говорится, «с хлебом и солью». Это вселяло надежду на удачный исход Кубанского похода. Всех, от мальчишек-юнкеров до фронтовых офицеров, охватило волнение. Через весь организм армии, от низа до командующего, как бы проходил ток деятельного движения к конечной цели похода – Екатеринодару. «Кубань – земля обетованная» – было у всех на устах.

Вечером 24 февраля в станице Незамаевской Корнилов, разложив на столе походную карту, определял дальнейший путь армии к Екатеринодару. Кратчайшая дорога лежала через станицы Ново– и Старо-Леушковску, Березанскую и Кореновскую. Она была сопряжена с опасностями: дважды придется пересекать железную дорогу – Ростов-Кавказскую и Екатеринодар-Тихорецкую, где у красных были бронепоезда.

Корнилов невольно вспомнил свои Туркестанские экспедиции. Сколько тогда у него было молодости, энергии, желания изучать другие края, народы, языки!..

Туркестанские экспедиции

По окончании Михайловского артиллерийского училища перед Корниловым открылась перспектива службы в гвардии или в столичном военном округе, однако молодой офицер выбрал службу в Туркестанской военном округе. Он получил назначение в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады. Это было не только возвращением на его малую родину, но и передовым стратегическим направлением при намечавшихся тогда конфликтах с Персией, Афганистаном и Великобританией. Через два года службы Корнилов получил чин поручика.

В Туркестане Лавру Георгиевичу было мало рутинной военной службы, он занимался самообразованием, просвещением солдат, изучением восточных языков. Его неуемная энергия и настойчивый характер не позволяли оставаться в поручиках, и он подал рапорт на поступление в Академию Генерального штаба.

В 1895 году, блестяще сдав вступительные экзамены, Корнилов зачисляется слушателем Николаевской академии Генерального штаба. За время учебы в Академии у него произошли изменения в личной жизни. В 1896 году он женился на дочери титулярного советника Таисии Владимировне

Марковиной, а через год у них родилась дочь Наталья¹¹. В 1898 году, окончив Академию с Малой серебряной медалью, Корнилов досрочно получил чин капитана и вновь отправился служить в Туркестанский военный округ.

С 1898 по 1904 год он служил в Туркестане помощником старшего адъютанта штаба округа, а затем – штаб-офицером для поручений при штабе. Как и везде, молодому капитану не сиделось в штабах, и он предложил командованию округа провести разведывательно-исследовательскую экспедицию по Восточному Туркестану (Кашгарии) и Афганистану.

Корнилов вспомнил, как он, переодевшись туркменом (туркменский язык он знал в совершенстве) вначале провел рекогносцировку британской крепости Дейдади в Афганистане. Затем под видом купца совершил длительную экспедицию по Кашгарии. Он изучал сопредельные с Российским Туркестаном края, знакомился с китайскими чиновниками и предпринимателями, изучал новые языки, одновременно налаживая агентурную сеть.

Все теперь знают Корнилова как военачальника, а ведь известность он приобрел как военный разведчик, географ и исследователь. Свои исследования он описал в книге «Кашгария, или Восточный Туркестан», выпущенной в 1901 году в Ташкенте. Этот труд был оценен как русскими, так и бри-

---

¹¹ В дальнейшем у четы Корниловых родились сыновья Дмитрий (скончавшийся в возрасте полутора лет от менингита) и Юрий.

танскими специалистами, внимательно следившими за передвижениями русских в этом регионе. За эти экспедиции он был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени.

И вот новая экспедиция отряда русских разведчиков под командованием капитана Корнилова по Восточной Персии, еще одному белому пятну на картах, известному, как Степь Отчаяния. Здесь, на Дону и в Кубани, нужно было сражаться с превосходящими по численностям отрядами большевиков, а там шла борьба с бесконечными песками, пронизывающим жарким ветром и обжигающими солнечными лучами. Все путешественники, пытавшиеся прежде изучить этот опасный район, погибали от нестерпимой жары, голода и жажды. Британские разведчики обходили этот район стороной, только русские могли тягаться с «отчаянной степью». Результатом похода капитана Корнилова стал богатейший географический, этнографический и военный материал, который Лавр Георгиевич широко использовал в своих очерках, публиковавшихся в Ташкенте и Санкт-Петербурге. В них он сделал выводы, что Великобритания намерена расширять свое влияние в этом регионе и границы России там необходимо укреплять. По итогам экспедиции Корнилова по Восточной Персии он был удостоен орденов Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени.

С ноября 1903 по июль 1904 года Корнилов находился в официальной командировке в Индии с целью «изучения языков и нравов народов Белуджистана», а фактически – для

анализа состояния британских колониальных войск. За время этой экспедиции Корнилов посетил Бомбей, Дели, Пешавар, Агру, где был военный центр англичан, и другие районы. Корнилов наблюдал за британскими военнослужащими, анализировал состояние колониальных войск, контактировал с британскими офицерами, которым уже было знакомо его имя. В 1905 году его секретный «Отчёт о поездке в Индию» был опубликован Генеральным штабом.

Каждая экспедиция была длиною в маленькую жизнь, а весь туркестанский период, который длился без малого более десяти лет (малым была учеба в Академии Генерального штаба), стал целой эпохой, давно ушедшей, самой романтической в его жизни. Итогом стало избрание Корнилова 29 ноября 1904 года действительным членом Императорского Русского географического общества и присвоение ему очередного чина подполковника.

За это время он изучил девять языков. Кроме обязательных для выпускника Генерального штаба немецкого и французского языков, он хорошо овладел английским, туркменским, персидским, казахским, монгольским, калмыцким языками, а также языком народа урду, на котором говорили жители Пакистана.

Именно в Туркестане раскрылись главные таланты Лавра Корнилова – разведчика и исследователя, как и у его предшественника Чокан Валиханова.¹²

---

¹² Чокан Валиханов (1835-1865) офицер-разведчик Генерального штаба Рус-

---

ской Императорской армии, казах по национальности, выдающийся ученый в области географии и этнографии, востоковед и смелый путешественник, член Русского географического общества. Особенно он известен своими экспедициями в Семиречье (Заилийский край) и Кашгарию, описаниями флоры, фауны этих стран, торговых путей, а также своими исследованиями истории и быта казахов.

Политические лозунги и генеральские разборки

Воспоминания Корнилова о романтическом прошлом в Туркестанском крае прервал визит Родзянко и Алексеева. Они вошли в кабинет командующего, отряхивая и снимая мокрую от снега и дождя верхнюю одежду. На фоне тучного и вальяжного барина, Михаила Родзянко, сухонькая фигура его тезки выглядела комедийно маленькой. Родзянко сел за стол, вытирая платком потное и оплывшее лицо. Алексеев подошел к командующему и положил ему на подпись финансовый отчет о расходе денежных, продовольственных и фуражных средств за последнюю неделю. Корнилов бегло просмотрел и подписал бумаги. Алексеев тоже сел за стол, и было видно, что оба не собираются уходить. «Зачем пожаловали Михаил Владимирович с Михаилом Васильевичем?» – подумал про себя Корнилов. Теперь они оба смотрели на него как на старшего, а ведь всего год назад его политическая карьера только начиналась, и он всецело зависел от этих людей. Родзянко ему симпатизировал и продвигал по военной карьере, Алексеев же всячески препятствовал.

Лавр Георгиевич прощать обиды не умел и не хотел, но интересы дела удерживали командующего в рамках внешней терпимости по отношению к своему заместителю – генералу

Алексееву.

В 1917 году генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев дважды выражал недоверие Корнилову. 2 марта 1917 года председатель Государственной думы Родзянко после Февральского переворота назначил на пост командующего Петроградским гарнизоном Л. Г. Корнилова. Такой «революционный» путь назначения, минуя военное командование, не понравился Ставке. Начальник Ставки генерал Алексеев возражал, однако в тот же день отдал приказ: «Допускаю к временному главнокомандованию войсками Петроградского военного округа... генерал-лейтенанта Корнилова». Алексеев считал Корнилова выскочкой и не видел его в числе военной элиты страны. Но разве мог он знать тогда, что через год вынужден был признать его превосходство в командовании им же созданной Добровольческой армией!

В последних числах апреля 1917 года Корнилов подал в отставку с поста командующего Петроградским гарнизоном в связи с его полным разложением. Гучков в бытность тогда военным министром рекомендовал Корнилова на должность командующего Северным фронтом, наиболее важным в связи с близостью к столице. Именно из Пскова, где была ставка фронта, можно было влиять на события как на фронте, так и в Петрограде. Но генерал Алексеев, занимавший тогда пост Верховного главнокомандующего, встал в позу: или он – Верховный, или Корнилов – командующий Северным фронтом. Алексеев сослался на недостаточный командный стаж

Корнилова и неудобство обходить старших начальников. В результате командующим Северным фронтом стал генерал Драгомиров, а Корнилов – командующим 8-й армией.

Это был второй эпизод, дающий ключ к разгадке установившихся между генералами Алексеевым и Корниловым отношений.

Корнилов выжидающе смотрел на Родзянко и Алексеева. Первым заговорил Родзянко:

– Лавр Георгиевич, – начал он, – мне кажется, нам надо на Кубанской земле обнародовать нашу политическую программу, показать казакам и иногородним, за что мы боремся, к чему стремимся. Михаил Васильевич мне показывал вашу программу переданную ему вами еще в Новочеркаске. В целом мы с Михаилом Васильевичем ее одобряем.

При этих словах Родзянко Алексеев достал из папки два листа бумаги, исписанные мелким почерком Корнилова, и передал их Родзянко.

Корнилов избегал предавать бумаге свои политические мысли, но, находясь на Донской земле, счел уместным изложить свои политические взгляды и обосновать цели войны с Советами. Политическую программу он передал Алексееву 2 февраля 1918 года¹³.

---

¹³ В целом политическая программа Корнилова носила буржуазно-республиканский характер с родни политики, проводимой Временным правительством. Главными тезисами в ней были восстановление погранных большевиками демократических свобод, свободы предпринимательства и передачи всей полноты власти Учредительному собранию.

– В нашей программе, Лавр Георгиевич, 14 пунктов. В первом пункте вы говорите о восстановлении гражданских прав, поправанных большевиками. Хорошо, что вы говорите о равенстве всех перед законом, но уничтожение классовых привилегий – это что-то сродни Декрету большевиков об отмене сословий и гражданских чинов.

– Мы что, сейчас будем осуждать мою программу? – вдруг резко перебил его Корнилов.

– Нет, но мы должны определить узловые моменты политической платформы Добровольческой армии, – парировал Родзянко.

– Какие, например?, – не унимался Корнилов.

– Ну, хотя бы восстановление законности и порядка, поправанных Советами, вопрос о новом созыве Учредительного собрания, разогнанного большевиками, о сохранении единой и неделимой России, об исполнении союзных обязательств, о доведении войны до победного конца в тесном единении с нашими союзниками, наконец, вопрос о земле.

– Хорошо давайте по порядку, – произнес Корнилов. – Первое, что мы должны сказать казакам, – продолжал он, – это то, что мы пришли разогнать Советы и вернуть им поправанные большевиками их права. Но вот лозунг «Вся власть Учредительному собранию» надо временно снять. Вспомните, много ли он нам помог на Дону?

– Но что же мы предложим? Восстановление монархии? Я знаю, что среди добровольцев много монархистов, и каза-

ки были верной опорой Романовых. Но не для того мы всю Великую войну боролись с монархией, чтобы ее реставрировать в той или иной форме, – вспыхнул Родзянко.

При этих словах Алексеев улыбнулся, он вспомнил, как в Феврале Родзянко не прочь был вести переговоры с Николаем II о конституционной монархии. Но промолчал.

– Я всю войну воевал на фронте с внешним врагом, а не боролся с монархией, – отпарировал Корнилов.

– Но, Лавр Георгиевич, вы же участвовали в аресте императрицы и отвечали пред Временным правительством за охрану царской семьи в Царском Селе, – напомнил Родзянко.

– Только по долгу службы и потому, что считал: династия Романовых себя дискредитировала перед народом.

– Я согласен с командующим, что лозунг «Всю власть Учредительному собранию» надо придержать. Да и поддержки идеи «единой и неделимой» среди казаков мы не найдем, казачьи атаманы страдают болезнью самостийности, – вмешался в разговор Алексеев.

– А как же быть с войной до победного конца и верностью союзническим обязательствам? – не унимался Родзянко. – Насколько мне известно, сепаратные переговоры большевиков с немцами в Брест-Литовске сорваны, и они наступают по всему Восточному фронту. Красногвардейские отряды бегут, немцы уже заняли Двинск, Минск, Полоцк. Враг рвется к Петрограду, пали Таллин, Псков, Нарва. По послед-

ним известиям, немцы вступили в Киев.

– Да, положение удручающее, нам еще предстоит поднимать народ на войну с немцами, надеюсь, союзники нам помогут. Для этого мы здесь, на юге России, создаем новую Русскую армию. А пока наша задача – пробиться к Екатеринудару и поднять кубанцев на борьбу с Советами, а потом, я надеюсь, поднимется и Дон. А сейчас, господа, нет ничего лучшего, чем выспаться. Нам завтра предстоит длинный переход, – подвел черту этому малом политическом совещании Корнилов.

Дурные вести

25 февраля войска прошли около 60 верст. У станицы Ново-Леушской был выход на железную дорогу – Ростов-Кавказскую. На ее узлах, Тихорецкой и Сосыке, были сосредоточены большие силы красных. Чтобы не попасть под обстрел бронепоездов, армия круто повернула на юг и пересекла железную дорогу. Взорвав полотно, корниловцы первыми вошли в станицу Ново-Леушскую. Затем подтянулась вся армия. Одновременно отряд разведчиков взорвал железную дорогу северней станицы Ново-Леушской. Снаряды, посылаемые с бронепоездов у разорванных полотен, ложились в степи далеко от станицы. Спокойный ночлег был обеспечен.

Но радость удачного перехода была омрачена дурными вестями. От перебежчиков и из советских газет добровольцы узнали о заключении Советским правительством в Брест-Литовске мира с Германией и ее союзниками.

Вечером в хате, выбранной квартирьерами для командующего, собрался командный состав Добровольческой армии.

– Поздравляю с похабным миром, господа офицеры, – съязвил генерал Марков, переступая через порог хаты.

– Да, кайзеровские деньги сыграли свою роль. Как у этого подлеца Ленина хватило наглости исполнить свою заветную мечту – заключить мир, не спрашивая у народа, – подхватил тему генерал Боровский.

– Могли ли мы представить еще год назад, господа, что Польшу, Прибалтику, Белоруссию, Украину, наши завоевания на Кавказе эти большевики отдадут немцам, австрийцам и туркам. Псу под хвост три с половиной года войны, кровь, пот, наши потери и победы, – громко возмутился полковник Тимановский.

– Это еще не все, – вмешался в разговор, присутствовавший на совещании Родзянко. – По моим сведениям, Финляндия получает независимость, Балтийский флот выводится из своих баз в Финляндии и Прибалтике. На Украине вновь у власти Центральная Рада. Черноморский флот передается Германии и ее союзникам. Кроме того, Россия еще должна выплачивать контрибуцию золотом и продовольствием.

– Боже мой! – в отчаянии воскликнул генерал Деникин. – Еще века не прошло, как Россия диктовала свою волю Европе... И что же – все это смиренно положить к ногам немцев?

– Не надо отчаиваться, господа, – вмешался, наконец, в разговор Корнилов. – Ни мы, ни наши союзники не признаем Брестского мира. В России еще найдутся силы... Мы еще не выдохлись... Поборемся! Отстоим Россию! И накажем, жестоко накажем виновных! Дайте срок...

У командующего заходили желваки, глаза его горели. В хате воцарилась гробовая тишина, которую прервал генерал Деникин.

– Как вы думаете, Алексей Васильевич, – обратился он к

Алексееву, – как приближение немецких войск повлияет на наш театр военных действий?

– Я думаю, – начал как всегда медленно Алексеев, поправляя пенсне, – в ближайшие недели ничего существенного не произойдет. И мы должны продолжить свое движение к Екатеринодару, на соединение с войсками Кубанской Рады. А в перспективе, я думаю, немцы совместно с украинскими войсками войдут Крым и на Донбасс, а возможно, пойдут и на Ростов. Это, несомненно, отвлечет силы красных и облегчит нашу задачу по освобождению Кубани и Дона от Советов.

– Да, – подтвердил эту мысль Корнилов. – Нет худа без добра. Немцы отвлекут силы красных войск с Дона и Северного Кавказа. И нам нет резона в ближайшее время вступать в боевое столкновение с немцами...

Вскоре генералы и старшие офицеры разошлись по своим частям, а Корнилов, помешивая ложечкой крепкий и горячий чай, любезно приготовленный адъютантом Долинским, вспомнил свое первое боевое крещение в Русско-японской войне.

Начало военной карьеры Корнилова

В сентябре 1904 года Корнилов по своей воле прибыл на Маньчжурский фронт и был назначен начальником штаба 1-й стрелковой бригады. Боевое крещение Лавра Георгиевича произошло во время сражения при Сандепу. А в феврале 1905 года 1-я стрелковая бригада прикрывала отход 2-й армии во время отступления из Мукдена. Три полка этой бригады (1-й, 2-й и 3-й стрелковые полки), окружённые превосходящими силами японцев у деревни Вазые, приняли неравный бой. 25 февраля 1905 года командование бригадой принял подполковник Корнилов. Для Лавра Георгиевича это был первый бой и он выдержал его с честью. Штыковой атакой Корнилов прорвал окружение и вывел уже считавшуюся уничтоженной бригаду с приданными ей частями, с ранеными и знамёнами, сохраняя полный боевой порядок, на соединение с армией. За этот подвиг Корнилов был удостоен производства в полковники вне очереди («за боевые отличия»), ордена Святого Георгия 4-й степени и высшей военной награды империи – Золотого оружия «За храбрость». Этот героический эпизод стал широко известен, и Корнилов, чье имя было уже на слуху как исследователя, приобрел новую популярность, его стали считать офицером, способ-

ный своей волей переломить ход сражения.

***

Как всегда усталость дня сморила генерала, и он уснул сном праведника. Под утро сон самый крепкий, сновидения самые запоминающиеся. Корнилову приснились годы его пребывания в Китае, где он находился с особой миссией Генерального штаба как специалист-востоковед. Тогда, в 1907-1911 гг., военный разведчик опять взял верх над военачальником.

Освоившись на Дальнем Востоке, после того как по Пекинскому договору границы Российской империи прошли по линиям рек Амура и Уссури, Россия начала продвижение в Маньчжурию, считавшуюся частью Поднебесной. Особенно Россия укрепилась в Маньчжурии, получив в аренду Ляодунский полуостров, создав военно-морскую базу в Порт-Артуре, также построив Транссибирскую магистраль и КВЖД (Китайскую Восточную железную дорогу).

Недовольные успехами России на Дальнем Востоке и в Маньчжурии (этот регион пресса уже называла Желтороссией), Англия и США натравили на Россию Японию, всячески способствуя перевооружению ее армии и флота. Проиграв Русско-японскую войну, Россия вынуждена была отдать Японии Ляодунский полуостров и Южный Сахалин, но не отказалась от своих интересов в этом регионе, о чем сви-

детельствовала миссия полковника Корнилова.

В Китае Корнилов много путешествовал, изучал китайский язык, быт, историю, традиции и обычаи. Он намеревался написать большую книгу о современной жизни Поднебесной. Корнилов собирал материал и регулярно отправлял подробные отчеты в Генеральный штаб и Министерство иностранных дел. Среди них большой интерес представляют, в частности, очерки «О полиции Китая», «Телеграф Китая», «Описание манёвров китайских войск в Маньчжурии», «Охрана императорского города и проект формирования императорской гвардии».

Объездив почти все крупные провинции страны, Корнилов прекрасно понимал, что военно-экономический потенциал Китая ещё далеко не использован, а людские резервы слишком велики, чтобы с ними не считаться. Он писал в своих отчетах: «...будучи ещё слишком молодой и находясь в периоде своего формирования, армия Китая обнаруживает ещё много недостатков, но... наличное число полевых войск Китая представляет уже серьёзную боевую силу, с существованием которой приходится считаться как с вероятным противником...». В качестве наиболее показательных результатов процесса модернизации Корнилов отмечал рост железнодорожной сети и перевооружение армии, а также изменение отношения к военной службе со стороны китайского общества. Быть военным становилось престижно, для службы в армии требовались даже особые ре-

комендации.

В 1910 году полковник Корнилов был отозван из Пекина, однако в Петербург возвратился лишь через пять месяцев, в течение которых совершил путешествие по Западной Монголии и Кашгарии с целью ознакомления с вооружёнными силами Китая на границах с Россией. Медленно продвигаясь верхом на лошади по уже знакомым просторам Восточного Туркестана, Корнилов опять почувствовал себя в знакомой и любимой стихии путешественника и разведчика. Вряд ли он тогда мог знать, что начальный период его биографии заканчивается, дальше шла чисто военная карьера. Потом Корнилов, обычно скупой на рассказы, всегда оживлялся, когда речь заходила о его скитаниях по Востоку.

Деятельность Корнилова-разведчика и дипломата этого периода была высоко оценена не только на Родине, где он получил Орден Святой Анны 2-й степени и другие награды, но и у дипломатов Британии, Франции, Японии и Германии, награды которых также не обошли русского разведчика.

По возвращению Корнилов в Санкт-Петербург, в феврале 1911 года он получил командование над 8-м пехотным Эстляндским полком, входившим во 2-ю пехотную дивизию 23-го армейского корпуса, расквартированного в Варшавском военном округе. Его полк располагался на станции Яблоновка Варшавской губернии. Назначение офицера командиром полка без цензового командования ротой и батальоном – случай беспрецедентный для русской армии того времени, однако и

сам Корнилов был уникальным офицером.

Командовать полком пришлось недолго, и уже 3 июня Лавр Георгиевич снова получил назначение в Азию – на этот раз на Дальний Восток, в Заамурский округ пограничной стражи. В чине генерал-майора он возглавил 2-й Заамурский отдельный корпус пограничной стражи (2 пехотных и 3 конных казачьих полка), расквартированный в Харбине, в задачу которого входила охрана КВЖД, связывавшей напрямую Читу и Владивосток, и потому представлявшую стратегическую важность. С приходом на новую должность Лавр Георгиевич развил кипучую деятельность. Он сразу же обратил внимание на необходимость уточнить карты Маньчжурии, начал чаще проводить маневры и военные игры, а также активнее бороться с хунхузами (китайскими преступными группировками).

Подчиненные Корнилова любили и даже обожали за беззаветную храбрость, честность, самостоятельность в принятии решений и прямоту. Но начальство недолюбливало по тем же причинам. В 1913 году Лавр Георгиевич инициировал расследование по организации довольствия, выявил факты воровства в Амурском военном округе. Это вызвало конфликт с командующим округом Е.Н. Мартыновым, за которым стоял премьер-министр Коковцев. Скандал завершился отставкой Мартынова, но в столкновении с Коковцевым политический вес сторон был неравным, а потому Корнилов вернулся в военное ведомство командиром брига-

ды 9-й Сибирской стрелковой дивизии, располагавшейся на острове Русском во Владивостоке.

С тех пор прошло всего четыре года, но казалось, что это было так давно, в какой-то совсем другой жизни.

Кубанские дела, бой за станцию Выселки

Приток кубанских добровольцев был невелик. Казаки выжидали. Маятник все время колебался. Как только армия приходила в станицы, кубанцы поворачивались в сторону добровольцев, с уходом армии маятник отклонялся в другую сторону.

После взятия станицы Ново-Леушской, армия миновала Старо-Леушскую, Ираклиевскую и 1 марта подошла к станице Березанской. Здесь впервые против корниловцев выступили кубанские казаки. На станичном собрании верх одержали иногородние и фронтовики, станицу решили Корнилову не отдавать, и за ночь вокруг станицы выросли окопы. Утром по авангарду добровольцев ударил град пуль. Но бой был краток. Огонь артиллерии и атака корниловцев и марковцев быстро заставили большевиков очистить позиции. Пришлые ушли на станцию Выселки, а местные большевики разошлись по домам и попрятали оружие. Чтобы не поднимать против себя кубанских казаков, Корнилов поручил расправу над ними местным старикам. Вечером старики в станичном правлении уже пороли нагайками свою молодежь.

Вот уже почти три недели Добровольческая армия была в походе. Она прошла 250 верст, обходя или легко опроки-

дывая большевицкие отряды. Силы красных почти всегда были значительнее, они могли бы драться более отчаянно, но предпочитали при первом сильном натиске отступить и сдать позиции, победа для них в этот период войны не была столь обязательной. Для Добровольческой армии каждый бой был ставкой на жизнь или смерть. Армия должна была продвигаться, сметая заслоны, поэтому в каждый бой добровольцы вкладывали всю силу отчаяния – и побеждали.

Так случилось и у станции Выселки. Здесь было большое скопление красных отрядов, можно было миновать станцию, но у добровольцев заканчивались боеприпасы, а тут были артиллерийские склады, и Корнилов приказал, отклонившись от прямого маршрута на Екатеринодар, взять станцию с боем.

Ночь была темной и очень холодной. Ранним утром 3 марта в атаку на Выселки пошел партизанский полк. Партизаны генерала Богаевского, преимущественно донские казаки, голодные и усталые, так как до утра они сидели у костров в степи, повели наступление четырьмя отрядами: капитана Курочкина, есаула Лазарева, есаула Власова и полковника Краснянкого.

Редкие цепи шли безостановочно, когда по ним ударил ружейный и пулеметный огонь с мельницы, на правом фланге и в тылу заухали артиллерийские взрывы. Партизаны подались назад и залегли.

В полуверсте от залегших партизан, на стогу прошлогод-

него сена, расставив широко ноги, стоял Корнилов и наблюдал за ходом боя в бинокль. За плечами мотался вещевого мешок. Его маленькое калмыцкое лицо выражало неудовольствие. Бой оказался серьезнее, чем он рассчитывал.

В ста шагах от него, в ложбине, спешили текинцы – его личный конвой, полсотни худых, кривоногих людей в огромных круглых бараньих шапках и полосатых халатах. Внизу у стога стоял поручик Долинский, адъютант командующего, – большеглазый темноволосый юноша в офицерской шинели и мятой фуражке защитного цвета.

– Ваше превосходительство, умоляю вас, сойдите, подстрелят, – постоянно повторял он.

Корнилов не реагировал, его лиловые губы еще сильнее сжались, судорогой свело рот. В бинокль он видел, как поднялись в атаку густые цепи большевиков. Некоторые из партизан дрогнули и попятились назад, одного из них, вставшего во весь рост, сразила пуля.

– Срочно батальон корниловцев и Офицерский полк на помощь партизанам! – скомандовал он.

Через десять минут марковцы уже бежали прямо на станцию, корниловцы, как всегда, пошли в обход с востока. Цепи большевиков залегли, началась перестрелка. Еще сильнее затрещали пулеметы противника, заохали орудия. Марковцы тоже залегли.

К Корнилову подошел генерал Деникин.

– Надо бы поддержать наших артиллерией, – произнес он

не уверено, понимая, что снарядов очень мало.

– Знаю, – зло ответил Корнилов. Черт, снарядов осталось по три на орудие. А снаряды там, у большевиков, на железнодорожных складах.

Сильно ухнула красная шестидюймовка, большевики снарядов не жалели. Торопливо застучал пулемет. Пчелки пуль пропели где-то над головой командующего.

– Ваше превосходительство, умоляю, сойдите, подстрелят, – опять взмолился Долинский.

Корнилов опустил бинокль. Коричневые калмыцкие глаза его сузилось еще больше.

– Коня мне! – приказал он Долинскому.

Ловко, как джигит, он вскочил на коня и поскакал к своим текинцам.

– Айда! – крикнул он зычным голосом и показал рукой в сторону оврага.

Текинцы, как кошки, вскочили на коней и выхватили кривые сабли. С гортанными криками галопом они поскакали в степь, в сторону оврага, где чернела пашня и за ней виднелась полоска железнодорожной насыпи.

Скоро обозначилось наступление корниловского батальона. Быстро, как на учениях, они зашли в тыл большевиков. Поднялись марковцы и сильно поредевшие цепи партизан. Большевики дрогнули и побежали. Текинцы рубили их на скаку, мало кто ушел с поля боя. Но и те, кто поднял руки, не пережил этот день.

К полудню все было кончено. Корнилов в сопровождении Деникина и свиты крупной рысью въехал в Выселки. Сзади колыхался распушенный трехцветный флаг. Навстречу обозу тащились раненые, кто еще мог передвигаться сам. Корнилов подъехал к есаулу Лазареву, раненному в ногу. Весь мокрый, он остановился перед командующим.

– Ну, что, партизаны, как повоевали? – ехидно спросил Корнилов. – Скажите спасибо моим текинцам и корниловцам.

– Большие потери, ваше превосходительство. От моего отряда осталось меньше половины. Погибли полковник Краснянский и есаул Власов...

Корнилов поскакал дальше. Справа от мельницы слышался сухой треск одиночных выстрелов. Это шла расправа над пленными. Корнилов не реагировал. Генерал Деникин перекрестился и произнес:

– Прости, Господи, виновных и не осуди за кровь невинных!..

Первая трудная победа «ледяного похода» омрачилась неприятной новостью. Корнилов узнал, что не так давно здесь, возле станции Выселки, произошел бой между большевиками и отрядом кубанских добровольцев Покровского. Добровольцы Покровского были разбиты и спешно отступили в сторону Екатеринодара. Шли какие-то зловещие слухи и о кубанской столице. Пока только слухи.

Вечером Корнилов издал приказ наступать на станицу Ко-

реновскую, в которой, по данным разведки, сосредоточилось не менее 10 тыс. красноармейцев с бронепоездами и большим количеством артиллерии. Командовал ими кубанский казак, бывший фельдшер Сорокин.

Обманутые надежды (бой под Кореновской)

Бой за Кореновскую начался рано утром 4 марта. В авангарде шел юнкерский батальон Боровского. С левого фланга – Корниловский полк полковника Неженцева. Офицерский полк генерала Маркова наступал на станичную станцию. Корнилов против многочисленного отряда красных бросил почти все силы, в резерве остались только кавалерия, партизаны и инженерный батальон чехо-словаков. Соотношение один доброволец против 3-4 красных.

Две роты юнкеров и одна рота студентов – безусая молодежь, почти мальчишки – рассыпавшись жидкой цепью, во весь рост идут на станицу, где даже простой взгляд отмечает большое скопление красных. Неумолчно гудит большевистская артиллерия, добровольцы отвечают реже – экономят снаряды, после захвата артиллерийских складов на станции Выселки их стало в десять раз больше, но не настолько, чтобы палить беспрестанно (всего 30 на орудие). Все дело в умении пушкарей, и четыре батареи (8 орудий) белых вполне заменяют 20-30 орудий красных.

Артиллерийский гул сливается с ружейным. Юнкера попадают в полосу обстрела и залегают. Корниловцы на левом фланге под сильным артиллерийским огнем. Они медленно

отходят по всему фронту. За ними валят густыми нестройными рядами большевики.

Корнилов с пригорка глядит в бинокль. Рядом генералы Романовский и Деникин. Отдельные пули залетают и сюда.

– Иван Павлович! – обращается Деникин к Романовскому. Уведите вы его... Подумайте, если случиться несчастье...

– Говорил не раз – бесполезно. Он подумает, в конце концов, что я о себе забочусь...

Прискакал вестовой от начальника артиллерии.

– Полковник Икишев спрашивает, надо ли использовать последние снаряды.

– Надо, на станции мы найдем их много, – говорит Корнилов.

Огонь добровольческой артиллерии усиливается. На сей раз залегли большевики. Кониловцы, потоптавшись в нерешительности на месте несколько минут, опять двинулись вперед. Наступило равновесие сил. Стало ясно, что надо искать решительного результата в другом месте.

– Партизанский полк и роту чехо-словаков взять из резерва и бросить в обхват позиции большевиков с запада, – приказывает Корнилов.

Но едва только эти части отделились от обоза, оттуда пришло донесение:

– В тылу возле нас появилась неприятельская конница. У обоза никакого прикрытия.

– Передайте Эльснеру, что у него есть два пулемета и много здоровых людей. Этого вполне достаточно. Пусть защищаются сами. Ничего ему дать не могу – нервно ответил командующий.

В обозе зашевелились, повозки расставили табором, легкораненые добровольцы рассыпались цепью.

Бой явно затягивался. Потери росли. Большевики, помимо превосходства, показали неожиданно грамотное управление и стойкость. Среди офицеров штаба пошли разговоры:

– Большевиков сегодня как подменили, дерутся отчаянно...

– Ничего удивительно, ведь тоже русские, – бросил кто-то фразу, задевшую больную струну...

Штаб перемещается на левый фланг к Богаевскому. Партизаны медленно разворачиваются против станицы, среди них батарея полковника Третьякова. Она открывает огонь в упор по юго-западной окраине станицы. Батальон Боровского, уже дважды захватывавший окраину станицы и оба раза выбитый, поднимается вновь. Ударили и партизаны. Большевики не выдерживают двойного удара и отступают из станицы. Они скапливаются у моста через речку Бейсужек, батарея Третьякова галопом мчится к мосту и бьет по большевикам картечью.

С востока подходит Офицерский полк, преодолев бронированные поезда, ураганный огонь и речку – по широкому броду марковцы берут мост, и большевики бегут в сторону

станции Платоновской. Их арьергард несколько задерживается в роще, южнее Кореновской, но корниловцы выбивают их и оттуда.

Это уже третий серьезный бой Добровольческой армии в Кубанском походе. Опять победа, но сопротивление красных войск все растет от боя к бою. В этом бою армия потеряла 35 чел. убитыми и 100 ранеными.

В Кореновской Добровольческая армия пополнила свою хозяйственную часть боеприпасами. На станичной станции армии достался трофей – поезд, загруженный снарядами, лекарствами и одеждой. Но радость победы была омрачена обманутой надеждой. Здесь добровольцев ожидало подтверждение зловещих слухов о падении Екатеринодара. Из подобранный в окопах советской газеты они узнали, что в ночь на 1 марта кубанские добровольцы полковника Покровского, атаман и Рада оставили Екатеринодар и ушли за Кубань, в горы. Конечная цель похода – Екатеринодар был в руках большевиков.

Это стало тяжелым ударом для Корнилова. Терялась идея операции, и это всего в двух-трех переходах до ее осуществления. Нужно было срочно принимать новое решение. Вечером 4 марта Корнилов вызвал к себе командиров частей.

Поворот за Кубань

К 6 часам вечера к Корнилову прибыли Марков, Богаевский, Боровский и полковник Неженцев.

– Господа, я вызвал вас к себе, чтобы вы доложили о состоянии вверенных вам частей, – начал Корнилов. – Как стало сегодня известно, большевики захватили Екатеринодар. Войска Кубанской Рады ушли за Кубань, в горы. Мы должны взвесить наши возможности, можем ли мы своими собственными силами взять Екатеринодар. Начнем с вас, Александр Александрович, – обратился Корнилов к генералу Боровскому.

– Юнкерский батальон сегодня впервые участвовал в боях Кубанского похода. Потери в батальоне есть, но несущественные. Батальон имеет более 200 активных штыков и готов справиться с новыми поставленными задачами.

– Благодарю вас, Александр Александрович. Что скажете теперь вы, Африкан Петрович? – обратился командующий к генералу Богаевскому.

– В боях за Выселки и сегодня Партизанский полк понес большие потери, особенно в командном составе, погибли полковник Краснянский и есаул Власов. У меня 80 процентов личного состава – донские казаки. Среди них после ухода с Дона наблюдается дезертирство, казаки с нежеланием воюют на кубанской земле. К сожалению, кубанские ка-

заки не горят желанием вступить в Добровольческую армию. За все время похода Партизанский полк пополнился только тремя сотнями казаков станицы Брюховецкой. Считаю, что силы полка недостаточны, чтобы активно участвовать в последующих боях.

– Спасибо, генерал, ваше мнение для меня важно, – принял доклад Корнилов. – Что у корниловцев? – обратился он к полковнику Неженцеву.

– За три недели похода и боев полк потерял почти половину состава убитыми, ранеными, больными и отставшими. Притока добровольцев почти нет. Мы отрезаны от баз снабжения и транспортных узлов. Полк готов выполнить любую задачу командующего, но требуется отдых и пополнение. Люди устали, Лавр Георгиевич! – с пафосом закончил свой доклад Неженцев.

– Хорошо, Митрофан Осипович. Что в Офицерском полку, Сергей Леонидович?

– Полк, как вам известно, Лавр Георгиевич, не выходит из боев. Мы, как и корниловцы, несем основную тяжесть боев. Убыль велика, пополнения нет. Люди утомлены физически и особенно морально. Без казачьих и офицерских пополнений мы не возьмем Екатеринодар. Нужно идти на соединение с войсками Кубанской Рады.

– Я вас всех услышал, господа, – начал подводить итог Корнилов. – Кроме того, что Екатеринодар пал, за пределами армейского региона мы не владем оперативной обста-

новкой. Кругом многочисленные красные банды. Известий об отряде Покровского нет. Сегодня же я готовлю приказ о повороте армии на юг, за Кубань...

Как только разошлись полевые командиры, к Корнилову явились генералы Деникин и Романовский.

– Мы только что узнали, Лавр Георгиевич, от Боровского, что вы издаете приказ о повороте армии за Кубань – начал с некоторым раздражением генерал Деникин. – Во-первых, такие решения нельзя принимать без мнения своего заместителя и начальника штаба, я уже не говорю о мнении генерала Алексеева. Во-вторых, мы с Иваном Павловичем считаем, и с нами согласен Михаил Васильевич, что отклоняться от главной цели похода нецелесообразно.

– Я с вами согласен, Антон Иванович, во-первых, и, во-вторых, – ответил Корнилов. – Но вы говорили с Марковым и Неженцевым?

– Нет, – ответил Деникин.

– Вот видите. А они сегодня мне доложили о состоянии своих полков. У них большая убыль людей и крайнее утомление – и физическое, и моральное. Иван Павлович, Вы, как начальник штаба, знаете об общих потерях армии за три недели похода, – обратился Корнилов к генералу Романовскому.

– По моим сведениям, погибло около 200 человек. Столько же пропало без вести, включая дезертировавших из армии. В обозе скопилось более 500 раненых и больных.

– Таким образом, из строя выбыло около тысячи человек. А пополнения крайне малы. Офицеры и юнкера к нам не могут пробиться из России, приток кубанцев невелик. Если бы держался Екатеринодар, – продолжал говорить Корнилов, – тогда не было бы двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там, в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств.

На следующее утро Корнилов издал приказ: «Армии вечером 5 марта, с наступлением сумерек, соблюдая полнейшую тишину, двинуться на Усть-Лабинскую переправу».

Бой у станицы Усть-Лаба

Весна 1918 года на Кубани была на редкость неустойчива. Днем землю пригревало солнце, и снег весь растаял, его островки лежали только в оврагах. Но по ночам температура опускалась ниже нуля. Холодной ночью 6 марта армия вышла из станицы Кореновской. В авангарде шел Корниловский полк, в арьергарде – Партизанский. Добровольцы, поживаясь и подняв воротники шинелей, длинной вереницей двинулись в неизвестность.

Корнилов предполагал остановиться в станице Раздольной на большой привал. Но, как только рассвело, войска Со-рокина заняли Кореновскую, и Партизанский полк покидал ее под аккомпанемент разрывов вражеской артиллерии. Вся колонна двинулась дальше, но в двух верстах от станицы Усть-Лаба остановилась: окраины станицы и железнодорожная насыпь были заняты большевиками. Армия оказалась между двух огней.

Корнилов со штабом, текинцами и кавалерией находился в середине колонны. Здесь же был обоз и Офицерский полк. В обозе около тысячи человек раненых и беженцев. Это самое слабое и уязвимое место армии. Прискакал гонец от Богаевского: сильно теснят красные, необходимо подкрепление. Что делать?

Корнилову не впервые находиться в сложном положении;

все верят в его военный гений. Он знает: с такой армией можно решать любые задачи. Командующий тут же выдвигает вперед Юнкерский батальон и Корниловский полк. Первый пошел правее на видневшуюся насыпь железной дороги из с Кавказской, второй – прямо на станицу. Офицерский полк Корнилов придерживает в резерве: без резервов сражения не выигрываются, да и обоз надо прикрыть. Все знают: если раненые добровольцы попадут в руки к красным, смерть для них неминуема. До командующего доходили слухи, что офицеры, оставшиеся в новочеркасских и ростовских лазаретах, перебиты большевиками.

Юнкера двигались быстро, без выстрелов. Встреченные перед самым полотном дороги огнем неприятеля, с криком «Ура!» ударили в штыки и вскоре скрылись. Большевики отступили вдоль полотна в сторону станции Кавказской. Юнкера заняли позицию, чтобы прикрыть армию со стороны Кавказской.

Корниловцы выслали колонну в обход станицы и наступают тихо, выжидая результатов обхода. В цепях виднелась черная папаха генерала Казановича. Он добровольно пристал к полку Неженцева.

– Совестно так, без дела, – ответил он, улыбаясь, на чей-то шуточный вопрос.

Генерал-майор Борис Иванович Казанович совсем недавно вместе с генералом Трухачевым прибыли в распоряжение армии из Ростова, где они, нелегально проживая под ви-

дом рабочих, собирали разведку для Корнилова. У командующего нет свободных частей для господ генералов, и он оставил их пока при штабе. Корнилов знаком с Казановичем еще с Туркестана. В 1917 году он командовал 6-й Сибирской стрелковой дивизией.

Корнилов, как всегда, с самого возвышенного места наблюдает за ходом боя. Несколько поодаль стоит генерал Алексеев со своим адъютантом, ротмистром Шапроном, и с сыном. Ему тяжело в его годы, с его болезнью, но никогда еще никто не слышал из его уст вздоха малодушия. Тщательно избегая всего, что могло бы показаться Корнилову вмешательством в управление армией, он бывал, однако, всюду – и в лазарете, и в обозе, и в бою; всем интересовался. Он все принимал близко к сердцу и помогал добровольцам, чем мог – советом, словом ободрения, тощею казной.

Головная колонна корниловцев едва прошла полверсты, как на окраине станицы затрещали ружья, пулеметы. Со стороны Екатеринодара показался бронепоезд и открыл огонь из пушек шрапнелью. Видно, к большевикам подошло подкрепление.

Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб:

– Уведите вы его, ради Бога.

– А вы сами попробуйте, Ваше превосходительство! – отвечает, улыбаясь, всегда веселый генерал Трухачев.

Но Корнилов, как бы откликаясь на призыв Маркова, да-

ет команду ввести в бой Офицерский полк. Едва марковцы уходят в бой, как сам командующий со штабом и кавалерией отравляется в сторону станицы Усть-Лабы.

Для обоза создается критическое положение. Он без прикрытия. Все войска в авангарде, в арьергарде тоже идет бой. Впереди и сзади трещат выстрелы, ухают орудия.

Раненые поднимаются с подвод, тревожно озираются кругом. Обоз волнуется. Бой гудит и раскатывается артиллерией. Зловещий гул близится к обозу с ранеными.

– Слышите, слышите? – говорит юнкер молодому капитану с перебитыми ногами. Бой приближается к нам.

– Ничего, юнкер, Бог, не выдаст, свинья не съест. У меня револьвер с тремя патронами. Если что, после меня ваша очередь. Главное – не попасться большевикам в плен. Умучают, – нервно отвечает капитан и беспомощно откидывается на подушку...

Вдруг он отрывается от подушки и громко произносит:

– Простите меня, господа, Христа ради!!! Сегодня же Прощенное воскресенье...

– Бог простит, и я прощаю! – раздается со всех сторон. Все в колонне раненых просят друг у друга прощения. Завтра начинается Великий пост, но, к сожалению, он не остановит кровопролитие.

Со стороны арьергарда показываются какие-то люди. Легкораненые хватают винтовки и залегают в цепь. У всех лица озабоченные, строгие. Слава Богу, это свои.

– Ну что? Как? – спрашивают с телег раненые.

– Ничего, наседают, отбиваемся, – отвечают спокойно идущие.

Они отделяются от обоза и направляются влево по пашне цепью. Все глаза зорко следят за ними. Вот они почти скрылись. Доносится несколько одиночных выстрелов.

– Стало быть, и там большевики, – слышен ропот по обозу. – Обхватывают с трех сторон.

Близиться полдень, а исход боя неизвестен. Вот впереди особенно ожесточенно затрещали выстрелы, но треск их стал удаляться, как будто волны уносили его.

– Слышите, слышите – удаляется, удаляется! – несется по подводам.

– Обоз вперед! Обоз вперед! – раздается команда начальника обоза генерала Эльснера.

У всех камень падает с души. Теперь ясно: большевики отступают, наши занимают станицу.

А тем временем охват корниловцев уже обозначился. Все войска двинулись в атаку с фронта, и скоро корниловцы, марковцы и кавалерия врываются на станцию и в станицу, сбивают большевиков с отвесной береговой скалы, венчающей вход на дамбу, овладевают мостом и переходят за реку Кубань. Красноармейские части, что защищали станицу и станцию, по привычке отступают кто куда. Ослабили напор на Партизанский полк и войска Сорокина.

Следом через поле в станицу въехал штаб, кое-где разбро-

саны большевистские и добровольческие трупы. Через вымерший вокзал Корнилов и свита подъезжают к станичной площади. Останавливаются на привал. Но отдохнуть не приходится. Со стороны Кавказской слышны выстрелы. Что за выстрелы? Кто это? Ведь там юнкера.

Вдруг появляется вестовой от Боровского. Докладывает, что с востока, от Кавказской, подошел большевистский эшелон, разгрузился и идет к станице. Их не меньше полка, с ними артиллерия. Юнкера ведут неравный бой. Скоро на вокзале и в станице начали глухо взрываться шестидюймовые бомбы. В станице штаб и конвой – больше никого! Неженцев в пылу боя увлекся преследованием. Марковцы и кавалерия тоже гоняются по полям за красными.

Корнилов сумрачен и озабочен, ясно, что юнкера долго не продержатся. Штаб перемещается к западной окраине станицы. Ординарцы развозят распоряжения: поставить на площади батарею, повернуть на восточную окраину часть Офицерского полка, вернуть батальон корниловцев...

Проходит около 3/4 часа, пока собираются части. Борьбу ведет одна лишь батарея Миончинского и юнкерский батальон. Но скоро бегом мимо станции проследовали марковские офицеры, они вместе с корниловцами бьют и обращают в бегство подходящих уже к самой станице большевиков. Путь свободен. Станица прочно удерживается в руках авангарда армии. Со своей задачей справляется и Богаевский, сдерживая преследующую армию сорокинцев.

Из местной тюрьмы добровольцы освободили много казаков. Часть большевики расстреляли перед уходом, часть не успели. Пленных, как всегда, нет. Расстреляли всех, не спрашивая, мобилизованный или доброволец. Но Корнилов приказывает идти дальше, в станицу Некрасовскую, подальше от железной дороги. Это еще 10 верст. Всю ночь нескончаемые обозы, колонны входили в станицу, запружая ее улицы. В сутки прошли 46 верст с двухсторонним боем и переправой. Измученные люди валились в ожидании квартирьеров на порогах хат и просто на улицах. Спали и грезили долгожданным отдыхом. Сквозь сон несколько раз долетали звуки похоронного марша. Хоронили убитых и умерших. Местное кладбище обросло белыми крестами со свежими надписями. У всех мысль только одна: прошел еще один день тяжелого похода, выжил – это самое главное в данный момент. И не важно, что завтра вновь проснешься под вой снарядов и злорадный стук шрапнели по крышам.

***

Закончился еще один боевой день Кубанского похода. Не менее 15 тыс. чел. сражались в этот день с обеих сторон. У красных, как всегда, было двойное, тройное превосходство. Но победили умение и храбрость.

Корнилов невольно вспомнил другую войну, которая еще не закончилась. В Европе ее называли Великой войной, в

России официально Второй Отечественной, а не официально – германской. Вспоминая свое участие в этой войне, он невольно сравнил масштабы тех боев с боями Кубанского похода, все его оперативные планы казались игрушечными по сравнению с операциями Великой войны. Только по ожесточению и напряжению сил, разгорающаяся в России гражданская война, превосходила Первую мировую войну, как потом ее стали называть.

Великая война. Сражение на реке Гнилая Липа

Летом 1914 г. разразился Сараевский кризис, было ясно, что Россия не останется в стороне от европейской войны, поэтому Корнилов подал рапорт о переводе его в западные военные округа. Рапорт Корнилова был удовлетворен и Великую войну он встретил командиром 1-й бригады 49-й пехотной дивизии 24-го корпуса генерала Цурикова. Он попал на левый фланг 8-й армии генерала А.А. Брусилова, которая, в свою очередь, находилась на крайнем левом фланге Юго-Западного фронта.

В августе началось русское наступление против Австро-Венгрии, вошедшее в историю как Галицийская битва. Первый свой бой генерал-майор Корнилов принял у реки Гнилая Липа, что недалеко от города Галича.

Изначально основные события Галицийской битвы развернулись на северном фланге русского наступления – Люблин-Холмском, где австрийцы сосредоточили основные силы. Двойное превосходство позволило им первоначально добиться определенных успехов. Перед войсками Брусилова (и соседней 3-й армией Н.В. Рузского) австрийское командование сосредоточило меньшие силы (здесь мы обладали полуторным превосходством). 5 августа 8-я армия форси-

рвала Збруч и начала ускоренно продвигаться на запад, не встречая значительного сопротивления. Серьезные бои вскоре вспыхнули на фронте 3-й армии, на помощь которой поспешил Брусилов. Основное сражение развернулось на реке Гнилая Липа, где противник потерпел сокрушительное поражение. 24-й корпус занял позиции у Галича, прикрывая фланг армии. В составе этого корпуса, состоящего из 48-й и 49-й пехотных дивизий, была и 1-я бригада генерала Корнилова, которая впервые вступила в бой 12 августа 1914 года.

Австрийцы, ведя яростные атаки, напрягали все усилия, чтобы сломить бригаду Корнилова; последняя стойко отражала врага, переходя в энергичные контратаки.

Однако после нескольких дней кровопролитного боя, потеряв более половины своего состава, бригада начала самостоятельный отход. Корнилов, зорко следивший за ходом боя с наблюдательного пункта, поскакал верхом на лошади к отходившим стрелковым цепям. Под жесточайшим огнем противника он остановил отходивших, привел их в порядок, ободрил и сам повел в иттыковую атаку наседавшего врага. Воодушевленные и увлекаемые примером своего вождя, истомленные многодневными боями войска напрягли все свои силы и разбили врага. В этом бою под генералом Корниловым была убита лошадь, сам же он при падении получил ушибы. В последствие личное вмешательство в ход сражения стало особенностью военного руководства Корнилова.

22 августа, почти без боя, Галич был взят 24-м корпусом. Вошедшая в него 48-я дивизия захватила 50 орудий. Еще ранее, севернее, основные силы австрийцев окончательно потерпели поражение и 20 августа оставили Львов.

С взятием Галича и Львова завершилась Галич-Львовская операция южного фланга Галицийской битвы, где с обеих сторон в ней участвовало до полумиллиона солдат. Вскоре по протекции Цурикова Л.Г. Корнилов был назначен командиром 48-й пехотной дивизии¹⁴. Одновременно с ним в командование 4-й отдельной стрелковой бригады вступил генерал-майор Антон Иванович Деникин.

---

¹⁴ В состав 48-й дивизии входили 189-й пехотный Измайловский полк, 190-й пехотный Очаковский полк, 191-й пехотный Ларго-Кагульский полк и 191-й пехотный Рымникский полк. Так как в нее входили полки символизирующие победы А.В. Суворова в Русско-турецких войнах дивизию неофициально называли Суворовской. Отменная репутация, которую завоевала корниловская 48-я дивизия, вскоре принесла ей второе неофициальное название – Стальной.

У красных

Ночь с 6 на 7 марта выдалась морозной и ясной. Южное небо пышно раскинулась звездами. У костра, сложенного из железнодорожных щитов, сидит группа красноармейцев Варнавского полка¹⁵. Того самого, что сегодня вел бой за станцию Усть-Лабинскую. Солдаты кутаются в шинели, греются и пристально смотрят на огонь, искры пламени играют в их глазах. Лица у всех суровы и напряженны. Здесь и молодые, безусые солдаты, впервые взявшие в руки винтовки, и бородаты ветераны, не первый год тянувшие ляжку войны. Все добровольцы. Чуть поодаль сидит их командир с интеллигентным лицом, в новенькой шинели без погон, в защитной фуражке со звездой. Большинство в папахах. У всех красные полосы на папахах, или пятиконечные звезды, у некоторых перевернутые двумя концами верх, как коровьи рога.

– Да, дали нам сегодня, братцы, жару золотопогонники! – прервал тягостное молчание один из бородачей. Почему нас постоянно бьют кадеты? А, товарищ ротный! – обратился он к командиру.

– Наверное, потому, что у них лучше выучка, больше военного опыта, они же почти все офицеры, профессионалы. К тому же у нас еще хворает дисциплина, нет опытных коман-

---

¹⁵ Такого полка в Красной армии не было.

дилов, – парировал ротный командир.

– А вы из кадровых? – не унимался бородач. – Кем были в царской армии?

– Нет, я мобилизованный, до германской работал на военном заводе инженером в Питере. На фронте командовал полуротой, прапорщик. В пятнадцатом году попал в плен, бежал, потом вернулся на завод. И вот сейчас у вас команду ротой. Что еще? В Красной армии добровольно.

– Значит, вас у нас повысили.

– Получатся, что повысили.

Опять наступило тягостное молчание, которое прервал второй бородач, покуривая трубочку.

– Гнали нас при царе под Саракамыш. Ничего не объясняли: за что воюем, за что турок бьем. А горы там ужасные. Посмотришь, – аж дух захватывает... А теперь – не то: эта война – для себя, отчаянная... И все понятно – кто и за что...

– За что же? – улыбаясь, спросил первый бородач.

– Как за что? За справедливость. Чтобы не было на земле богатых.

– Это чтобы все были бедные? – ехидно переспросил первый.

– Что, дурак, пристал. Я же сказал, чтобы все было по справедливости. Если ты паразит, за чужой счет живешь, то тебя к ногтю. А кто трудится, тот достоин хорошей жизни.

– Товарищ ротный, – вдруг вступил в разговор молодой солдат, сидевший ближе всех у костра без шинели. – Вот сре-

ди буржуев много злодеев есть, но и среди нашего брата их немало.

– Раз уж через кровь переступили в четырнадцатом году, народ теперь ничем не остановишь, – ответил ротный.

– Я не по то, – повторил голос из-за дыма. – Враг – он и есть враг, кровь за кровь и все такое прочее... А я – про злодеев.

– А сам-то ты кто есть? – спорил бородач с трубочкой.

– Я-то? – многозначительно и тихо ответил голос. – Я и есть злодей...

Бородач с трубочкой наклонился к уху ротного командира и шепотом произнес: «Мишка Соломин. Скрытый алкоголик. Отчаянный парень. В боях свирепствует».

Неожиданно из темноты вынырнула фигура еще одного чернобородого красноармейца. На плече его висела шинель с погонями рядового. Он тащил за собой молодого парня в одной гимнастерке, без фуражки, с перебитой рукой. У костра солдат ловко сбил его с ног.

– Вот, сука, паразит... Допрашивай его, ребята...

Он пнул упавшего ногой и, срывая погоны с шинели, бросил их в огонь. Пленного обступили трое солдат.

– Лежим, значит, с ребятами в дозоре, – начал свой рассказ чернобородый. – Глядим: идут двое с их стороны. Крикнули: «Пароль!». Они побежали. Мы залпом. Один упал, второй убежал. Вижу: у него сапоги хорошие. Подхожу, а он живой...

– Ты кто такой, отвечай! – прокричал один из обступивших, схватив юношу за чуб.

– Вольноопределяющийся из юнкерского батальона, – зло сказал тот.

– Глазами блестает, вот сволочь...

– Мальчишка, а злой, гадюка...

– За отцовские капиталы пошел воевать... Видно, из богатеньких...

– Чего на него смотреть? В расход его...

– Постой, может, у него какие бумаги? В штаб его...

– Волоки его в штаб! – раздалось сразу несколько голосов из среды солдатской вольности.

– Нет! – закричал чернобородый, кидаясь к пленному. – Он мой. Он раненый в меня два раза стрелял. Не отдам... – И закричал еще громче пленному:

– Скидавай сапоги!

Обритая круглая голова юноши отсвечивала в бликах костра. Зубы были оскалены, зрачки бешено вращались. Видно было, что тот вне себя. Он резким движением вскочил. Левая рука его безжизненно болталась в разорванном окровавленном рукаве гимнастерки. Из гортани раздался протяжный хрип, шея вытянулась. Все невольно расступились.

– Мерзавцы, хамы, красная сволочь! – закричал он, как затравленный зверь. – В морду, в морду вас! Мало вас пороли, вешали, собаки? Мало! Мало! Всех, всех загоним штыками в могилы, в подвалы. Где вам и место...

Вдруг вскочил со своего места Мишка Соломин и закричал:

– Ату его, ребята! В костер паразита!

Он подбежал к юнкеру и сильным ударом сбил с ног. Юношу со всех сторон обступили красноармейцы и начали пинать. Потом подняли и понесли к костру.

Ротный закрыл глаза. Он слышал, как острый крик прорезал их нарастающий гнев. Когда крик смолк, ротный открыл глаза и увидел поднимающийся над костром столб искр.

***

На следующее утро на вокзальной площади разгорелся революционный митинг. Меся топкую грязь сапогами, валенками, лаптями, солдаты Варнавского полка шли на площадь. Возбуждение было по поводу поражений последних дней. Раздавались громкие крики: «Вали, ребята, на митинг! Сами разберемся, почему нас гонят на убой!»

Ораторы один за другим влезали на дерновую крышу при вокзальной будки и произносили речи.

– Почему нас бьют корниловские банды? – кричал один из них. – У Корнилова пятьдесят тысяч кадетов, а на него бросают по одному полку, на убой...

– Почему кадетов подпускают к Екатеринодару?.. Какой тут план? – кричал другой оратор.

– Измена, ребята! Тащи сюда командира и комиссара. Пу-

щай ответ держат! – кричал третий.

Тысячная толпа рявкнула: «К ответу!» – с такой силой, что грачи взвились с крыш и деревьев под самые тучи.

Наконец на трибуну влез командир полка Сапожков¹⁶. Костлявое и бритое лицо его было бледно, но решительно. За ним неуверенно следовал комиссар полка, под его треснутым пенсне в глазах прятались страх и нерешительность.

– Хотите знать, дьяволы, почему нас бьет золотопогонная сволочь? – начал Сапожков не слишком громко, но так, чтобы было слышно повсюду. – А вот из-за этого крика и безобразия. Мало того, что вы не выполняете приказы командиров, развели вольницу, но и гавкаете по всякому поводу. Кто вам сказал, что нас разбили? Кто вам сказал, что Корнилова предательски подпускают к Екатеринодару? Ты, что ли? – при этих словах командир полка вынул из кармана наган и указал им на кого-то из стоящих внизу. – Ну-ка, влезай сюда, поговорим... Ага, это не ты сказал... – уже примирительно произнес командир, убирая наган в карман.

Первое напряжение было снято. Толпа внимательно слушала своего командира. Тот, улыбнувшись, уже примирительно продолжил:

– Вы думаете, я такой дурак – не понимаю, чего вы бузите. Вон, Федька Иволгин – раз. Терентий Дуля – два. Мишка Соломин – три – узнали, что на соседней станции стоит

---

¹⁶ Сапожков – литературный герой, заимствованный из трилогии Алексей Толстого «Хождение по мукам».

цистерна со спиртом. Ну, ясное дело, ребята рвутся в бой... (Комиссар криво улыбнулся, в толпе раздался смех). Ясное дело, главком – предатель, командир полка – мамкин сын, а вдруг цистерна со спиртом попадет в руки к корниловским офицерам? Вот горе-то для республики... (взрыв хохота раздался на площади).

Выждав паузу, Сапожков заявил:

– Ну что, инцидент считаю исчерпанным, товарищи... (солдаты примирительно загудели). – Теперь слово комиссару полка, товарищу Соколовскому...

«Вывернулся, шут гороховый», – зло подумал про себя комиссар, но в душе был благодарен Сапожкову за то, что тот снял кровавое напряжение митинга.

– Бойцы, не время сейчас для митингов, – начал Соколовский с пафосом. – Вы горстка революционных бойцов. Трудящиеся всего мира с надеждой смотрят на вас. Паразиты, ползучие гады, банды Корнилова и всякая контрреволюционная сволочь должны быть выметены железной рукой пролетариата и крестьянства с кубанской земли! – Потом Соколовский задумался и добавил:

– А также трудового казачества. Огнем и свинцом ответим буржуазии всего мира! Мир трудящимся, смерть эксплуататорам, да здравствует мировая революция!..

У белых

У Корнилова тоже был свой «комиссар» – матрос 2-й статьи Федор Баткин, представитель интереснейшего типа людей, рожденных революцией. По происхождению он был еврей, по партийной принадлежности – эсер, по ремеслу – агитатор.

Матросом Баткин стал накануне Февральской революции, но на палубу корабля так ни разу и не поднялся. Зато язык привел его в состав делегации Черноморского флота, что отправилась в Петроград. С тех пор имя его гремело на протяжении нескольких месяцев в столице, где он как эсер агитировал за Советы, но без большевиков. Портреты «матроса Баткина» красовались в иллюстрированных журналах, в информационных заметках о многочисленных съездах, митингах, встречах и т. п., то и дело мелькало: Баткин, Баткин, Баткин... Но большевикам он был не нужен, и обиженный «матрос» в январе 1918 года появился в Ростове и снова приступил к агитационной деятельности за счет штаба Добровольческой армии.

В матросском бушлате и бескозырке с георгиевскими ленточками на митингах он выглядел нелепо, зато удачно восполнял недостатки по идеологической части в Добровольческой армии. На походе фигура Баткина, трясущаяся верхом на лошади, неизменно появлялась среди квартирьеров и по-

том на станичных и сельских сходах. Он хитроумно доказывал поселянам, что Корнилов защищает революцию, а большевики, напротив, – контрреволюционеры, купленные немцами. Его речи производили странное впечатление: уместные, быть может, в солдатской и рабочей среде, они были одинаково чужды и добровольческой психологии, и мировоззрению казачества. Много раз офицеры пытались его пристрелить в обозе как жида и красного сукина сына, но его охранял лично Корнилов.

Вот этот самый Баткин вместе с генералом Деникиным и пришел рано утром 7 марта на хату к Корнилову в станице Некрасовской для разговора по «душам».

Первым в хату вошел кривоногий и черный, как все евреи, матрос Баткин. Он был небритый, в грязном матросском бушлате. Переступая порог и здороваясь, снял бескозырку с георгиевскими ленточками. За ними вошел генерал Деникин, как всегда, чисто выбритый, с закрученными по-кавалерийски усами и седеющей бородкой клинышком. Он был в накрахмаленном мундире с погонями генерал-лейтенанта. Деникин снял фуражку с офицерской кокардой и первым сел за деревянный стол, стоявший посередине просторной хаты станичного атамана.

– Чему обязан столь ранним посещением, господа? – уныло спросил Корнилов, немало удивляясь их совместному появлению. Никто в армии не замечал, чтобы матрос Баткин и генерал Деникин были как-то близки друг другу. – Надеюсь,

не военные дела, вас привели ко мне.

– Нет, не военные дела, – ответил Деникин. – Но главным образом вопрос об управлении армией... Нет! – подумав немного, вновь сказал Деникин. – Скорее, об идеологической платформе армии. Мы вот тут с... – Деникин хотел назвать своего попутчика по имени, но никак не мог его вспомнить, поэтому произнес – ... с матросом заспорили о политических ориентирах в армии. Баткин считает, что идеологическая работа должна строиться на платформе партии социалистов-революционеров, с чем я никак не могу согласиться.

– А на какой же еще платформе, Антон Иванович? – вспылil Баткин. Уж, не на платформе ли кадетов, извиняюсь, конституционно-демократической партии! У кадетской партии можно лишь взять лозунг «единой и неделимой России» – и только. Не можем же мы ратовать за восстановление помещичьего землевладения и возврат фабрик и заводов фабрикатам. Мы так оттолкнем от себя крестьянскую массу. Да и потомственный пролетариат нас не поймет. Ведь нас и так красные и казаки называют «кадетами».

– Но ведь в нашей армии много детей крупных землевладельцев и фабрикантов. Много представителей старинных дворянских родов. Понятно, что они воюют за России, но за свою Россию, с привилегиями, добытыми их предками, – резонно возразил Деникин.

– Но ведь вы, Антон Иванович, насколько мне известно,

да и Лавр Георгиевич, не относитесь к крупным землевладельцам, – опять перехватил инициативу Баткин. – Пусть и наше русское шляхетство поделится привилегиями с народом. Я поминаю, что во времена Ивана Грозного и Петра Великого наше дворянство, как и весь народ, несло свое тягло. За военную службу их наделяли поместьями. А при Екатерине II что? Крестьяне как тянули свое тягло: и барщину, и оброк, и рекрутчину – так и продолжали тянуть. А дворянам вольная: хошь служи, хошь сиди в своем поместье, наслаждайся жизнью за чужой счет. Александр II дал крестьянам волну. А землю не дал. А на что она им без земли? Нет, господа, только эсеровская программа «социализации земли» самая правильная сейчас.

Корнилов, до сих пор внимательно слушавший спорящих, вдруг высказал свое мнение:

– Значит, мы должны воевать за идеи социалистов-революционеров, которые убивали бомбами наших отцов!

– Убивали царских чиновников, – возразил Баткин. – Наши лидеры, Савинков и Чернов, на вашей стороне, Лавр Георгиевич. Они считают, что только вы сможете победить большевиков, этих предателей революции, этих наемников немецкого капитала. Да к тому же народ за эсеров. На выборах в Учредительное собрание, которое похабно разогнали большевики, правые эсеры получили более половины мест...

Наступила пауза, которую прервал генерал Деникин.

– Скажите, Лавр Георгиевич, почему вы в последнее вре-

мя все военные решения принимаете самостоятельно, без военного совета, как раньше?

Корнилов понял, что именно этот вопрос привел Деникина к нему в столь ранний час. Немного подумав, он ответил:

– Я принимаю решение только по маловажным вопросам, Антон Иванович. К тому же в столь стремительно разворачивающихся событиях нет времени на совещания...

Корнилов внимательно посмотрел на Деникина, пытаясь понять, удовлетворил ли его ответ. Неожиданно на помощь пришел матрос Баткин.

– Руководство армией в столь решительный момент не предполагает широкой демократии. Нужно единоначалие и только единоначалие! – с пафосом произнес он. Затем, посмотрев в сторону, загадочно произнес:

– К тому же на примере Английской или Французской революции мы видим, что все они кончались военной диктатурой...

После этих слов Корнилов и Деникин внимательно посмотрели на Баткина, пытаясь углядеть лукавство в его глазах, но хитрый еврей умышленно смотрел в сторону.

– Я военный, а не политик, моя задача – вернуть полномочия Учредительному собранию. А оно пусть само решает вопрос о власти, – произнес Корнилов.

– Последний вопрос, Лавр Георгиевич, – произнес Деникин. – Вы монархист или республиканец?

Корнилов загадочно улыбнулся и ответил:

– Не знаю. Скорее всего, республиканец. Вы ведь сами знаете, господа, что я участвовал в аресте Александры Федоровны и отвечал за охрану царской семьи в Царском Селе...

После этих слов Корнилов задумался, и его гостям стало ясно, что пора уходить. Они спешно засобирались. Но Корнилов, посмотрев на Деникина, сказал:

– Я попросил бы вас, Антон Иванович, задержаться на несколько минут...

Когда ушел Баткин, Корнилов обратился к Деникину:

– Я не хотел при Баткине. Мы с вами воюем, Антон Иванович, с 1914 года, вместе сидели в Быховской тюрьме. Так вот, чтобы вы знали... После ареста государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я – казак. А настоящий казак не может не быть монархистом...

***

Деникин вышел от Корнилова совершенно потрясенным его последними словами. Ему вдруг вспомнилась их первое боевое братство на австрийском фронте, когда в конце авгу-

ста 1914 год его бригада «рука об руку» сражались с дивизией Корнилова.

Тогда австрийцы, раздосадованные падением Львова и Галича, решили нанести ответный удар по войскам Брусилова и Рузского. В ожесточенных боях у Равы-Русской австрийцы прорвали русский фронт. Но 8-й армии генерала Брусилова все же удалось из последних сил закрыть прорыв и удержать позиции западнее Львова.

Впоследствии в своих мемуарах Деникин писал: «Против нашего 24-го корпуса они выставили два своих. Завязался тяжелейший бой у д. Комарно. Несмотря на первоначальный успех, наши войска были сбиты с позиций и были вынуждены отступить. Положение становилось критическим, в этот момент Корнилов, отличавшийся чрезвычайной храбростью, лично повел в контратаку последний свой неподрепанный батальон и на некоторое время остановил врагов. Но вскоре вновь обойденная 48-я дивизия должна была отойти в большом расстройстве. В руках австрийцев остались пленные и 18 орудий. Не снимая ответственность с Корнилова как начальника дивизии, отметим, что именно Брусиллов (как командующий армией) должен был разгадать планы противника и парировать этот удар. Получилась эта неудача у Корнилова, очевидно, потому, что дивизия не отличалась устойчивостью, но очень скоро в его руках она стала прекрасной боевой частью».

Далее Антон Иванович писал: «С Корниловым я встре-

тился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914, когда он принял 48 пехотную дивизию, а я – 4-ю стрелковую (железную) бригаду.

С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжких боёв, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова – военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, – высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, – свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части».

В Закубанье

Днем 7 марта, как бы отвечая на упреки Деникина, Корнилов собрал военный совет в станице Некрасовской.

От штаба пришли генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Казанович, Трухачев. От строя – генералы Марков, Богаевский, Боровской, полковники Кутепов, Тимановский, Гершельман, Икишев и еще несколько штабных и строевых офицеров. Пришли также Родзянко и Баткин.

– Господа, – начал Корнилов, – в последнее время меня обвиняют в том, что я принимаю решения единовластно. Так вот, я хотел бы с вами посоветоваться по нашим дальнейшим действиям. Но прежде всего я бы хотел зачитать сообщение из большевистской газеты «Известия», найденной сегодня в станице Некрасовской. Представления врага о нас помогут нам строить свои планы... Поручик Долинский, прочитайте нам, пожалуйста, – обратился Корнилов к своему адъютанту.

Долинский вышел на середину хаты и зачитал: «После обхода станции Тихорецкой Корнилов продвинулся к Выселкам. Советские войска умелым маневром окружили здесь корниловцев. К сожалению, по топографическим условиям местности не удалось создать тесного кольца... и Корнилов вынужден был (пойти) через имевшуюся отдушину к востоку по дороге со станции Кореновской на станицу Усть-Лабинскую, имея своей задачей пробиться к Майкопу... Бе-

логвардейцы снова заперты в кольце войск, еще более тесном... Они мечутся, стараясь нащупать более слабое место среди кольца революционных войск, чтобы, найдя его, пробиться к какому-нибудь мало-мальски крупному городскому центру, где можно было бы хоть временно опереться... Час расплаты Корнилова, Алексеева и всех главарей, находящихся у него в отряде, стал ближе.

Что касается отрядов Филимонова и Покровского, то, разбитые под Екатеринодаром, они рассеялись по направлению от Эйнама и Георгие-Афипской к востоку... и никакой угрозы собою представлять не могут...».

Долинский закончил чтение, и слово снова взял Корнилов:

– Итак, господа, из большевистской прессы видно, что войска противника ждут нас в районе Майкопа. Войска Кубанской рады они в расчет не принимают. Поэтому полагаю целесообразным идти в Закубанье, в черкесские аулы, и соединиться с Покровским и Филимоновым. Кроме того, по сведениям, предоставленным недавно генералом Эрдели, черкесы, угнетаемые советской властью, готовы поднять восстание и присоединиться к нам. Как вы полагаете, Антон Иванович? – обратился главнокомандующий к Деникину.

Деникин вздрогнул от неожиданности и пробасил:

– Я полагаю, что это правильное решение...

– А что вы думаете, Михаил Васильевич?

– Я думаю, что альтернативы вашему решению нет, Лавр

Георгиевич, – вяло ответил Алексеев.

– Есть ли другие мнения, господа? – еще раз спросил Корнилов, обводя взглядом окружающих. Все молчали, выражая тем самым согласие с давно уже решенным главнокомандующим вопросом.

– Хорошо, а теперь перейдем к кадровым делам... – продолжал Корнилов. – Я принял решение назначить командиром Партизанского полка генерала Казановича. Вы, Африкан Петрович, отзываетесь в распоряжение штаба до особых полномочий. И второе: я снимаю с командования регулярным эскадронам полковника Гершельмана как не справляющегося со своими обязанностями¹⁷. Я не понимая, как вы смели отдать большевикам кровью завоеванную местность? Я не расстрелял вас, лишь принимая во внимание ваши прежние заслуги в армии, – продолжал Корнилов, но потом, смягчившись, добавил. – Василий Сергеевич, сдайте полномочия своему заместителю, вы же будете пока в резерве чинов.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – с явным недовольством резко ответил тот и вопрошающе посмотрел на Алексеева. Все знали, что гвардии полковник Гершельман, как и все гвардейские офицеры, был человеком Алексеева. Именно с них начинала создаваться «Алексеевская органи-

---

¹⁷ Полковник Гершельман был снят Корниловым с командование за то, что самовольно оставил станцию Выселки, где его конный отряд был оставлен для охраны. Ее тут же заняли красные.

зация». Алексеев побагровел, но возражать не стал.

– Если ни у кого нет вопросов, то совещание считаю законченным. Прошу господ генералов и офицеров приступить к исполнению своих обязанностей. Завтра выступаем из станицы Некрасовской на станицу Филипповскую, – подвел черту Корнилов.

***

Все разошлись. Деникин и Романовский направились в свои штаб-квартиры и шли вместе. Над станицей рвались снаряды. Они летели с юга, из-за реки, и с севера, со стороны Усть-Лабы, против которой стояли в арьергарде корниловцы.

– Как вам, Иван Павлович, нравится отставка Гершельмана? – начал неприятный разговор Деникин. – Ведь это явный шар в сторону Алексеева.

– Да, Антон Иванович, неприятная ситуация. Уже сейчас среди офицеров ходят слухи, что, когда придем в Екатеринодар, армия распадется на две части – Корниловскую и Алексеевскую.

– Не приведи, Господь, Иван Павлович. Кто же останется у Алексеева? Кучка гвардейцев. Все же ведь пойдут за Корниловым. Казаки, по крайней мере, все только за ними и пойдут...

Генералы вышли на большую станичную площадь. Посре-

ди ее возвышался каменный храм с колокольней.

– Не зайти ли нам в церковь, Иван Павлович? – предложил Деникин.

– Пожалуй, самое время просить у Господа прощения, – ответил Романовский.

В церкви было много народа – добровольцы, станичники. Горели свечи. Вился густой дым от каминов. Высокий статный священник читал прощальный канон Андрея Критского: был вторник первой недели Великого поста. Все стояли на коленях.

– Помилуй меня, Боже! Помилуй мя, грешного! – пел церковный хор...

Из церкви вышли уже, когда звездная мартовская ночь с легким морозцем полностью властвовала над станицей.

– Храм – это, пожалуй, единственное убежище, куда не вторглось еще звериное начало, – с грустью произнес Деникин. Но вот завтра мы уйдем, придут «они», убьют священника и надругаются над храмом¹⁸...

***

В ночь на 8 марта передовые части Добровольческой армии перешли с боем на левый берег реки Лабы и, отбросив большевиков, обеспечили переправу всей армии. Пер-

---

¹⁸ На следующий день священник, отец Георгий Руткевич был убит большевиками по обвинению в «сочувствии кадетам и буржуям».

вым перешел Юнкерский батальон Боровского. Как было сказано в его донесении, «юнкера смело бросились в холодную воду, хотя малыши пускали пузыри».

Путь на станицу Филипповскую шел через крестьянские хутора – сплошь пробольшевистские. Каждый хутор, каждая роща, отдельные строения ощетинились сотнями ружей и встречали наступающие части огнем. Армия шла сплошным потоком, каждая уклонившаяся в сторону команда или отбившаяся повозка встречала засаду и пропадала. Занятые с бою хутора оказывались пустынными: население бежало, уводя скот, унося более ценный скарб и оставляя на произвол судьбы свои дома и пожитки. Широкая долина реки, насколько хватало глаз, озарилась огнем пожаров. Рвались гранаты, снаряды, пылали подоженные хаты.

Лишь к закату армия, раздвинув сжимавшее ее огневое кольцо, заночевала в двух хуторских поселках. Штаб армии разместился в хуторе Киселевском.

Шел дождь, и при этом надвигалась стужа. На улицах сбились в кучу повозки, столпились люди, как минимум половине из них не хватило крыш. Генерал Алексеев со своими людьми разместился в маленькой хате на краю хутора. Было очень тесно, генерал был нездоров, он расстроился из-за взаимоотношений с Корниловым. Маленькая квартирка, которую он занимал, не соответствовала его положению.

На ночевку к нему пришел генерал Деникин. Между ними за горячим чаем, который после долгого холодного пере-

хода оказался как нельзя кстати, завязался непринужденный разговор.

Вначале речь зашла о впечатлении от минувшего боя и прогнозе на будущее. Это немного успокоило генерала Алексеева, и он стал развивать свою точку зрения на дальнейший ход борьбы.

– Пробуждение казачества и создание обеспеченной базы для армии – вот что самое необходимое в данный момент, Антон Иванович, – начал Алексеев. – Иначе – конец организации и весьма болезненный процесс переноса живой силы на другую почву, более плодотворную: Волгу и Сибирь. При отсутствии иного выхода – даже, быть может, в Закавказье...

– Да, Михаил Васильевич, – подхватил тему Деникин. – Умом не постигаю, но сердцем верую, что не погибнет ни идея, ни армия... Но вот что беспокоит меня и всю армию, так это ваши взаимоотношения с главнокомандующим.

– Что такое наши взаимоотношения по отношению к осознанию долга и ответственности перед армией и всем белым движением. В интересах дела я готов, Антон Иванович, демонстрировать лояльность к Корнилову, но любить его – это вы меня увольте. Я считал и считаю Корнилова выскочкой, его уровень, как минимум, – командир дивизии. Боюсь, как бы он ни завел армию в тупик.

– Вы не правы, Михаил Васильевич! – горячо заговорил Деникин. – Как вы не правы! Да, Корнилов бывает крут, упрям и своенравен, но он прекрасный стратег, к тому же он

рыцарь без страха и упрека. Я знаю его с 1914 года, с боев на Сане и в Карпатах. Даже сам Брусилов, который не особенно благоволил к Корнилову, писал, что он «свою дивизию никогда не жалел, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Корнилов себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову...».

– Да, я об этом знаю, но там все было не так однозначно. Я, будучи тогда начальником штаба Юго-Западного фронта, тоже читал реляции командующего 8-й армией. Брусилов в рапортах часто давал негативную оценку действиям Корнилова. Насколько я помню, он писал командующему фронта генералу Иванову: «Увлекаемый жаждой отличиться и своим горячим темпераментом, Корнилов не выполнил указания своего командира корпуса и, не спрашивая разрешения, скатился с гор и оказался, вопреки данному ему приказанию, в Гуменном».

Карпаты: осеннее и зимнее наступление

К середине сентября 1914 года основные операции Восточного фронта Первой мировой войны перенеслись в Русскую Польшу: австрийские и германские армии мощным наступлением пытались взять Варшаву. В конце сентября наши войска в Галиции несколько отошли, однако продолжали держать оборону. Наш успех под Варшавой и выход к германской границе заставил австрийцев отступить. В конце октября 8-я армия переправилась через р. Сан, а через несколько недель вышла к Карпатам.

Брусиллов решил оттеснить противника к карпатским перевалам. Начавшееся наступление стало «звездным часом» Корнилова и его дивизии, которую впоследствии прозвали «стальной». Его войска продвигались с боями в тяжелейших погодных условиях: морозы, метели, обледенелые склоны гор и практически полное отсутствие дорог. Однако благодаря упорству и успешному руководству со стороны Корнилова, а также героизму нижних чинов и офицеров дивизия успешно теснила противника.

Уже 5 ноября Корнилов при поддержке кавалерии захватил важный Ростокский перевал, а 9 ноября взял деревню Синна. 48-я дивизия перевалила через Карпаты и начала

спускаться на Венгерскую равнину. На следующий день она, вопреки приказу командира корпуса, захватила деревню Гуменное. В этот же день отряд подполковника Свяцкого в ходе решительного наступления захватил командира ландштурменной бригады генерал-майора Рафта, 17 офицеров и 1200 нижних чинов. Причем, по преданию, генерал был настолько поражен успехами русских, что заявил: «Корнилов – не человек, стихия».

Где появлялся генерал Корнилов со своей дивизией, там была победа, там враг был бит и бежал. Солдаты любили своего сурового, требовательного, но справедливого в ратном деле вождя. Он был всегда среди них: в своем неизменном при всякой погоде сером непромокаемом плаще быстро обходил позиции при расположении на месте и скакал на лошади в цепях при наступлении, появляясь всегда в наиболее важных и опасных пунктах боя. Офицеры и солдаты верили в него, они были убеждены, что с Корниловым не будет неудачи.

Однако осеннее наступление 8-й армии в Карпатах скоро обернулось отступлением. Стремясь к реваншу, противник начал подтягивать подкрепления и попытался прорвать фронт в районе дислокации дивизии Корнилова. Недостаток снарядов и патронов, а также выдвигание вперед по общему фронту заставили Корнилова начать 15 ноября общее отступление, которое завершилось через пять дней. Искусным маневром, сопряженным с невероятными по трудности

стям переходами по горам, ведомая железной рукой своего вождя, 48-й дивизия прорвала сжимавшее ее кольцо австро-венгерских войск и присоединилась к своей армии. Однако при отступлении Корнилову пришлось бросить тяжелую артиллерию, зарядные ящики и обоз. За это Брусилов хотел отдать Корнилова под суд и только по ходатайству Цурикова ограничился выговором в приказе по армии как Корнилову, так и Цурикову.

В общей сложности за период с 26 октября по 20 ноября Корнилов взял в плен 1 генерала, 58 офицеров и 6756 нижних чинов. Общие потери составили 32 офицера и около 5000 нижних чинов (половина – раненые).

Если осеннее наступление Юго-Западного фронта в Карпатах ограничилось действиями лишь одной 8-й армии, то в зимнем наступлении принимали участие 8-я и 3-я армии Юго-Западного фронта. Юго-восточнее русским корпусам, имевшим против себя 13-15 австро-германских дивизий, приходилось держаться оборонительно.

11 января 1915 года Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич отдал приказ войскам Юго-Западного фронта возобновить общее наступление в Карпатах. Четыре русские армии сражались здесь против пяти австро-венгерских. На острие наступления было 4 пехотных и 2 кавалерийских корпуса 8-й армии. Армия Брусилова, наступавшая в Северных Карпатах, должна была опять пробиться на Венгерскую равнину.

Начавшееся наступление в январе-феврале 1915 года привело к ряду тяжёлых встречных боёв на горных перевалах в зимнюю стужу. Боевые действия в этом районе получили название «резиновой войны». Давившим друг на друга противникам в ходе сражений приходилось то углубляться в Карпаты, то отходить назад. Бои в заснеженных горах отличались большим упорством. Только в первых числах февраля правое крыло 8-й армии овладело участком Карпат на линии Конечна – Свидник – Медзилаборца – Балигород.

В ходе так называемого Лиманского сражения «Стальная» дивизия Корнилова, перебрасываемая на самые тяжёлые участки фронта, разбила неприятеля в боях под Гоголев и Варэшице и дошла до Карпат, где взяла Крепну. В январе 1915 года 48-я дивизия заняла главный карпатский гребень на линии Альзонагон – Фельзадор. В феврале Корнилов был произведён в генерал-лейтенанты, и его имя получило широкую известность в армейской среде.

Во время начавшейся весенней распутицы весь Юго-Западный фронт перешёл в общее наступление, русские войска, неся тяжелейшие потери, продвинулись на 20-25 км и овладели некоторыми карпатскими перевалами.

На долю 48-й дивизии генерал-лейтенанта Корнилова выпала задача по взятию крепости Зборо. Крепость была расположена на «высоте 650» и защищена проволочными заграждениями и линиями окопов с укреплёнными огневыми точками. Накануне Корнилов тщательно изучил план

неприятельских укреплений. В результате штурм прошёл в точности по плану Лавра Георгиевича: внезапно обрушившийся на высоту шквальный огонь русской артиллерии и фронтальная атака пехоты позволили главным ударным силам Корнилова незамеченными обойти противника и обратить его в бегство. Взятие Крепости Зборо стало одной из самых блестящих операций, проведённых Корниловым. С её взятием русским войскам открывалась дорога на Венгрию.

Однако победный марш русских армий по Венгерской равнине не состоялся. Германское командование перебросило несколько своих корпусов в помощь австрийцам, тем самым сцементировав их оборону. Совместно они сумели остановить русские армии на самом пороге Венгрии. Кроме того, австро-венгерские войска предприняли попытку контр-наступления на левом фланге 8-й армии с целью деблокировать крепость Перемышль. Но Брусиллов, получив подкрепление, отразил его. В результате после шестимесячной осады 9 марта сдалась австрийская крепость Перемышль. В плен попало 120 тыс. чел., было захвачено более 1 тыс. орудий.

Освободившаяся 11-й армия усилила русские войска в Карпатах. В конце марта 1915 года русские армии снова перешли в наступление. Для отражения их натиска германское командование перебросило на данный участок новые силы. Российская же Ставка из-за тяжёлых сражений на

Восточно-прусском направлении не могла обеспечить Юго-Западный фронт необходимыми резервами. Кровопролитные фронтальные бои в Карпатах продолжались до середины апреля. Они стоили огромных жертв, но не принесли решительного успеха ни одной из сторон. Русские потеряли в Карпатской битве около 1 млн. чел., австрийцы и немцы – 800 тыс. чел. Такие большие потери были связаны с большим количеством больных и обмороженных, ведь Карпатская битва велась в зимних условиях.

Для Корнилова начальные сражения Великой войны, как и для многих русских генералов и офицеров, были овеяны романтикой первых побед, хотя и перемешанных с неудачами. В списках тогда ходили среди офицеров стихи прапорщика лейб-гвардии Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны уланского полка Николая Гумилева «Наступление»:

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели*

Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

По черкесским аулам. Встреча с кубанскими добровольцами

Рано утром 9 марта Добровольческая армия двинулась к станице Филипповской. Ее пришлось брать с боем. Далее путь шел на станицу Рязанскую, которую армия взяла 10 марта. Всюду армия двигалась как бы между двух огней. Спереди оборонялись отряды местных большевиков, подкрепленные красными полками, и сзади напирали многочисленные большевистские войска. Но неизменно происходило одно и то же: армия прорывала вражескую оборону и занимала станицы, хутора, станции, обеспечивая себе ночлег, тепло и провиант.

Вот и на этот раз полки армии вступили в станицу Рязанскую с песней:

«Так за Корнилова, за Русь, за Веру
Мы грянем дружное «Ура!» «Ура!» «Ура!»»

Противник свою неудачу компенсировал очередным артиллерийским обстрелом оставленной станицы и надеждами на то, что когда-нибудь «кадеты» будут разгромлены.

В дальнейшем решено было идти на запад, по черкесским аулам, переправляясь через многочисленные притоки реки Кубань, к станице Ново-Дмитровской.

Ранним утром 11 марта основные силы Добровольческой

армии с обозом перешли речку Пшиш и остановились на большой привал в черкесском ауле Несшукай. Штаб с арьергардом остался в Рязанской.

Жители станицы Рязанской «выразили покорность» Корнилову, и «депутация» от выборных преподнесла ему хлеб и соль, при этом все порывались встать на колени. В их поведении Корнилов почувствовал страх и раболепство.

Причины выяснилась только на другой день. От Маркова, шедшего в авангарде, из аула Несшукай прискакал вестовой с известием – весь аул мертвый.

– Входим мы в аул, – взволновано рассказывал вестовой. – Смотрим, ни одного человека не видно. Дома стоят пустые. Нашли одного живого старика. Он рассказывает: «Не так давно напали на аул, всех вырезали. Имущество разграбили. Тут народу мертвого, говорит, что навалено было... и бабы, и ребятишки, и старики... Кто выжил, ушли в горы. Кто, спрашиваем, напал на аул? Большевики!.. Откуда большевики, спрашиваем? Говорят, всякие были: из Екатеринодара и местные. Больше местные, с хуторов...».

Пришли и еще известия. В ауле Губукае перебили почти всех мужчин-черкесов, 220 человек. В другом ауле, Асоколай, большевики убили 305 человек.

Корнилов учредил расследование о причастности станицы Рязанской к этим зверствам. Вскоре выяснилось. Станица одной из первых приняла большевизм, причем в практическом его применении произошло трогательное объ-

единение казаков и иногородних. Они и громили мирные аулы совместно с другими пробольшевистскими станицами. Несколько дней приезжали с подводами из Рязанской в соседние аулы казаки, крестьяне, женщины и дети и забирали черкесское добро.

Среди добровольцев пошли разговоры: «Спалить Рязанскую дотла!». Но Корнилов запретил это делать.

Компенсацией для добровольцев стало то, что бедные черкесские аулы встречали их как своих избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Позже генерал Деникин записал в своем дневнике: «Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства – пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроениях нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури: ни социального сдвига, ни разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостоятельности. Был страх, и было желание вернуться к спокойным, мирным условиям жизни».

13 марта Корнилов со штабом торжественно въехал в аул Шенжий. На площади около мечети выстроились полки Добровольческой армии. Впереди конной толпой стояли черкесы во главе с генералом Эрдели. Черкесы поднялись мстить. Из всех аулов они понаехали на своих конях, с оружием под трехцветное знамя Добровольческой армии. Гремела музыка, гудели войска. Корнилов обратился к черкесам:

– Я рад приветствовать в наших рядах доблестных сынов

гор, поднявших знамя борьбы против большевистской тирании за свои права. Совместно мы сокрушим богопротивную власть и восстановим спокойную и мирную жизнь...

Черкесы стояли под развевающимся зеленым знаменем с белым полумесяцем и внимательно слушали этого небольшого человека с восточным лицом. Когда Корнилов закончил, раздались нестройные крики, подхваченные тушем оркестра.

После парада на вышке минарета показался муэдзин, худой черный человек. Еще долго слышались его горловые выкрики и ответный гул черкесской толпы. Муэдзин призывал к борьбе, к оружию, к мести за убитых отцов и братьев.

***

На другой день в аул Шенжий в сопровождении нарядного, пестрого конвоя кавказских всадников въехал Виктор Покровский. По случаю представления его командованию Добровольческой армии Кубанская Рада накануне произвела Покровского в генерал-майоры и назначила командующим Кубанской армией.

До 1918 года Покровский был в звании штабс-капитана. В 1914 году он окончил Севастопольскую авиашколу и в Первую мировую войну воевал военным летчиком, был командиром эскадрильи и авиаотряда. Покровский был первым русским летчиком, взявшим в плен вражеский самолет с

пилотом. Награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени.

В начале 1918 года по поручению Кубанской Рады Покровский сформировал 2-й добровольческий отряд (около 300 казаков). Затем в звании полковника он фактически командовал всеми войсками Кубанской рады (3000 бойцов).

Среди добровольцев ходили слухи о необычайную жестокость Покровского. Там, где проходили его войска, всегда было много расстрелянных и повешенных без суда и следствия, по одному только подозрению в симпатиях к большевикам. Его репутация вешателя подчеркивалась внешним видом. Невысокая сутуловатая фигура, затянутая в неизменную черкеску, нахмуренный лоб, крючковатый птичий нос и пронзительный взгляд темных глаз напоминали беспощадного степного хищника. Грозный вид вооруженных до зубов офицеров его личного конвоя – чеченцев и ингушей – еще сильнее сгущал атмосферу страха вокруг обожаемого ими начальника.

По случаю прибытия Покровского Корнилов собрал малый военный совет. Помимо командующего, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и Деникин.

Когда вошел Покровский, все с любопытством посмотрели на него, никому не известного молодого офицера. Покровский был в черкеске с генеральскими погонями – стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением лица. По-видимому, он был несколько смущен

своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором.

Покровский произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и своего отряда.

Корнилов, выслушав приветствия командующего Кубанской армией, сразу же приступил к делу.

– Где в данный момент расположен ваш отряд? – спросил Корнилов.

– В станице Калужской, – ответил коротко Покровский.

– Какова его численность, состав?

– Три тысячи сабель. В основном казаки, много черкесов, есть чеченцы, ингуши и другие горцы.

– Вы намерены со своим отрядом влиться в состав Добровольческой армии? – продолжал командующий. Корнилов намеренно не употреблял слово армия, и это задело самолюбие Покровского.

– У меня не отряд, а армия, Кубанская армия! – с вызовом отреагировал Покровский. – Кубанские власти, – продолжал он, – желают иметь свою собственную армию, что соответствует конституции края. К тому же кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках...

Алексеев при этих словах поднял глаза к потолку. Опять здесь, как и в целом на Дону, сквозил казачий сепаратизм, так мешавший бороться с большевиками.

– Полноте, полковник, – вспыхнул Алексеев, – извините,

не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

– Какова численность Добровольческой армии, если это не военная тайна? – спросил Покровский, явно раздраженный тем, что его здесь не хотят видеть равным и назвали полковником при генеральских погонах на плечах.

– Три тысячи в строю и 700 человек раненых, – ответил начальник штаба генерал Романовский.

– Вот видите, наши силы равны, поэтому я предлагаю сохранить самостоятельность Кубанской армии при оперативном подчинении генералу Корнилову.

Дебаты неожиданно прервал Корнилов. Он внушительно и резко сказал:

– Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству... Мы завтра наступаем на станицу Ново-Дмитровскую, поэтому я хочу сейчас знать: ваш отряд присоединится к нашему наступлению?

– Да, присоединится! – так же резко ответил Покровский и, щелкнув каблуками, покинул штаб Корнилова.

Бой у Ново-Дмитровской – кульминация «Ледяного похода»

По железной дороге от станицы Ново-Дмитровской до Екатеринодара всего 30 км. Командование Северо-Кавказского фронта решило укрепить станицу и дать здесь Корнилову серьезный бой. Все население станицы вот уже пять дней рыло окопы, укрепляло станичное правление и отдельные дома, ставило пулеметы. Для подкрепления местных сил сюда был переброшен Варнавский полк. Южнее, в станице Григорьевской, находилась тяжелая артиллерия. В том же районе стоял 2-й Северокавказский полк Дмитрия Жлобы. Западнее, в Афинской, – гарнизон, артиллерии и бронепоезда. Силы красных, как и всегда, были внушительны, но разбросаны, что было на руку Корнилову в условиях весенней топи и бездорожья.

Всю ночь, накануне 15 марта, лил дождь со снегом, не прекратившийся и с наступлением нового дня. Утром к станичному правлению прискакал донской казак, залепленный мокрым снегом и грязью. Он осадил у крыльца взмыленную лошадь.

– Где товарищ командир?

На крыльцо выскочили трое: командир полка, комиссар и помощник командира полка матрос Матвиенко. Вокруг

столпились взволнованные бойцы, местные казачки и мальчишки. Вперед вышел, застегивая бекешу, командир полка Сапожков.

– Ну, я командир, – тревожно ответил Сапожков.

Казак перевел дух и, навалившись на луку седла, сказал:

– Все застава перебита. Я один ушел...

– Еще что?

– А то еще, – к вечеру ждите сюда самого Корнилова, со всею силою...

– Спали?! – с железной ноткой в голосе спросил Сапожков

– По темной ночке думали: пройдет, – оправдываясь, начал казак. – Черкесы генерала Эрдели! Лютые, ой лютые!..

Сапожков посмотрел на комиссара Соколовского (тот стоял бледный), потом на краснощекого Матвиенко и сказал последнему:

– Живо на переправу с отрядом добровольцев, я с комиссаром готовлю станицу к обороне...

– Братишки, – сказал тот, выступая вперед, чугунным голосом, – а ну выходи, кому жизнь не дорога...

Вышло человек двадцать. Взяв пулемет, команда смертников во главе с матросом бегом двинулась к переправе.

***

А тем временем Добровольческая армия, обманув противника, подходила к Ново-Дмитриевской с юга. Обоз с ра-

ненными отправили в станицу Калужскую, уже занятую войсками Покровского, строевые же части должны с боем брать большую, богатую станицу. В авангарде шел Офицерский полк Маркова.

Всю ночь кругом пылали станицы. Погода портилась с каждым часом, дул пронизывающий северный ветер. Небо заволокло непроглядными грядями туч. Дождь лил как из ведра. Армия шла через сплошные пространства воды и жидкой грязи. Редкие холмы с колеями дорог пропадали в тумане, стлавшемся над землей. Люди шли по колено в воде, телеги и пушки вязли по ступицу. К полудню повалил мокрый снег, закрутилась небывалая выюга.

В результате несколько подвод с ранеными из обоза сбились с пути и только под утро следующего дня их нашли в степи. Но, увы, все 18 раненых были замерзшими. Пехота идет вся белая, сжавшаяся от холода и сырости. Холодная вода пропитала насквозь шинели и гимнастерки. Бойцы идут медленно, тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водой сапогах.

Марковцы подошли к переправе только под вечер. Мост оказался разрушенным. В сгущающихся сумерках несколько охотников полезло вброд. На той стороне застучал пулемет, беспорядочно захлопали выстрелы. На наполовину затопленный мост влезли несколько фигур, нагнувшись, побежали по нему перебежками. Водный столб поднялся над рекой, обдавая брызгами и так мокрых насквозь людей. Вто-

рой взрыв был на другом берегу, прямо перед окопчиками аванпоста красных. Из-за гребня вниз к переправе повалило несколько серых фигур. Они сбегали, сползали на зад, скачивались, падали. У всех черточками на плечах виднелись погоны.

Снова орудейный удар – и рядом с окопчиком взметнулся столб земли. Пулемет подбросило и выкинуло из него. Прислуга, пораненная осколками, поползла назад. Сквозь грохот взрывов и треск стрельбы кто-то завопил:

– Обходят, братцы!.. Ребята, отступайте!..

Передовые марковцы быстро сбили аванпост красных и залегли на другом берегу речки, обеспечивая переправу основных сил. Отсюда до станицы – 3 версты.

У переправы мелькала белая папаха Маркова, и с того берега донесся его громкий голос:

– Всех коней к мосту, полк переправлять верхом и на крупах!

Началась томительно долгая переправа. Колонна марковцев сгрудилась на берегу. Глубина реки была в полкорпуса лошади. Ездовые одновременно могли проводить не более двух лошадей; потом в поводу поворачивали коней обратно за новой очередью пехоты. Попробовали провезти орудие. Лошади шарахнулись, запутались в построюках, повалились вместе с ездовыми в воду и опрокинули пушку. А в это время переправу начала громить батарея красных из станицы Григорьевской. Гранаты ложились повсюду по снежному по-

лю, падали в реку, вздымая столбы воды. Одна из них упала прямо в костер, разведенный на берегу, среди гревшейся добровольцев; разметала, побила, переранила много людей.

Переправа шла уже три часа, все больше и больше войск скапливалось у реки. Подошли корниловцы. Подошел и сам Корнилов со штабом. Переходившие войска, не останавливаясь, с боем уходили на Ново-Дмитровскую. Уже окончательно стемнело. Между тем погода вновь переменилась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. На людях замерзала одежда, превращаясь в ледяную корку. Земля застывала и звенела под копытами коней и колесами пушек. Но все идут вперед, не обращая никакого внимания на свист пуль, которыми посыпают дорогу засевшие где-то в стороне, в темнеющей роще, большевики.

По наступающим добровольцам продолжает бить красная артиллерия из Григорьевской. Но, на счастье, не ударили резервы красных из Афинской и Григорьевской. Второй Кавказский полк получил приказ о наступлении только после того, как Варнавский полк был окружен в Ново-Дмитровской.

Марков, развернув против станицы Офицерский полк, оказавшийся в полном одиночестве. Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошел – счел невозможным двигаться по такой дороге и в такую погоду. Коннице Эрдели, направленной в охват вправо, не удалось перейти речку, и к ночи она вернулась к общей переправе; батарея с поврежденными механизмами орудий застряла в

поле; только в пятом часу утра общую перерыву начинала переходить голова Партизанского полка.

Маркову не впервой попадать в трудную передрагу. Он решает:

– Ну, вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!..¹⁹

Полузамерзшие, остервенелые офицеры, учуяв жилой запах кизяка и печеного хлеба, увидев теплый свет в окошках, не дожидаясь подкреплений, поползли по снежно-грязному месиву, по сплошной воде, подернутой ледком. У самых подступов их заметили и открыли по ним пулеметный огонь. Офицеры бросились в штыки. Каждый из них знал, как и что в каждую секунду он должен делать. Повсюду мелькала белая папаха Маркова. Это была схватка командного состава с неумело руководимой и плохо дисциплинированной толпой солдат.

Марковцы ворвались в станицу и перемешались в рукопашной схватке на улицах с варнавцами и местными партизанами. В темноте и свалке пулеметчики были заколоты или разорваны гранатами у своих пулеметов.

Офицерский полк умелым маневром окружил станицу, красные стали отступать к площади, где в станичном правлении заседал ревком. Бой шел на каждом перекрестке, стре-

---

¹⁹ Спустя месяц на публичной лекции в Новочеркасске, вспоминая этот эпизод, он назвал Первый Кубанский поход «Ледяным», после чего на Дону и Кубани название утвердилось за этим походом.

ляли из-за каждого угла. В вихре снега и грязи подскакала орудийная упряжка. Орудие развернули на краю площади. Оно бухнуло гранатой по правлению. Из него повалил желтый дым, из окон начали выскакивать люди, внутри от огня начали рваться жестянки с патронами.

В это время на восточной окраине станицы показалась колонна пехоты. Марков подумал, что, наконец, подошли кубанцы Покровского. Но пехота с марша обстреляла марковцев. Марков в бинокль разглядел фигуры. На папах у них были красные полосы. Он во всю прыть ударил лошадь и поскакал туда, за ним ординарец и несколько десятков офицеров.

Это подошел 2-й Северокавказский полк Жлобы, который за полночь вышел из станицы Григорьевской и, пройдя десять верст по сплошным болотам и плавням, потеряв целую роту утонувшими и замерзшими, ударил в тыл белым. Пробежав несколько сот метров, красные залегли в ста метрах от марковцев.

Слышны команды с обеих сторон. Даже перекрикиваются:

– Ну, буржуи, сейчас вас оседлаем!.. – кричат с красной стороны.

– Подождите, краснодранцы!.. – отвечают им белые.

Тем временем на улицах станицы замелькали черные фигуры. Это корниловцы входят в станицу. За ними текинцы и сам Корнилов со штабом.

Наступательный пыл красных явно снижается, и они уходят восвояси, вопреки командам своих командиров. Однако подход полка Жлобы спас остатки Варнавского полка.

Варнавцы, услышав бой в тылу у неприятеля, приободрились. Сапожков, сорвавший голос от крика и ругани, выхватил у знаменосца полковое знамя, обернутое клеенкой и, размахивая им, побежал через площадь к высоким мотающимся тополям. Варнавцы стали выскакивать из-за ворот и заборов, подниматься с земли, бежали со всех сторон со штыками наперевес. Опрокинули заграждение белых, прорвались и вышли из станицы на запад.

***

Бой за Ново-Дмитровскую окончился, когда уже совсем рассвело. Станица захвачена Доброльческой армией. Есть жильё, тепло, продовольствие – армия в очередной раз спасена. Как писал позже Деникин, «15 марта – Ледяной поход – слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях – не то были, не то сказки».

К полуразрушенному станичному правлению съезжаются штабные и командиры строевых частей. Квартирьеры бросились на поиск квартир для частей, большинство добровольцев повалилось прямо на улицах и на крыльцах хат, чтобы

заснуть мертвецким сном, многие греются у костров, а кто-то пошел рыскать по полю боя в поисках трофеев и добивать раненых.

Плотники из местных казаков и инженерного батальона мастерят на площади семь громадных виселиц. На них повесят семь захваченных командиров и комиссаров. Рядовых пленных ждет участь попроще – расстрел.

К генералу Маркову подходят два офицера. Один из них длинный, худой, в офицерской шинели с трехцветной нашивкой Добровольческой армии и погонами штабс-капитана. Другой – тоже высокий, но плотный, в солдатской шинели, фуражке без кокарды, с приколотыми булавками погонами подполковника.

– Разрешите обратиться, Ваше превосходительство! – начал первый, обращаясь к генералу Маркову. – Подполковник Роцин²⁰, мой боевой товарищ по германской, служили в одном полку. Только сегодня перебежал от красных. Честью ручаюсь за подполковника...

Марков внимательно посмотрел на Роцина.

– Я помню вас по Мазурским болотам. Теплов, определите подполковника во взвод ротмистра Мекке, рядовым...

Офицеры отошли.

– Твое счастье, что тебя лично знает генерал Марков, а то бы...

---

²⁰ Роцин и Теплов – литературные персонажи из трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам».

– А что «а то бы», Валька? – угрожающе и удивленно произнес Роцин.

– Чудак, ты наших не знаешь. До штаба не довели бы, приколоты бы штыками в сортире, как красного шпиона...

Мимо них проехала двуколка, в которой сидели в мокрых шапках, с поднятыми воротниками два важных господина.

– Спасители отечества, – кивнул на них Теплов. – За неимением лучшего – терпим. Пригодятся.

– Это, кажется, толстый, Родзянко? – спросил, закрывая неприятную тему Роцин. – А второй кто?

– Ну да, Родзянко, и будь покоен, в свое время будет расстрелян. А тот, с мундштуком, Борис Суворин. Он, кажется, монархии хочет, или не совсем монархии; виляет, но способный журналист. Его мы не расстреляем...

***

По полю брани, еще не остывшему от боя, ходят четверо: один в серой черкеске, другой в офицерской шинели, третий в черном пальто корниловца, четвертый в юнкерской шинели с унтер-офицерскими погонами. Весь представительный состав Добровольческой армии.

– Смотри, – указал марковец на длинный труп в офицерской шинели. – Это Мишка, барон фон Корф, валяется... Эх, был парень...

– А вот пулемет, почти целый, только затвор перекошило,

второй номер, лопух... – сказал корниловец. – Юнкер возьми его.

– А вон, глядите, валяется в бараньем козухе. Это непременно какой-нибудь ихний Дантон... – съязвил марковец.

– Глядите – матрос, сволочь, хорунжий, пырни его штыком! – приказал марковец кубанцу в серой черкеске.

Тот пырнул уже остывший труп штыком.

– Чего там – сдох... А этот еще живой...

Все четверо остановились, глядя на лежащего молодого парня. Кубанец ударил его ногой по ребрам и бешено гаркнул:

– Встать! Сволочь!

Тот вскочил, лицо его наполовину было залито кровью.

– Дяденьки, не убивайте, я не по своей воле, я мобилизованный, – жалостливо залепетал молодой боец.

– Стать – руки по швам! – крикнул в черкеске. И сейчас же все четверо взяли винтовки наперевес.

– Пожалейте, дяденьки...

Кубанец отскочил от него и, резко выдыхая воздух, ударил штыком между ребер в область сердца. Парень, не ойкнув, упал замертво.

– А сапоги у него хорошие...

Договор с кубанцами. Реорганизация армии

Взятие Ново-Дмитровской было важной победой Добровольческой армии, но куда более важным был договор с кубанцами о соединении армий. Уклонение Покровского от сражения наводило Корнилова на тяжелые думы. Однако Покровский «с оказией» прислал доложить, что согласен подчиняться только генералу Корнилову, и если командование и кубанское правительство почему-либо на это не пойдут, то он и его отряд перейдут к Корнилову самовольно. Корнилов решил, чтобы не создавать опасных прецедентов и не подрывать принципов дисциплины, побудить кубанские власти к мирному и добровольному соглашению.

17 марта в станицу Ново-Дмитриевскую приехали представители Кубани: атаман, полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель Законодательной Рады Рябовол, товарищ председателя Султан-Шахим-Гирей и председатель правительства Быч.

Начались долгие и нудные переговоры. Добровольцы доказывали необходимость соблюдения элементарных основ военной организации, кубанцы ратовали за сохранение «автономной армии» как опоры правительства. Кубанские лидеры опасались, что авторитет Корнилова поглотит не толь-

ко Кубанскую армию, но и их призрачную власть.

Нелепый спор продолжался, чем ввел корниловских генералов в полную тоску. Им, бывшим «быховским сидельцам», это совещание напомнило лето 1917 года, когда бесконечные революционные дебаты окончательно разложили Русскую армию. Вспомнили они и зиму в Новочеркасске и Ростове – с разговорами донского правительства, разных дум и советов о самостоятельности Донской области, подготовлявшими вступление на Дон красных войск и гибель Каледина, Назарова и нескольких тысяч офицеров и казаков.

Наконец Корнилов заявил, что он не согласен командовать «автономными» армиями, и пусть в таком случае выбирают другого командующего.

Категоричность Корнилова сломила сопротивление кубанского правительства, оно согласилось на соединение армий, но устами Быча заявило, что само устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия.

В ответ Корнилов вспылал и, ударяя по столу пальцем с перстнем, сказал:

– Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

В этот момент в хате, где проходило совещание, зазвенели окна. Это разорвались во дворе две гранаты; одна из них забрызгала грязью окна, другая разбила ворота.

После этого кубанские представители резко смягчились и

попросили разрешения переговорить между собой.

И вот не прошло и часа, как на свет появился проект договора между Добровольческой армией и Кубанским правительством.

В окончательной редакции протокол совещания гласил:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии»²¹.

Со стороны добровольцев договор подписали генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, со стороны кубанцев – полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей.

---

²¹ Согласно последнему пункту, Покровский выходил из подчинения Корнилова и подчинялся непосредственно Кубанской Раде, что создало впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью.

В этот же день после артиллерийского обстрела большевики из Григорьевской перешли в наступление на Ново-Дмитровскую. Вечером они проникли небольшими частями даже в самую станицу. Несколько часов по улицам жужжали пули, велась перестрелка, пока около полуночи наступление красных не было отбито.

После этого через несколько дней в станицу Ново-Дмитровскую прибыли кубанские войска и влились в Добровольческую армию. В результате армия выросла вдвое, составив 6 тыс. бойцов. Вместе с тем почти удвоился обоз.

Корнилов произвел реорганизацию армии. Она была разбита на 2 пехотные и 1 конную бригаду. Кубанские части по полкам и батальонам влились во вновь созданные части.

Первую пехотную бригаду возглавил генерал Марков. В нее вошли Офицерский полк²², 1-й кубанский стрелковый полк, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я батареи.

Вторую бригаду возглавил генерал Богаевский. В нее вошли Корниловский ударный полк, Партизанский полк, Пластунский батальон, 2-я инженерная рота, 2-я, 3-я и 5-я батареи.

Конную бригаду возглавил генерал Эрдели. В нее вошли

---

²² Юнкерский батальон в составе 5-й и 6-й роты вошел в состав Офицерского полка.

1-й конный полк, состоящей из регулярной кавалерии и донских казаков, Кубанский полк, Черкесский полк и Конная батарея.

Плен и побег

Начавшаяся в России Гражданская война отличалась от еще не законченной Первой мировой войны, или Великой войны, как ее потом стали называть, не только масштабами сражений и количеством участвующих в войне войск, но и «гуманным», насколько это слово уместно для войны, отношением к пленным. Их, за редким исключением, не убивали, а отправляли в лагеря для военнопленных. За время войны в германском, австрийском и турецком плену побывало 2 млн. 400 тыс. русских солдат и офицеров,²³ в их числе оказался и командир 48-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов. Около 200 тыс. русских военнопленных погибло в плену.

Зимняя Карпатская наступательная операция, ставившая своей целью вывод Австро-Венгрии из войны, окончательно выдохлась в середине апреля 1915 года. Новую наступательную кампанию Юго-Западный фронт планировал на весну 1915 года. Но все планы русского командования спутал так называемый Горлицкий прорыв.

После провала «плана Шлиффена» по разгрому Франции в молниеносной войне, которую сорвала русская армия в ходе Восточно-Прусской операцией, все военные усилия по ве-

---

²³ В русском плену побывало около 3 млн. солдат и офицеров противника.

сенне-летней кампании 1915 года германское командование решило сосредоточить на Восточном фронте. С Западного фронта было переброшено 12 дивизий (три отборных корпуса). Из них и 6-го австрийского корпуса, собранного из венгров (венгры считались лучшими солдатами разноплеменной австрийской армии) была сформирована 11-й немецкая армия. Таким образом, против России было сосредоточено свыше половины вооруженных сил австро-германского блока. Опасность момента усугублялась еще тяжелейшим кризисом вооружения, особенно в артиллерийских снарядах.

Австро-германское командование для мощного удара выбрало стык 3-й и 4-й русских армий Юго-Западного фронта, между Верхней Вислой и подножием Бескидского хребта Карпат, в районе Горлице. В случае успеха предполагалось оттеснить 4-й армию в Польшу, а прочие русские армии выбить из Карпат и Галиции. На 35-километровом участке прорыва была сосредоточена немецко-австрийская группировка генерала Макензена, состоящая из 11-й немецкой армии, 4-й австро-венгерской армии и 10-го германского корпуса (360 тыс. штыков и сабель, 1272 легких и 334 тяжелых орудий, 660 пулеметов). Русских войск на этом участке было 219 тыс. штыков и сабель, 675 легких и 4 тяжелых орудия, 600 пулеметов.

Для маскировки главного удара немцы провели ряд наступательных операций в Восточной Пруссии и Польше, что сковало резервы русской армии.

В ночь с 14 на 15 апреля в месте предполагаемого прорыва на фронте 10-го армейского корпуса генерала Протопопова германские войска тайно заменили австрийские, а утром 19 апреля началась артподготовка. Здесь противник превосходил русские войска по живой силе в 2 раза, легкой артиллерии – в 4 раза, а в тяжелой артиллерии – в 40 раз. Немецкая пехота пошла в атаку только после шквала огня и стали, сметавшего русских защитников в их плохо укрепленных окопах. За три дня сопротивление 10-го русского корпуса было сломлено, и враг, заняв все три линии обороны, бросился в прорыв. Для его ликвидации был направлен 21-й армейский корпус. Но и он практически был уничтожен. На помощь ему были направлены 3-й Кавказский, 12-й и 24-й армейские корпуса. В составе 24-го корпуса генерала Цурикова была и «Стальная» дивизия Л.Г. Корнилова. Корпуса вводились в бой по частям и быстро гибли в боях с превосходящими силами противника. Горлицкий прорыв ярко выявил проблему нехватки боеприпасов, особенно снарядов. Подавляющее превосходство в тяжелой артиллерии стало одной из основных причин этого наиболее крупного успеха немцев на русском фронте. «Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их, – вспоминал участник тех событий генерал А.И. Деникин. – Мы почти не отвечали – нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в

упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены одним огнем».

К концу апреля русские корпуса отошли к реке Сан, немцы подошли к фортам Перемышля. Отход корпусов прикрывали отдельные части, порой ценой своей гибели. На долю 48-й дивизии генерала Корнилова выпала участь прикрывать отход не только своего корпуса, но и всей 3-й армии.

Выполняя поставленную задачу, генерал Корнилов развернул дивизию и вступил в неравный бой с превосходящими силами противника. Целый день 22 апреля и до глубокой ночи героическая 48-я дивизия сдерживала врага и не дала ему возможности отрезать наши войска, отходившие из-за Карпат. Выполнив задачу, дивизия, согласно приказу, начала отход. В арьергарде с Рымникским полком остался и генерал Корнилов.

Пять дней, неся громадные потери, ведомый своим вождем, двигался Рымникский полк по горным тропинкам, отбиваясь от нападавшего со всех сторон врага.

Находясь среди сражавшихся войск в самых опасных пунктах и руководя боем, генерал Корнилов своим хладнокровием, спокойствием вливал в души и сердца сражавшихся бойцов бодрость, стойкость и уверенность в победе. В одном из боев он был ранен пулеметной пулей в руку, но строя не оставил.

Прикрывая свою дивизию, отходя шаг за шагом, отбивая яростные атаки врага, полк был постепенно окружен

превосходящими силами австрийцев. Быстро таяли ряды бойцов; истощались боевые припасы... Все теснее сжималось кольцо противника, все пути были отрезаны... Зато остальные три полка 48-й дивизии были спасены.

И вот в ночь на 29 апреля с оставшейся горстью солдат Рымникского полка страдавший от раны генерал Корнилов после рукопашной схватки был взят в плен.

Бои, данные превосходящим силам противника 48-й «Стальной» дивизией генерала Корнилова, позволили 3-й армии избежать полного разгрома. Но командир 24-го корпуса генерал Цуриков всю вину за гибель части дивизии возложил на Корнилова и требовал суда над ним. Однако командующий Юго-Западным фронтом генерал Николай Иудович Иванов высоко оценил подвиг 48-й дивизии и направил Верховному Главнокомандующему Николаю Николаевичу Младшему Романову ходатайство «о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и, особенно её героя, начальника дивизии генерала Корнилова». Уже 28 апреля 1915 года император Николай II подписал Указ о награждении генерала Корнилова Орденом Святого Георгия 3-й степени. В наградной реляции было написано: «За то, что во время упорного сражения в Карпатах на р. Дукле 24 апреля 1915 г., когда командуемая им дивизия была окружена со всех сторон превосходящим в силах противником, отважно пробивался по трупам заграждавшего дорогу неприятеля, чем дал возможность частям дивизии при-

соединиться к войскам своего корпуса».

Но, увы, Корнилов не читал этого Указа, ибо он, как и тысячи русских солдат, оказались в плену, а еще тысячи легли на полях Галиции, уснув вечным сном.

***

На территории Австро-Венгрии было создано несколько десятков лагерей для военнопленных. Были лагеря, размещенные в замках частных лиц, условия жизни в них были наиболее благоприятные, там содержали высший командный состав: генералов и штаб-офицеров, а также больных и раненых обер-офицеров. Остальных военнопленных содержали в специально устроенных лагерях-бараках. Одни из них были офицерскими, другие – солдатскими, третьи предназначались для пленных гражданских лиц, четвертые были смешанными. В некоторых лагерях русских военнопленных помещали с пленными других наций: офицеров с офицерами, солдат с солдатами; в этом случае положение русских военнопленных было лучше, так как пленные других держав являлись привилегированными в сравнении с русскими. На какие-либо репрессии или притеснения своих пленных западноевропейские страны отвечали такими же репрессиями по отношению к пленным немцам и австрийцам, поэтому к пленным англичанам, французам и итальянцам лагерные власти не решались применять таких суровых мер, как к

русским и сербам. Наиболее распространенными наказаниями военнопленных были заключение на гауптвахте, строгий арест с содержанием в карцере на хлебе и воде и выдачей горячей пищи на третьи или четвертые сутки, одиночное крепостное заключение в сырых и темных казематах, заключение в кандалах, причем правая рука сковывалась с левой ногой.

Корнилов после излечения в госпитале был помещен в замок Нойленгбах, близ Вены. С первого дня плена он затаил мечту о побеге, но не скоро ее удалось осуществить.

Условия жизни военнопленных в Нойленгбахе резко отличались от условий содержания в других лагерях. Это был так называемый рекламный лагерь. В нем помещались главным образом те военнопленные, о которых австрийское командование имело основание предполагать, что они имеют какие-либо связи при русском дворе и в правительственных кругах. В то время, когда Корнилов прибыл в Нойленгбах, в последнем находилось около 70 пленных офицеров и 30 нижних чинов – в большинстве вольноопределяющихся привилегированных полков. Все они пользовались в Нойленгбахе лучшим столом, их даже пускали по два – по три человека в сопровождении одного конвоира на прогулки вне черты лагеря, где они могли посещать венские магазины, кафе, рестораны и общественные купальни. Лагерь предусмотрительно демонстрировался различным делегациям для изучения положения военнопленных в австрийских лагерях.

Во время пребывания Корнилова в Нойлензбахе австрийское военное командование обратилось к нему с предложением объехать другие лагеря военнопленных для ознакомления с их положением и теми изменениями, которые австрийское командование могло бы сделать для облегчения участи русских военнопленных на основах взаимопомощи, путем соглашения с русским правительством при посредничестве нейтральных стран. Такой же объезд лагерей австрийских военнопленных в России должен был произвести с согласия русского командования, взятый в плен русскими войсками австрийский комендант Перемышля, фельдмаршал-лейтенант Кусманек²⁴.

Объезд генералом Корниловым лагерей военнопленных был очень непродолжительным: ему скоро стало ясно, что всюду – во всех лагерях – местные коменданты стараются скрыть от него истинную картину жизни лагеря, зату-

---

²⁴ Кусманек фон Бургнойштеден Герман (1860–1934) – австрийский военный деятель, участник Первой мировой войны, в 1917 г. генерал-полковник. С января 1914 г. – комендант крепости Перемышль. В марте 1915 г. у гарнизона закончилось продовольствие, и Кусманек предпринял попытку прорыва, завершившуюся неудачей. 8 (22) марта Кусманек принял решение о капитуляции крепости. Перед капитуляцией были взорваны все укрепления и боезапас. Всего в плен русским войскам сдалось 9 генералов, 93 штаб-офицера, 2204 обер-офицера, 113.890 солдат и унтер-офицеров, а также было сдано более 900 орудий и освобождено 2000 русских военнопленных. Взятие Перемышля – беспрецедентный случай в истории, когда гарнизон был больше осаждавшей его армии. Кусманек находился в русском плену до февраля 1918 г., после Брестского мира вернулся в Австрию, но нового назначения не получил. Австрийская пропаганда называла Кусманека «Львом Перемышля».

шевать наиболее темные ее стороны. Этот маневр был оставлен очень умело, но не достиг задуманной цели. Взыбленный, Корнилов отказался продолжать дальнейший объезд концентрационных лагерей.

Вскоре он задумал свой первый побег. Для достижения этой цели он сговорился с летчиком Александром Васильевым²⁵.

Сообща Корнилов и Васильев выработали план проникнуть на австрийский военный аэродром близ Вены, овладеть одним из аэропланов и улететь на нем, предварительно, по возможности, испортив остальные аэропланы на аэродроме для затруднения преследования. Но план не удался. Австрийской командование через осведомителя узнало о подготовке побега. Правда, и попытка побега не была сделана, так как Корнилов и Васильев были предупреждены подкупленным австрийским солдатом. Однако наказание последовало.

Корнилов был отправлен в крепость Йозефов, а Васильев заключен в казематы Терезиенштадта. В Йозефове Корни-

---

²⁵ Васильев Александр Алексеевич (1882–1918) – русский авиатор-первопроходец, выдающийся русский летчик, популяризатор авиации. С 1913 г. летчик-испытатель петербургского завода Первого Российского товарищества воздухоплавания. В том же году совершил перелет Петербург – Москва – Петербург, потратив на преодоление маршрута 10 часов 52 минуты. Попав в плен, предпринимал неоднократные попытки побега, не увенчавшиеся успехом. В 1917 г. был признан неспособным к военной службе по состоянию здоровья и подлежал отправке в Россию, однако этого не произошло. Исчез в австрийском плену, скорее всего, умер.

лов находился в относительно хороших условиях благодаря тому, что комендантом крепости оказался гуманный человек, делавший все возможное в рамках закона для облегчения участи заключенного. Но вскоре из Йозефова Корнилов был переведен в концентрационный лагерь в Леке, помещавшийся в замке графов Эстергази.

К тому времени закончился 1915 год, столь неудачный для Русской Императорской армии. Горлицкий прорыв привел к «Великому отступлению». Юго-Западный фронт оставил все свои завоевания, были оставлены Карпаты и Галиция с городами Перемышль, Львов и Галич, а также Буковина – русская часть Украины. После Свенцянского прорыва Северо-Западный фронт потерял все свои крепости в Польше и на западной границе, были оставлены западная часть Белоруссии и юг Литвы. За пять месяцев боев Русская армия потеряла 1 млн. 300 тыс. чел., большей частью пленными. Но полного разгрома Русской армии германскому и австрийскому командованию осуществить не удалось. Фронт выпрямился и стабилизировался на линии Рига – Барановичи – Тернополь. Снарядный голод был преодолен, армия получила теперь в полном объеме вооружение и обмундирование. Ставка Верховного Главнокомандующего поменяла не только место своего расположения (из Барановичей переместилась в Могилев), но самого Верховного Главнокомандующего (место великого князя Николая Николаевича Младшего занял Государь Николай II).

До военнопленных лагерное командование доводило только радужные сведения с фронтов, что подтверждалось наплывом новых больших партий военнопленных. Все это удручающе действовало на Корнилова, и он решил повторить попытку побега. Содержание военнопленных в концентрационном лагере Леке было намного строже, чем в Нойленгбахе и Йозефове, но и здесь нашлись люди, пожелавшие помочь Корнилову бежать из плена. Это были поручик Дворниченко и капитан Солнцев-Засекин²⁶, попавшие в плен в декабре 1915 года, после сражения 7-й армии генерала Щербачева с австро-венгерскими войсками на реке Стрыпа²⁷

---

²⁶ Князь, капитан А. Солнцев-Засекин служил в соединениях 7-й армии, вероятно, в 5-м Кавказском или в 22-м армейском корпусе, и принимал участие в кровопролитной и бесполезной операции 7-й армии по прорыву австро-венгерского фронта на реке Стрыпе в декабре 1915 года. В австрийском плену ему довелось стать пускай и не самым важным, но все же участником подготовки побега генерала Корнилова, и именно об этом событии повествуют его мемуары под названием «Побег генерала Корнилова из австрийского плена. Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова».

²⁷ Это наступление было предпринято с целью отвлечь внимание противника от Сербии, армия которой в это время вела неравные бои с австрийскими, германскими и болгарскими войсками. Русское наступление мало того, что начиналось в разгар декабрьских морозов, так еще и столкнулось с необходимостью преодоления не только заграждений из колючей проволоки, но и топких берегов Стрыпы. Командующий войсками 7-й армии генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев не смог организовать взаимодействие своих корпусов и дивизий, и в результате наступление превратилось в серию несогласованных ударов разрозненных бригад и дивизий на почти семидесятикилометровом фронте. Операция продолжалась 10 дней и стоила 7-й армии более 24 тысяч солдат и офицеров

Солнцев-Засекин и Дворниченко через подкоп, прорытый ими из гауптвахты в лагерный архив, выкрали бланки документов и сделали подложные документы на имя Корнилова. Однако из-за ожесточения режима заключения Корнилова по причине его личного конфликта с комендантом лагеря подполковником Машке передать подложные документы Корнилову заговорщикам не удалось. Это было весной 1916 года. А в первой половине июня 1916 года Корнилов по причине ухудшения физического состояния был праведен из концлагеря в Леке в резервный госпиталь в Кёсеге, куда прибыл с действительно подорванным и расшатанным здоровьем.

Госпиталь этот располагался в обычной казарме, где до войны был расквартирован батальон эрцгерцога Фердинанда, находившегося в данный момент на фронте, и не был приспособлен для содержания военнопленных. Охрану несли австрийские солдаты, среди которых были побывавшие в русском плену. Они вернулись на родину по обмену, как инвалиды, но признанные австрийскими врачебными комиссиями лишь полуинвалидами, способными нести гарнизонную службу в тылу. Они считались своим командованием неблагонадежными, распропагандированными в плену, особенно чехи и словаки.

При таких условиях побег из Кёсеге был несоизмеримо легче, чем из каких-либо других концентрационных лагерей. Было ясно, что временем побега необходимо избрать один из

тех дней, когда караульную службу при госпитале будут нести именно возвратившиеся из России бывшие военнопленные.

Нужен был такой человек из обслуживающего персонала, который помог бы Корнилову воплотить задуманное. И такой человек нашелся. Это был служитель госпитальной аптеки чех Францишек Мрняк²⁸. Мрняк, как чешский националист и патриот, видевший в России оплот чешской независимости, считал своим долгом содействовать побегу генерала Корнилова.

Между ним и Корниловым была достигнута договоренность о побеге. Самым удобным временем выбрали полдень, так как в это время австрийский солдат, живший в каморке под лестницей, уходил обедать. В тот же день Мрняк купил карту, компас, карманный электрический фонарик, револьвер и патроны, солдатские котелки. На другой день в обеденное время, когда служащие госпитальной приемной канцелярии уходили на обед и в помещении ее оставался один дежурный ординарец, Мрняк под предлогом необходимости заверить печатью госпиталя несколько медицинских документов, пользуясь доверчивостью ординатора, приложил печать к двум заранее заготовленным им отпускным биле-

---

²⁸ Уроженец Тшебениц и сапожник по профессии, Мрняк служил солдатом в австрийской армии. Раненный в левую руку в той же битве у Горлицы, в которой был взят в плен генерал Корнилов, Мрняк в июне 1916 года, то есть незадолго до прибытия Корнилова в Кёсег, был прикомандирован как служитель к госпитальной аптеке.

там на имя Владислава Латковича для Корнилова и Иствана Немета для себя. Оба удостоверения были на срок восемь дней. День побега был назначен на пятницу, 11 августа по европейскому стилю.

В этот день Корнилов вместе с Мрняком спустился в его комнату рядом с госпитальной аптекой. Служителя, живущего в каморке под лестницей, как всегда в это время дня, не было дома, и они прошли незамеченными. Далее Корнилов, переодетый в форму австрийского солдата, и Мрняк благополучно миновали часового на контрольно-пропускном пункте. О побеге Корнилова с Мрняком знали многие русские офицеры и солдаты, среди них не нашлось предателя, они делали вид, что ничего не произошло, может, поэтому побег обнаружился совершенно случайно только через два дня, 13 августа.

В этот воскресный день умер один русский солдат, и, по обычаю, все военнопленные пришли проводить его в последний путь.

– А фельдмаршал-лейтенант Корнилов разве не пойдет? – полюбопытствовал один из австрийских офицеров.

– Вероятно, ему нездоровится, – ответил кто-то.

– Понятно: иначе он бы сам вышел, – поддержали те, кто знал о побеге. Но ведь знали не все.

– Лучшие пойти спросить: может быть, Корнилов не знает, – слышались голоса, – ведь он не выходил уже несколько дней...

– Я сам спрошай, – коверкая русский язык, заявил австрийский офицер. Но ему не пришлось спрашивать. Генерала Корнилова не оказалось в его комнате; все бросился искать его, заглядывая повсюду, но Корнилова нигде не было. Зато в его комнате заметили оставленную им записку, в которой тот с издевкой благодарил лагерное начальство «за временно предоставленное гостеприимство». Такими образом, побег был обнаружен.

Госпиталь оцепили вызванные наряды войск. На мусорную кучу во дворе взгромоздили пулемет. Начались поиски, обыски, аресты. Только теперь вспомнили о недавнем дезертирстве Францишика Мрняка и при более тщательном обыске нашли его письмо к родным, в суматохе побега забытое им в письменном столе, в котором он объяснял свой поступок.

Сразу были арестованы несколько офицеров и солдат с подозрением в помощи и сокрытию побега Корнилова, среди них главный, после Францишика Мрняка, помощник побегу, денщик Корнилова Дмитрий Цесарский²⁹.

После того, как им удалось выйти из госпиталя, Корнилов и Мрняк спокойно прошли через весь город к станции железной дороги. Они смогли добраться до Будапешта, а оттуда – до станции Карансебеш, где им удалось благополучно миновать караул военной полиции. Корнилов и Мрняк углу-

---

²⁹ Он был приговорен к одиночному крепостному заключению до конца войны с Россией, не перенес его тяжести и умер в плену.

бились в рощу, где Корнилов надел штатский костюм, а военную форму они закопали в землю. Ориентируясь по компасу, Корнилов и Мрняк направились дальше уже пешком, надеясь сравнительно скоро достичь румынской границы. Но когда они вошли в лес, которым поросли горы, путешествие их затруднилось.

Усталые, голодные, обессиленные, подошли они к одной глухой деревушке. Мрняк зашел в избу, попросил хлеба, а генерал Корнилов остался поджидать его на опушке леса. К несчастью, в деревне оказались жандармы, искавшие бежавших. Мрняк был схвачен, генералу Корнилову же удалось скрыться в лесу.

Арестованного Мрняка доставили в военную тюрьму, где, как сообщили австрийские газеты, после восьмидневного процесса Мрняк был приговорен к смертной казни за преступление против военной мощи государства³⁰. С ним судили других участников побега Корнилова: доктора Гутков-

---

³⁰ На самом деле Мрняк был судим в октябре 1916 года военно-полевым судом в Братиславе и приговорен к смертной казни. Мрняк подал жалобу, и через 9 месяцев Верховный суд отменил приговор и судил его заново, приговорив к 10 годам заключения в крепости. Мрняк в конце концов симулировал сумасшествие, а при перевозке его в Трнаву выскочил 7/20 сентября 1918 года из окна вагона поезда и, добравшись до Трнавы, некоторое время скрывался в госпитале для душевнобольных, а по ночам вылезал на поиски пищи и питался объедками. Страдания его кончились в день объявления независимости Чехии 15/28 октября 1918 года, и среди других осужденных патриотов получил свободу и он. Чешское правительство наградило его званием фельдфебеля, чешским военным крестом и двумя медалями.

ского, офицеров Мартынова, Веселова и Цесарского. Они мужественно признали на суде свое участие в деле, но при этом заявили, что содействие побегу генерала Корнилова было для них, как русских, прямой и священной обязанностью. С таким доводом тогдашний суд, хотя и неприятельский, не мог не согласиться, и все они были приговорены лишь к двухмесячному дисциплинарному взысканию.

Но что было с тем, из-за кого Мрняк жертвовал своей жизнью? Не дождавшись своего спасителя, 17 августа³¹ Корнилов, купив на последние деньги немного продуктов, углубился в лес. Он очень скоро мог бы достигнуть границы, но у него не было ни карты, ни компаса. Поэтому вместо того чтобы продвигаться к границе, Корнилов все время двигался вдоль нее. Началось бесконечное блуждание у самой долгожданной цели.

Припасы у Корнилова вышли; даже ягоды и грибы попадались нечасто. Он совсем обессилел. Одежда и обувь его изорвались. Израненные ноги оставляли на дороге кровавый след. Несколько раз от голода, слабости и истощения Корнилов падал в обморок. Он потерял счет времени и не смог бы ответить на вопрос, сколько дней он так идет: неделю, восемь, девять дней?...

И вот однажды в полусне-полуобмороке Корнилову показалось, что около него стоит дочь в белом платье, с распущенными волосами и говорит: «Папа, папа, вставай, упа-

---

³¹ Даты побега Корнилова даются по европейскому стилю.

дешь». Полупроснувшись, Корнилов поднялся и смутно различил в сумерках раннего лесного вечера, что он на самом деле чуть не скатился в пропасть, на краю которой уснул...

Вскоре Корнилов набрел на румынского пастуха, и тот указал ему место, где можно, переплыв Дунай, оказаться в Румынии. Отдохнув у пастуха и немного набравшись сил, Корнилов решил на последнюю попытку оказаться на свободе.

Воспользовавшись моментом, когда часовые на австрийском берегу Дуная встретились и разошлись, Корнилов пополз к берегу. У самого берега он встал на ноги и пробежал к реке. Часовые открыли по нему огонь. Одежда мешала плыть. Наконец он почувствовал под ногами землю – это была румынская сторона Дуная. Так 28 августа, через 17 дней после побега, Корнилов оказался на свободе.

В Румынии он попал в лагерь, созданный для бежавших из плена русских солдат³² близ городка Турн-Северин (Румыния тогда еще не вступила в войну). Из опасения, что Румыния может выдать его Австро-Венгрии, Корнилов назвал себя рядовым Рымникского полка, того самого, с которым он попал в окружение в апреле 1915 года.

И вот однажды в Турне-Северине прибывших русских солдат выстроили на городской площади, и вышедший к ним

---

³² По немецким данным, попытку побега предприняло 260 тыс. русских пленных, из них только 60.295 человек ускользнули от преследования и добрались до своих.

русский капитан объявил им, что Румыния в союзе с Россией объявила войну Австрии и что будет начато формирование воинских частей из русских солдат, бежавших из Австрии и находящихся в Румынии.

Корнилов вышел из строя и подошел к изумленному офицеру.

– Я могу теперь сообщить вам, – сказал он, – что я офицер...

– Позвольте узнать ваше имя, чин и часть, – перебил капитан, – вы уже не молоды, вы прапорщик запаса?

– Нет, – улыбнулся Корнилов.

– Но вы обер-офицер? – переспросил капитан. Корнилов отрицательно покачал головой.

– Виноват, господин полковник, – вспыхнул капитан, прикладывая руку к козырьку. – Вы разрешите узнать ваше имя?»

– Я – генерал-лейтенант Корнилов³³...

Из Румынии Корнилов на поезде проследовал в Ставку. По дороге его встречали как национального героя. В Киеве он имел встречу с Государыней Александрой Федоровной. В ставку Корнилов прибыл в начале сентября по европейскому стилю, или в конце августа по старому стилю. Государь лично поздравил Корнилова с геройским побегом из плена, сказал, что скоро надеется увидеть его генералом от

---

³³ Во время Первой мировой войны в плен попало 66 русских генералов, но только Корнилову удалось бежать из плена.

инфантерии и командующим армией, а «пока» поздравляет его как командира корпуса. Государь предложил Корнилову двухмесячный отпуск для поправления здоровья, но тот отказался, сказав, что хотел бы скорее вернуться на фронт и просит лишь о двухнедельном отпуске, чтобы повидаться с семьей.

Корнилова также наградили Орденом Святого Георгия 3-й степени. Все газеты и журналы публиковали портреты героя, статьи интервью о нем. Омский епископ послал ему поздравительную телеграмму, земляки присылали нателенные крестики и образа, а в Петрограде юнкера его родного Михайловского училища устроили Корнилову торжественный прием.

Перед штурмом Екатеринодара

После взятия станицы Ново-Дмитровской и присоединения кубанцев к Добровольческой армии атака Екатеринодара была предрешена. На совместном военном совете добровольцев и кубанцев был принят план операции по захвату Екатеринодара. Он заключался в следующем: 1) разбить отряды противника, действующие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы и увеличить запас боевых припасов за счет большевистских складов; 2) внезапным ударом захватить станицу Елизаветинскую в 18 верстах западнее Екатеринодара, так как только здесь находилась паромная переправа; 3) переправиться через Кубань и атаковать Екатеринодар.

В Ново-Дмитровской войска простояли до 23 марта, за это время они отдохнули, переформировались, все добровольцы и кубанцы получили жалование. Одновременно приходилось отбивать атаки красных со стороны станицы Григорьевской.

Движение на Екатеринодар началось 23 марта. По сведениям разведки, Екатеринодар обороняла 20-тысячная группировка красных под командованием Автономова и Сорокина.

23 марта бригада генерала Богаевского после кровопролитного боя захватила станицы Григорьевскую и Смолен-

скую. Эрдели с конницей отправился к Елизаветинской.

24 марта перед рассветом генерал Марков должен был внезапным ударом овладеть станицей Георгие-Афипской, где был центр закубанских отрядов, гарнизон свыше 5 тысяч человек с артиллерией и бронепоездами и склад боевых припасов. Но неожиданным нападение не вышло, марковцы были обнаружены и попали под сильный артиллерийский огонь. Они залегли за железнодорожной насыпью, их наступление замерло. Положение спасла бригада Богаевского, совершив глубокий обхват Георгие-Афипской с запада. Во второй половине дня корниловцы и партизаны, перерезав железную дорогу, вышли в тыл к большевикам и после короткого горячего боя ворвались в станицу и на станцию.

С востока вошел и Марков. Началось истребление метавшихся по всей станице большевиков, не успевших прорваться к Екатеринодару. На станции, в числе прочей добычи, нашли 700 снарядов.

25 марта подтянулся обоз, и армия двинулась дальше на северо-запад, подорвав железнодорожный мост и выслав отряд против Екатеринодара. Пройдя 32 версты, колонна остановилась в ауле Панахес, откуда после небольшого отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась дальше к Елизаветинской переправе, находившейся в десяти верстах и уже захваченной Эрдели.

Переправа через Кубань представляла большую сложность. Нужно было перебросить армию с ее обозом и бежен-

цами, а это не менее 9 тыс. чел., до 4 тыс. лошадей и до 600 повозок, орудия, зарядные ящики. Операция выполнялась под угрозой с левого берега – со стороны большевиков, владевших железнодорожным мостом, и под некоторым давлением с правого – со стороны авангарда екатеринодарской группы большевиков.

Но переправа была проведена по всем правилам военного искусства. Она протекала двое суток, почти без обстрела. Со стороны Екатеринодара не было попыток помешать. Красные решили защищаться в самом городе. Вечером 26 марта станица Елизаветинская и переправа через Кубань были в руках белых. Оставалось только выполнить третий пункт плана – штурмом взять Екатеринодар.

Итак, в течение четырех суток 6-тысячная объединенная армия кубанцев и добровольцев выполнила все пункты плана, кроме главного – взятие Екатеринодара. Пришлось отдать за это 150 человек убитыми и ранеными.

***

Бригада генерала Маркова расположилась на ночлег в станице Елизаветинской. Взвод ротмистра фон Мекке занял хату на окраине станицы. Добровольцы шумно вошли в хату, снимая шинели и фуражки. Все расселись за большим семейным казачьим столом. Хлопотливая хозяйка недружелюбно поглядывала на добровольцев. Рошин вот уже неделю

воевал рядовым во взводе ротмистра фон Мекке, несмотря на то, что был самым старшим по званию. Он вспомнил эту хату и хозяйку, ведь всего десять дней назад он уже ночевал здесь в качестве красноармейца Варнавского полка. Хозяйка тоже узнала его, но не подала виду.

Офицеры взвода вначале относились к нему с недоверием, но когда в бою за станицу Афипскую он в рукопашной схватке ловко отбил штыковой выпад бородастого красноармейцы, явно опытного и бывалого солдата, а затем, отведя его штык, круговым ударом всадил свой штык ему между рёбер, все поняли, что Роцин «отчетливый рубака». Правда, «отчетливому рубака» потом пришлось долго вытаскивать зажатый штык из ребер мертвого бородача.

После боя капитан Теплов вручил Роцину кокарду, снятую с фуражки убитого офицера, в знак принятия его в белое братство.

– Да, не хотел бы я встретиться с тобой в штыковой, – улыбаясь, проговорил Теплов.

– Следишь, Валька, – с обидой ответил Роцин.

– Чудак, я же поручился за тебя перед генералом Марковым...

Пока хозяйка накрывала на стол, офицеры разбирали бой за Афипскую.

– Сапожков, сволочь, опять-таки вырвался из окружения, – с досадой произнес Теплов.

– Вот, что значит боевой офицер, – подхватил тему фон

Мекке.

– Ему же и первая пуля, – заключил Теплов...

Когда стол был накрыт и была пропета трапезная молитва, первым по званию слово взял Рощин:

– Господа! За наше святой дело, за нашу победу!

– Ура! Ура! Ура! – дружно прокричали офицеры.

Второй тост пили за взятие Екатеринодара.

– Возьмем Екатеринодар, в баню, на бульвар, и – пива! – подхватил Теплов.

– Тебе, Валька, еще девочек не хватает, – съязвил фон Мекке.

– Да, Господа, возьмем Екатеринодар, – стал развивать главную тему капитан Оболенский, – а потом с Божьей помощью Дон поднимется, и – на первопрестольную. Корнилов на белом коне как военный диктатор...

– Так на коне в Учредительное собрание и въедет, – съехидничал Теплов.

– Никакого Учредительного собрания, хватит, налиберальничались, наигрались в партии. Военная диктатура, а потом новая монархия, – отрезал Оболенский.

После третьего стакана пошли разговоры о дворянских правах, завоеванных кровью, расправе над жидами и предателями. Кое-кто договорился до того, что надо расстрелять всю интеллигенцию, начиная с Шляпина.

Рощин встал из-за стола и сел к теплой печке. Вот здесь же всего десять дней назад он пил горячий чай, согреваясь по-

сле холодной переправы, и дремал. Тогда к нему подсел солдат Варнавского полка по прозвищу Квашня. Роцин вспомнил их разговор.

– Я смотрю, парень, ты как – то всех сторонишься, – завел тот разговор. – На митинги не ходишь, газет не читаешь, в наше пролетарское дело не вникаешь. Ты, парень, или из богатеньких, или у тебя горе какое... Вот послушай.

Квашня достал из-за пазухи засаленную газету, надел пенсне и начал читать: «...Помните, что вы сражаетесь за счастье всех трудящихся и эксплуатируемых, вы сражаетесь за право строить лучшую, справедливую жизнь...».

Роцин тогда отвернулся и не заметил, что Квашня, читая, пристально поглядывал на него поверх пенсне.

– Вот и выходит, парень, что ты из богатеньких, – другим уже голосом сказал тот. – Не нравится тебе мое чтение. А ты, часом, не шпион ли?..

Через три дня во время боя за Ново-Дмитровскую Роцину пришлось застрелить Квашню, когда тот заметил, как Роцин цепляет во время боя погоны и, навалившись, хотел задушить его.

«Прочь, прочь все эти мысли и воспоминания, выбор сделан правильный. Россией не навоз под пашню, есть еще силы, способные вернуть ее былое величие», – думал про себя Роцин.

За столом тем временем запели:

Как ныне собирается Вещий Олег

Отмстить не разумным хазарам.

Их села и нивы за буйный набег

Обрек он мечам и пожарам.

Но в припеве вместо слов: «Так за Царя, за Русь, за нашу Веру» – все запели:

Так за Корнилова, за Русь, за нашу Веру

Мы грянем дружное: «Ура! Ура! Ура!

Роцин начал уже дремать, когда к нему подсел восемнадцатилетний вольноопределяющейся Валерьян Оноли³⁴.

– Господин подполковник, а правда, что в Красной армии поют те же песни, только припев у них другой? – улыбаясь, спросил юноша.

– Не знаю. Не слышал, – зло ответил Роцин.

---

³⁴ Тоже литературный персонаж из трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»

Накануне февральских событий

Отдохнув две недели после побега из плена, 19 сентября 1916 года Корнилов прибыл к месту своего нового назначения. Он принял командование над 25-армейским корпусом³⁵ Особой армии генерала В.И. Гурко Юго-Западного фронта. Всего месяц назад четыре армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова завершили широко-масштабное наступление против австро-венгерских и германских армий, так называемый «Брусиловский прорыв»³⁶.

С 20 сентября по 3 октября 1916 года Особая армия генерала Гурко провела наступательную операцию в районе города Ковеля, но никаких результатов она не дала. После этого русские армии на Юго-Западном фронте благополучно засели на зимние квартиры, хотя именно сейчас Авст-

---

³⁵ До Великой войны 25-й корпус располагался в Московском военном округе. Состоял из 3-й гренадерской дивизии и 46-й пехотной дивизии. Во время войны корпус участвовал в боях на Юго-Западном и Западном фронтах.

³⁶ Бои на Юго-Западном фронте длились 58 дней, с 4 июня по 13 августа. Русским войскам удалось на протяжении всего фронта (350 км) продвинуться вглубь на 70-120 км. От австро-венгерских войск были очищены Буковина, Южная Галиция. Противник потерял, по русским данным, до 1,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленным (по немецким данным – 800 тыс. чел.) Потери русских составили около 500 тыс. чел. (по немецким данным – около 800 тыс. чел.). Успех Брусиловского прорыва могли поддержать более решительные наступления армии Эверта и Куропаткина, но они не нашли в себе мужества штурмовать глубоко эшелонированные немецкие позиции.

ро-Венгрия, охваченная армиями четырех фронтов (Русско-го, Румынского, Балканского и Итальянского), была как никогда близка к гибели. Только помощь германских корпусов и армий, постоянно затыкающих дыры прорывов на фронтах своей союзницы, спасали «лоскутную империю» от капитуляции и распада.

10 ноября 1916 года Особая армия, уже под командованием генерала Баллуева, была передана Западному фронту генерала А.В. Эверта, который вел позиционную войну в Белоруссии. Линия фронта здесь не менялась полтора года, поэтому вновь прибывшему 25-му корпусу генерала Корнилова, как и остальным частям, оставалось только отсиживаться в окопах.

Именно на Западном фронте генерал-лейтенанту Корнилову было суждено встретить вести о февральском перевороте 1917 года. Тогда он еще не догадывался о том, как скоро окажется в круговерти революционных событий.

***

В целом обстановка на фронтах Первой мировой войны складывалась к концу 1916 года в пользу стран Антанты. Не добившись в ходе Великого отступления разгрома Русской армии, Германия вновь все свои усилия направила на Западный фронт. 1916 год вошел в историю Западного фронта как самый кровопролитный и тяжелейший. В Верденском

сражении, так называемой «Верденской мясорубке»,³⁷ и в сражении на реке Сомме³⁸, где англичане впервые использовали танки, Германия понесла такие потери, какие она уже не могла восстановить. Упала прежняя боеспособность и моральный дух немецких войск. Однако германские армии Западного фронта еще могли крепко держать фронт. Так же крепко немецкие войска могли держать фронт и в Восточной Пруссии и Польше.

Для Русской армии 1916 год в целом был удачным, кроме «Брусиловского прорыва». Удача сопутствовала русским войскам и на Кавказе. Был преодолен снарядный голод. Промышленность перестроилась на военный лад. Фронтные дивизии были хорошо вооружены, обмундированы и обеспечены питанием.

Но Корнилов, как опытный военачальник, за всем этим внешним благополучием не мог не заметить ряда проблем. Вверенные ему дивизии были кадровыми, еще довоенного призыва, но кадровых офицеров осталось мало, в основном были призванные из запаса офицеры, инженеры, учителя или

---

³⁷ Верденское сражение продолжалась 10 месяцев, став самым продолжительным и самым кровопролитным сражением Первой мировой войны. Оно завершилось без какой-либо победы одной из сторон, хотя общее число жертв превысило 1 млн. чел.

³⁸ В течение четырех месяцев в битве на Сомме участвовали 51 британская, 32 французских и 67 германских дивизий, до десяти тысяч орудий, одна тысяча самолетов. В результате союзникам удалось продавить германскую оборону на фронте 35 км и в глубину до 10 км. Обе стороны понесли огромные потери: французы потеряли 204 тыс. чел., британцы – 420 тыс. чел., немцы – 465 тыс. чел.

зеленая молодежь из юнкерских училищ и школ прапорщиков. Да и качество солдат стало иным. Старые кадры, стойкие, как оловянные солдатки, давно уже лежали на полях Галиции, Восточной Пруссии и Польши или были в плену и госпиталях. На смену им пришла крестьянская масса, которая больше думала о возвращении домой, чем о победе.

Новый военный министр Поливанов явно перестарался с мобилизациями, после которых под ружье было поставлено около 15,5 млн. чел³⁹. От сохи, от станков было оторвано много лишних людей, которых нужно было кормить, одевать, вооружать. К тому же вооруженного человека при определенных обстоятельствах можно было использовать совсем не на благо отечества.

Русский генералитет и офицеры были явно недовольны качеством солдат, которые в большинстве своем были ненадежны, особенно в запасных полках и на флоте. На 5 фронтах (Северном, Северо-Западном, Юго-Западном, Румынском и Кавказском) в действующей армии было 7 млн. чел., остальные солдаты дурели от безделья в запасных батальонах и тыловых частях. Запасные батальоны были политически неблагонадежными. Настоящим гнойником стал Балтийский флот. Дредноуты и броненосцы в боях не

---

³⁹ Вместе с кадровой армией Россия мобилизовала 17 млн. чел. Это больше, чем любая другая страна, участница войны, хотя процент мобилизованных от мужского населения был ниже, чем Германии, Франции и других стран участниц конфликта. В начале 1917 года под ружьем было около 11 млн. чел. Более 6 млн. солдат и офицеров числились убитыми, пленными и ранеными.

участвовали, они только выходили иногда патрулировать минные заграждения, а на базах в финском Гельсингфорсе, Ревеле и Кронштадте свободно действовали революционеры.

***

Лавр Георгиевич, как военный человек, давший присягу на верность Государю Императору Николаю II, политикой не занимался, ни в какие партии и масонские ложи не входил, в заговоры против власти не вступал. Но в частных беседах весьма сурово критиковал существующий порядок вещей и сочувственно относился к Государственной думе.

Как всякий активный гражданин, Корнилов был в курсе всех внутривполитических событий. После возвращения из плена он с удивлением увидел, что от единства тыла и фронта первых месяцев войны, когда страну охватил небывалый патриотический подъем, когда вся Думская и либеральная оппозиция, за исключением партии большевиков, «заключила мир» с правительством, не осталось и следа. После первых военных неудач на фронте, особенно после Великого отступления, оппозиция через либеральную прессу и Думу начала атаку на власть в разгар войны, что, по сути дела, было актом национального предательства. В Германии и в странах Антанты критика правительство во время войны была запрещена, а забастовки считались военным

преступлением.

Так называемая «общественность» вначале требовала от Николая II убрать из правительства ряд неугодных ее фигур. Ради нормализации отношений Император удалил из правительства тех, кого особенно возненавидела «общественность» – министра внутренних дел Маклакова, министра юстиции Щегловитова, обер-прокурора Синода Саблера. На место военного министра Сухомлинова назначил любимца Думы генерала Поливанова.

Но так называемые прогрессисты⁴⁰ после принятия Императором 23 августа 1915 года поста Верховного главнокомандующего предъявили Николаю II требование: отставки ряда министров, создания «министерства доверия» и проведение целого ряда умеренных реформ. Однако Николаю II не нужен был манифест 1905 года в разгар Великой войны, он отклонил требования прогрессистов и 3 сентября подписал указ о роспуске сессии Думы, пригрозив при этом разогнать ее вообще. Вслед за этим указом последовало увольнение министра земледелия А.В. Кривошеина и еще ряда министров, разделяющих идеи парламентаризма. Никаких на-

---

⁴⁰ Члены так называемого «Прогрессивного блока», созданного 25 августа 1915 г. в Государственной думе. В этот союз вошли шесть фракций Думы (прогрессивные националисты, группа центра, октябристы, прогрессисты и кадеты), включавшие в себя 235 депутатов из 422-х. К блоку присоединились три фракции Государственного совета в лице академической группы, центра и внепартийных. Председателем бюро блока стал левый октябрист С.И. Шидловский, но фактическим его руководителем был П.Н. Милюков.

родных волнений в ответ на этот указ не последовало.

Однако гражданский мир в стране не наступил. В среде интеллигенции появилось уныние, нетерпение и недовольство властью, а среди народа – усталость от войны, которая выразилась, прежде всего, в таком явлении, как дезертирство.

В 1916 году оппозиция усилила свои атаки на власть, которые, как и прежде, шли в двух направлениях: через либералов и революционеров. Опорой либералов была Дума и пресса. Закрывать прессу означало вызвать бурю протестов внутри страны и за рубежом. Разогнать Думу государь тоже не мог. За ней стояли промышленники и банкиры, а они обеспечивали снабжение армии. К тому же либералов защищали западные союзники. Осенью 1915 г., когда царь распустил сессию Думы, французские газеты выступили с прямым шантажом: «Особенно неблагоприятное впечатление производит не вполне благожелательное отношение к законодательным учреждениям. Продолжение такого рода неопределенности внутренней политики может вызвать в союзных странах охлаждение, что особенно нежелательно теперь, когда возникает вопрос о финансировании России». Намек был ясен: заденешь Думу – не будет кредитов, не будет поставок оружия.

В начале 1916 года царь заменил министра внутренних дел (вместо Щербатова им стал А.Н. Хвостов), потом заменил Л. Горемыкина на Б.В. Штюрмера на посту пре-

мьер-министра, а Поливанова на Шувалова на посту военного министра. Однако это вызвало лишь новую волну недовольства думской оппозиции правительством. Еще бы, ведь такие думские лидеры, как Родзянко, Милюков, Гучков, сами видели себя на важных государственных постах. Царь опять менял министров. Министры даже не успевали входить в курс дела, как их заменяли новыми. Но либералов все это опять не устраивало, их пресса с иронией называло царское правительство «кувырк коллегией».

В начале 1916 года активизировались в России и революционеры. К тому времени из Германии через Парвуса ⁴¹ потекли деньги в партийные кассы большевиков и других социал-демократических партий. К осени 1915 года они получили в общей сложности 62 млн. марок. Это сразу способствовало координации действий всех сил, нацеленных на разрушение России. Деньги пошли на революционные газеты, агитацию среди солдат и рабочих, работу в профсоюзах и на организацию забастовок. В годовщину «кровавого воскресенья», 9 января 1916 года, по разным городам грянули волнения, забастовало 100 тыс. человек (из них 45 тыс. в столице). Рабочим, участвующим в забастовках, из партийных и профсоюзных касс платили 25 рублей в месяц, т. е. покрывали

---

⁴¹ Парвус Александр Львович, он же Израиль Лазаревич Гельфанд – революционер-провокатор и одновременно банкир. Марксист, деятель германского и российского социал-демократического движения. На немецкие деньги финансировал русских революционеров и в первую очередь партию большевиков для революционного выхода России из войны.

вали все издержки от потери заработной платы.

Однако после успехов русской армии в 1916 г. (на Юго-Западном и Кавказском фронте) в конце 1916 года оппозиция царской власти несколько приутихла. Именно в это относительно благополучное время Корнилов и командовал 25-армейским корпусом. Но страну стали захватывать заговоры. Царю нужны были верные люди. Среди них Николай Александрович видел и генерал-лейтенанта Корнилова. Именно он поддержал вопрос о назначении Корнилова командующим Петроградским военным округом. Кандидатура Корнилова была выдвинута начальником Генерального штаба генералом Михневичем и начальником Особого отдела генералом Архангельским с формулировкой «иметь в Петрограде во главе войск популярного боевого генерала, совершившего к тому же легендарный побег из австрийского плена – такая фигура могла умерить пыл противников императора». Телеграмма с ходатайством о назначении была отправлена в Ставку Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву и удостоена резолюции Николая II: «Исполнить». Возможно, на это решение Императора повлияла его супруга, императрица Александра Федоровна, имевшая личную встречу с Корниловым в Киеве во время его поездки в Ставку после побега из плена. Но назначение задержалось, явно не без участия генерала Алексеева.

В конце 1916 года сформировался заговор против Государя Николая II и царской монархии в целом. В центре его стояли думские деятели из «Прогрессивного блока» и верхи буржуазии. В своих глубинах этот заговор опирался на плотное и энергичное масонское кольцо. Это только для непосвященных они были разными (Керенский, Гучков, Терещенко, Некрасов и др.). Состоя в различных партиях, они были связаны масонской дисциплиной. Летом 1916 года в Петрограде состоялся 3-й Всероссийский съезд масонской ложи Великий Восток народов России. С программной установкой на нем выступил Николай Некрасов, который призвал масонов к организации дворцового переворота с целью замены на императорском троне Николая II его братом, Михаилом Александровичем. Генеральным секретарем Верховного совета этой влиятельной масонской организации был избран никому не известный тогда адвокат Александр Федорович Керенский.

Противники самодержавия уже не могли спекулировать военными неудачами, ведь 1916 год прошел в целом для Русской Императорской армии победоносно, она была обеспечена всем необходимым и приобрела большой боевой опыт. Ставка была сделана на подрыв тыла. Нужно было вызвать недовольство населения снабжением. Осенью 1916 го-

да банкиры и торгаши вдвое обвалили рубль, и тогда подскочили цены. Организовывались дефициты промышленных и продовольственных товаров то в одних, то в других районах. Впервые в России появились очереди, у населения они вызывали чрезвычайное возмущение. Думцы и газетчики, в свою очередь, использовали дефицит и очереди для нападок на правительство. Подорожанием были недовольны в первую очередь рабочие, агитаторы подталкивали их бастовать, требовать повышения зарплаты.

На руку заговорщикам была «свистопляска» в правительстве: за год сменилось 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции, 4 министра земледелия. Либеральная пресса шумела о неспособности правительства управлять Россией, говорили, что министров отбирает лично Распутин, что все премьеры назначались по его рекомендации. Основным средством политической борьбы со стороны оппозиции становится дискредитация правительства и императорской фамилии. А именно – дискредитация путем голословных обвинений в подготовке сепаратного мира с Германией. Больше всего здесь доставалось императрице Александре Федоровне, которую пресса за глаза называла «немецкой шпионкой». При этом нужно было не только оклеветать Царскую семью, но и физически устранить ее ближайшее окружение. И вот в ночь с 29 на 30 декабря 1916 года был убит сибирский старец Григорий Ефимович Распу-

тин⁴².

Вдобавок ко всему прогрессистам удалось привлечь на свою сторону часть генералитета (Брусилова, Рузского), даже сам начальник Ставки Верхового Главнокомандующего генерал Алексеев состоял в дружеской переписке с Гучковым и Родзянко.

Над Россией в начале 1917 года начали сгущаться тучи. Германия продолжала через Парвуса финансировать большевиков, а Англия выделила прогрессистам 21 млн. рублей на организацию беспорядков. У думских заговорщиков и ряда генералов возник план: во время поездки царя из Ставки в Петроград с помощью заранее подготовленного офицерского отряда во главе с полковником Крымовым остановить царский поезд, захватить царя и предложить ему отречься от престола в пользу своего сына. В случае несогласия Крымов должен был «устранить царя физически».

Безусловно, генерал Корнилов не был причастен к заговору против Царского дома, но, зная его авторитет в военных кругах и намерение Государя сделать Корнилова командующим Петроградским гарнизоном, думская оппозиция

---

⁴² Убийство Распутина было организовано В.А. Маклаковым с целью деморализовать царя и царицу. Распутин был предательски завлечен в дом Ф.Ф. Юсупова и зверски убит. В убийстве Распутина принимали участие депутат IV Государственной думы Владимир Пуришкевич и двоюродный брат царя Дмитрий Павлович и еще ряд лиц. В последнее время сенсационное заявление сделали британские исследователи, объявившие настоящим убийцей тайного английского агента Освальда Рейнера, якобы за всем следившего и затем хладнокровно убившего Распутина выстрелом в лоб.

и в первую очередь Родзянко решили использовать его втемную. Кто знает, получи Корнилов назначение командующего Петроградским гарнизоном в январе 1917 года, в какую сторону развернулись бы февральские беспорядки в столице?

Первый день штурма Екатеринодара

Уже утром 27 марта конница Эрдели и 2-я бригада Богачевского были на правом берегу Кубани. Затем переправу начал обоз. Бригада Маркова прикрывала его на левом берегу.

Утро 27 марта выдалось ясным и теплым. Наконец весна вступила в свои права. Переправившиеся части огромным табором расположилась на правобережье. Екатеринодар, раскинувшийся в пойменной низине Кубани, был как на ладони. На небе ни облачка, только ветер трепал лохмотья вымытого белья и качал ветки деревьев с набухающими почками. Повеселевшие офицеры влезали на возы и в бинокли старались рассмотреть в синеющей дали улочки, сады и купола церквей заветного города.

– Честное слово, господа! Вот так же крестоносцы подходили к Иерусалиму!

– Только там были жидовочки, а здесь – пролетарочки...

– Ну что ж, объявим им женскую социализацию... Хо-хо-хо...

– Неужели, господа, скоро конец нашим мучениям? Как долго мы шли к этому маленькому Иерусалиму.

– Да, возьмем город, в баню, на бульвар, и – пива!

Измученной боями и многокилометровыми переходами

Добровольческой армии Екатеринодар казался маленьким Иерусалимом. Это был еще не тот, заветный, такой далекий, с золотыми маковками сорока сороков, а более близкий и оттого желанный, где можно было отдохнуть и набраться сил для далекого похода на Москву.

Но кто тогда мог знать, чем обернутся для Корнилова и всех добровольцев эти пять дней боев за Екатеринодар!

Переправа прошла спокойно, большевики до 27 марта не предпринимали никаких попыток помешать ей. Красные решили защищаться в самом городе. Спешно всем населением рыли окопы, путали проволоку, устанавливали орудия. Из Новороссийска подъезжали эшелоны черноморских моряков, с потопленных кораблей везли пушки, снаряды. Силы защитников выросли до 18 тыс. бойцов против 6 тыс. добровольцев. Все население активно поддерживало Советы. Комиссары в воинских частях и среди населения «открывали глаза» на сущность корниловских добровольцев. Особенно блистал красноречием комиссар Варнавского полка Соколовский.

– За спиной корниловских бандитов стоит беспощадная мировая буржуазия, – говорил он, – которой мы, товарищи, здесь, в Екатеринодаре, дадим «наш последний и решительный бой»...

Все клялись умереть, но не отдать Екатеринодара золотопогонникам.

***

Однако первыми в наступление перешли большевики. Утром 27 марта большой отряд красноармейцев вышел из Екатеринодара и начал наступление на Елизаветинскую. Артиллерия красных открыла огонь по станице, явно нащупывая переправу. Сторожевое охранение Корниловского полка было потеснено, и Неженцев ввел в дело весь свой полк. Медленно, змейками цепей, корниловцы окружали и обходили красноармейский отряд.

Солнце засияло еще сильнее над рекой, над торчащими из воды деревьями, над заливными озерами с тенями весенних облаков, над стогами, над крышами хуторов, наконец, над дерущимися между собой не на жизнь, а на смерть русскими людьми, где каждый умирал и убивал за свою правду.

Пополудни генерал Богаевский двинул в бой Партизанский полк. Генерал Казанович, развернув свои батальоны, двинулся в атаку без выстрела вдоль Екатеринодарской дороги, поддерживаемый редким огнем своей батареи. Большевики, не выдержав двойной атаки корниловцев и партизан, бросились бежать в направлении Екатеринодара. Они бежали густыми толпами, в полном беспорядке и остановились только на линии образцовой фермы Екатеринодарского сельскохозяйственного общества и примыкающих к ней хуторов, что в трех верстах от города.

Казанович, преследуя большевиков, овладел кирпичным заводом, стоявшим на берегу Кубани, на полпути от Екатеринодара. Но Богаевский, ввиду того, что на него было возложено только прикрытие Елизаветинской, а атака Екатеринодара предполагалась лишь после переправы всей армии, счел свою задачу выполненной и, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение, отвел своих бойцов на ночлег в станицу.

По дороге к взбудораженной боем толпе добровольцев на взмыленном коне, в коротком полушубке с мягкими генеральскими погонами подскакал генерал Корнилов.

Полковник Неженцев, краснощекий, моложавый, возбужденный, прыгая через трупы, подбежал к Корнилову, блеснув стеклами пенсне, рапортовал:

– Атака красных отбита, ваше превосходительство.

– Слава Богу! – Корнилов широко перекрестился, царапая ногтем мизинца по заскорузлому полушубку. – Слава Богу...

Неженцев глазами указал ему на группу ударников с трехцветными нашивками на рукавах черных шинелей и адово-головой вместо кокарды на фуражках. Они стояли, опираясь на винтовки. Лица их сохранили возбуждение боя, глаза бешено блуждали, у многих руки и лица были в крови.

– Два раза спасали положение и первыми ворвались в цепи красных, ваше превосходительство.

Корнилов подскакал к ударникам. Они сейчас же заволновались и быстро стали выстраиваться.

– Спасибо, мои орлы! Благодарю вас за блестящее дело... Низко вам кланяюсь... Завтра с Божьей помощью будем в Екатеринодаре...

– Ура! Слава генералу Корнилову! – пронеслось громовым раскатом по рядам ударников.

***

Вечером 27 марта Корнилов в штабе провел небольшое военное совещание. Были почти все командиры. Отсутствовали генерал Романовский (за два дня до этого он был легко ранен и пребывал в обозе), и генерал Марков, руководившей переправой последних бойцов своей бригады.

В штабе царило приподнятое настроение. Причиной тому была легкость, с которой был достигнут успех этого дня, моральная неустойчивость большевиков и информация о панике в Екатеринодаре, о начинающейся будто бы эвакуации. Вместе с тем доходили сведения о подходящих к красным подкреплениях из Новороссийска.

Корнилов решил поспешить с атакой и нанести решительный удар, прежде чем большевики опомнятся и усилятся, не дожидаясь сосредоточения всех сил своей армии.

– Я намереваюсь завтра нанести удар по Екатеринодару силами 2-й бригады генерала Богаевского, которая сегодня легко опрокинула большевиков, вздумавших нас сбросить в Кубань, и конной бригады генерала Эрдели. Богаевский

возьмет ферму и ударит по Екатеринодару с запада и севера, где нас меньше всего ждут. Конная бригада Эрдели обхватит город с севера и северо-востока и преградит путь большевикам по Черноморской и Владикавказской железной дороге. Здесь нас поддержат казаки станицы Пашковской. От них были посланцы, сообщившие, что, как только наша конница появится у их станицы, казаки поднимут восстание. Прошу высказывать ваши мнения, господа, – закончил свой приказ-совет Корнилов.

Все молчали. Деникин посмотрел на Алексеева: тот тербил в руке карандаш и вытирал пот со лба – явный признак волнения и несогласия. Но Алексеев молчал. Тогда слово взял Деникин:

– Лавр Георгиевич, – начал он – мне кажется, что нельзя идти на штурм города, не сосредоточив всех сил. Надо дожидаться переправы всей бригады Маркова и только тогда идти на решительный штурм.

– В другое время я бы так и сделал, Антон Иванович, но это значит потерять весь завтрашний день. Для нас сейчас промедление смерти подобно; у большевиков – паника, кроме того, к ним ежедневно прибывают подкрепления из Новороссийска и Кавказской.

– Может, нам все же дождаться переправы всей бригады Маркова? – не выдержав, вмешался Алексеев. – По моим сведениям, 1-й Кубанский стрелковый полк сегодня ночью может закончить переправу. Утром и Офицерский полк бу-

дет на правом берегу.

– Хорошо, Михаил Алексеевич! Я сегодня отдам приказ ускорить переброску Кубанского полка, ну а марковцы пусть пока посидят в резерве, надо же кому-то охранять обоз.

На этом совещание закончилось. Все расходились довольные, кроме Деникина и Алексеева.

– Что вы обо всем этом думаете, Михаил Алексеевич? – спросил Деникин, когда они уже вышли на свежий, наполненный весенними ароматами воздух.

– Я думаю – Корнилов погубит себя и армию, – резко ответил бывший Верховный главнокомандующий всеми Вооруженными силами России.

– Да, Корнилов рискует. Успех в этом случае создает полководцу ореол прозорливости и гениальности, неудача обнаружит только одно – отрицательную сторону решения.

Командование Петроградским военным округом

Когда в Петрограде была разыграна трагикомедия с «чудесным образом» исчезнувшим хлебом, когда на улицы столицы в женский день – 23 февраля (8 марта) 1917 года – каким-то невидимым дирижером на улицы Петрограда были выведены первые робкие кучки протестантов с лозунгами «Хлеба!», которые, осмелев от бездействия командующего Петроградским военным округом генерала Хабарова и министра внутренних дел Протопопова, превратились в многотысячные толпы демонстрантов, но уже с лозунгом «Долой самодержавие!», когда на сторону «возмущенного народа» перешли солдаты Петроградского гарнизона и матросы Балтийского флота, генерал-лейтенант Корнилов сидел со своими солдатами 25-го армейского корпуса в холодных окопах и, как они, возмущался затяжной войной, бездарностью царского правительства, и словно загнипнотизированный, сочувствовал «голодному» Петрограду.

Тогда генерал Корнилов еще не знал своей судьбы, как не знал своей участи Государь Император Николай II. Их судьбы зависели не от них, а от рока и воли других людей. Оторванный от своей семьи и загнанный предателями, генералами Алексеевым и Рузским, на станцию Дно под Псковом, под

давлением Государственной Думы и требования командующих фронтов⁴³ Государь Император подписал «Акт об отречение от престола» и вместе с тем горькие слова: «Кругом измена, трусость и обман».

У Корнилова никто не спрашивал, за отречение он Государя или нет. Но он не вывел свои войска, подобно генерал-лейтенанту Федору Артуровичу Келлеру,⁴⁴ в поддержку престола. К марту 1917 года Лавр Георгиевич, как и абсолютное большинство старших военачальников, пришел к убеждению, что династия Романовых играет роковую роль в истории страны, а правящий император ведет ее к пропа-

---

⁴³ За отречение высказались генерал Алексеев, командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, командующий Румынским фронтом генерал Сахаров (с оговорками), командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов, командующий Западным фронтом генерал Эверт, командующим Балтийским флотом адмирал Непенин. Воздержался лишь командующим Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. Была еще надежда на генерала Рузского, во власти которого находился Николай II, но и тот высказался за отречение Государя от престола.

⁴⁴ Получив известие о революции в Петрограде и текст новой присяги, Келлер заявил, что не станет приводить к ней вверенные ему войска, так как «не понимает существа и юридического обоснования верховной власти Временного правительства». Подчиненным Келлер сказал: «Я получил депешу об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве... Вот телеграмма, которую я послал Царю: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя». В ответ командиру прогремело дружное «Ура, ура! Не дадим в обиду Императора!». Лишь под угрозой командующего Румынским фронтом объявить его бунтовщиком Келлер вынужден был подчиниться приказу и под звуки гимна «Боже, Царя храни!» сдал корпус.

сти. Вряд ли знали его потаенные мысли генералы Михневич и Архангельский⁴⁵, рекомендуя Корнилова на пост Главнокомандующего Петроградским гарнизоном, тем более Николай II. Но его убеждения знал председатель Государственной думы М.В. Родзянко, поэтому убедил новое Временное правительство и Ставку назначить Корнилова командующим гарнизоном взамен арестованного генерала Хабарова. Вечером 2 марта 1917 года Лавр Георгиевич Корнилов получил из Ставки Верховного главнокомандования, размещенной в Могилеве, предписание немедленно отправиться к новому месту службы.

***

Корнилов прибыл в Петроград утром 5 марта в качестве Главнокомандующего Петроградским гарнизоном, а отбыл из столицы 29 апреля, уже получив назначение командующего 8-й армией Юго-Западного фронта.

Петроградский гарнизон, или Петроградский военный округ, по своей численности соответствовал двум фронтовым армиям, он включал с себя части, дислоцированные в Петроградской губернии (Петроград, Царское Село, Петергоф, Гатчина, Ораниенбаум, Стрельна и т.д.) и насчиты-

---

⁴⁵ Непосредственным инициатором назначения Л.Г. Корнилова Командующим Петроградским военным округом был его однокашник по академии Генерально-го штаба начальник Особого отдела генерал-майор А.П. Архангельский.

вал 460 тыс. чел. В самом Петрограде было более 200 тыс. чел. Основную массу Петроградского гарнизона составляли запасные батальоны и полки, далее шли юнкерские училища, школы прапорщиков, различные охранные и технические отряды, разнообразные штабы и военные службы.

Еще до февральских событий запасные батальоны были самыми ненадежными частями. Как правило, в больших городах они подчинялись военному коменданту города. При малой численности офицеров запасные батальоны разрастались иногда до 6 тыс. чел. Условия городской жизни, нежелание попасть на фронт, отсутствие должного контроля со стороны офицерского состава, приводили к тому, что запасные батальоны становились благодатной средой для революционеров разных мастей. Неслучайно именно запасные батальоны гвардейских полков, расквартированные в Петрограде, стали застрельщиками февральских событий.

Масло в огонь подлил так называемый приказ № 1 по Петроградскому гарнизону, принятый еще 1 марта 1917 года Петроградским Советом солдатских и рабочих депутатов, в котором предписывалось создать в воинских частях выборные комитеты из представителей нижних чинов. Главным в приказе был третий пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. В приказе предусматривалось, что всякого рода

оружие передается в распоряжение и под контроль солдатских комитетов⁴⁶.

Каково было служаке Корнилову, привыкшему к строгой дисциплине и единоначалию, командовать столичной вооруженной вольницей, которая не столько несла военную службу, сколько митинговала, дезертировала, торговала, чем придется, нанималась дворниками, телохранителями, даже участвовала в бандитских налетах. Ему даже не дали времени установить воинскую дисциплину во вверенных ему частях, Первым делом Лавр Георгиевич получил приказ от Временного правительства и лично военного министра Гучкова произвести арест императрицы Александры Федоровны и наладить охрану Царской семьи в Царском Селе. Тем самым деятели февральского переворота решили «повязать» известного генерала «революцией».

И вот рано утром 8 марта Корнилов появился в Александровском дворце Царского Села, где проживала Александра Федоровна с детьми. Лавр Георгиевич построил офицеров Сводного полка и конвоя, которые несли охрану Александровского дворца, и зачитал им постановление Временного правительства об аресте бывшей императрицы. К вечеру со всех постов были сняты солдаты Сводного пехотного полка

---

⁴⁶ Приказ вышел в девяти миллионах экземпляров. Впоследствии он распространился на всю русскую армию. С принятием приказа № 1 был нарушен основополагающий для любой армии принцип единоначалия; в результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности русской армии, что, в конечном счете, способствовало её развалу.

и конвоя. Их заменили Отрядом особого назначения, состоящим из 330 солдат различных запасных батальонов (разумеется, самых надежных для новой власти) и 7 офицеров во главе с полковником Коровиченко, личным другом Керенского.

Корнилов встретился с бывшей императрицей и зачитал ей инструкцию о ее содержании под арестом, лично составленную Керенским. Инструкция вводила следующие ограничения: царская семья и все, добровольно оставшиеся с ней, были изолированы от внешнего мира, для прогулок отводились особые места в парке, существовало внутреннее и внешнее наблюдение за семьёй, свидания разрешались лишь с разрешения Керенского, дворец и парк оцеплялись караулом.

Александра Федоровна спокойно выслушала генерала Корнилова и ответила:

– Я рада, что именно вы, генерал, объявили мне об аресте, так как вы сами испытали весь ужас лишения свободы.

В этот же день Корнилов покинул Царское Село, возложив всю ответственность за охрану Царской семьи на полковника Коровиченко⁴⁷. Корнилов выполнил это первое поручение «революции» с тяжёлым сердцем. С тяжёлым сердцем он читал и донесения полковника Коровиченко. Уже на следующий день в 11 часов 30 минут в Царское Село прибыл поезд с Николаем II. Полковник Коровиченко писал в своем первом донесении Корнилову: «Государь вышел из ваго-

---

⁴⁷ В июне его сменил полковник Кобылинский.

на и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков. Ко мне же на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной Думы Вершинин, и сказали мне, что их миссия окончена: государя они передали мне. В поезде с государем ехало много лиц. Когда государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта весьма некрасивая».

Сам Корнилов глубоко переживал выполнение возложенной на него тяжелой обязанности. Уже находясь в Быховской тюрьме, в кругу самых близких лиц, он делился с ними тяжелыми чувствами, переполнявшими его при исполнении приказа Временного правительства об аресте Государыни. Тем не менее после ареста императрицы за Корниловым закрепилась репутация революционного генерала, а ортодоксальные монархисты так и не простили генералу его участия в этом эпизоде.

Еще одной акцией, вызвавшей неоднозначное отношение к Корнилову в армии и стране, стало награждение Георгиевским крестом 4-й степени старшего унтер-офицера лейб-гвардии Вольнского полка Тимофея Кирпичникова – якобы

*за убийство своего командира, штабс-капитана И.С. Лаишевича. Однако формулировка в приказе гласила: «...за то, что 27 февраля, став во главе учебной команды батальона, первым начал борьбу за свободу народа и создание Нового Строя...».*⁴⁸

***

Еще до приезда Корнилова в Петроград в столице установилось так называемое двоевластие. С одной стороны – Временное правительство, с другой – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Все приказы по округу должны были согласовываться с обоими органами власти. Лавр Георгиевич обнаружил, что нести военную службу в таких условиях практически невозможно. К тому же в столицу в апреле в «пломбированном вагоне» из Германии прибыл Ленин с товарищами и развернул революционную пропаганду за переход революции от буржуазно-демократического этапа к социалистическому («Апрельские тезисы»)⁴⁹.

---

⁴⁸ Судьба самого Кирпичникова, «первого солдата революции», оказалась незапамятной: в начале 1918 г. он прибыл на Дон, чтобы в составе Добровольческой армии сражаться с большевиками «за свободу народа», которую они попирают. На его беду, он нарвался на полковника Кутепова, хорошо знавшего «подвиги» Кирпичникова в феврале 1917 года. Тот, недолго думая, приказал его расстрелять, а тело бросить в придорожную канаву.

⁴⁹ Апрельские тезисы включают в себя 10 пунктов: 1. Резкая критика войны («кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нель-

К революционной деятельности присоединился и товарищ Троцкий, привезенный на пароходе из США. Оба товарища приехали не без денег и определенных инструкций. Но тогда ни Корнилов, ни солдатская масса еще не понимали их революционного замысла, для командующего Петроградским военным округом настоящим бичом стала «Декларация прав солдата», которая давала особые права солдатам, разрешала им участвовать в политических событиях, вступать в партии и иные общественные организации. «Декларация» в апреле 1917 года только готовилась лично Керенским, по мнению Корнилова, она окончательно разложила бы русскую армию⁵⁰.

Корнилов пришел к выводу, что во вверенном ему гарнизоне нужно срочно наводить порядок. В этом он нашел поддержку у военного министра А.И. Гучков и министра иностранных дел П.М. Милюкова.

Еще 7 марта Лавр Георгиевич приказал убрать из Петрограда разложившиеся запасные полки и заменить их фрон-

---

за без свержения капитала»); 2. «Буржуазная» Февральская революция – лишь «первый этап», за которым должна последовать «пролетарская» революция; 3. «Никакой поддержки Временному правительству»; 4. Партия большевиков «пока в меньшинстве»; необходимость разъяснительной работы; 5 «Устранение» полиции и армии, передача всей власти Советам; 6. Аграрная реформа («национализация всех земель в стране»); 7. Банковская реформа; 8. Контроль советов за распределением и производством и т.д.

⁵⁰ Печальной памяти закон, которого так опасались генералы и офицеры, известный под именем «Декларации прав солдата», был утвержден Керенским 9 мая 1917 г, когда он занял пост военного министра.

товыми частями, на что Петроградский Совет заявил, что «запасные» останутся в городе и будут «защищать завоевания революции». Всеобщее возмущение вызвал приказ Корнилова от 22 марта с требованием к населению сдать все расхищенное во время переворота оружие. После этого Корнилов в глазах «солдат революции» перестал выглядеть сторонником свободы.

18 апреля министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков опубликовал ноту к правительствам стран Антанты, разъясняющую позицию Временного правительства по вопросу войны. В ней он заявлял, что Временное правительство не даёт никаких оснований думать об ослаблении роли России в общей союзной борьбе и свидетельствует о всенародном стремлении довести мировую войну до победного конца. В слегка завуалированной форме признавалась и необходимость аннексий и контрибуций, в частности решение вопроса о Черноморских проливах в пользу России.

В ответ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов организовал массовые демонстрации протеста. 20 апреля в Петрограде к Мариинскому дворцу – резиденции Временного правительства – подошли Финляндский, Московский, 180-й полк, часть 2-го Балтийского флотского экипажа. Всего собралось более 15 тыс. чел. Солдаты выдвинули лозунг: «Долой Милюкова!».

21 апреля по призыву большевиков вышли на демонстра-

цию с требованием мира и передачи власти Советам около 100 тыс. рабочих, солдат и матросов. Они шли под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой войну!», «Опубликовать тайные договоры!», «Долой захватническую политику!». А когда Корнилов попробовал вывести войска на Дворцовую площадь для противодействия антивоенной демонстрации, исполком Петросовета сообщил, что право вывода войск на улицы есть только у него, но никак не у командующего округом.

Это стало для Корнилова последней каплей терпения. 23 апреля, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов», он подал на имя военного министра рапорт с просьбой о переводе его в действующую армию. А. И. Гучков предложил Корнилову должность главнокомандующего армиями Северного фронта, однако натолкнулся на резкое противодействие Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева. Тот указал, что назначение Корнилова подорвет «общие основы иерархических взаимоотношений» и обидит более заслуженных генералов. Он подчеркнул при этом, что «армию Корнилов может получить любую», и пригрозил, что если назначение Корнилова состоится через его голову, он подаст в отставку. Ссориться с главковерхом Гучков не рискнул, и в итоге Главковерхом Северного фронта 29 апреля стал генерал от инфантерии А. М. Драгомиров, а Корни-

лов в тот же день сменил генерала от кавалерии А.М. Каледина на посту командующего 8-й армией Юго-Западного фронта.

Однако не усидели в своих креслах и Гучков с Милюковым. В результате, чтобы спасти свое положение и выправить конфликт с Петросоветом, Временное правительство пожертвовало ими. Министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков и военный министр Александр Иванович Гучков подали в отставку. Вскоре подал в отставку с поста Главковерха и генерал Алексеев. Позже марксистские историки назовут это событие апрельским кризисом Временного правительства⁵¹.

---

⁵¹ Было создано первое коалиционное правительство под председательством князя Г.Е. Львова, куда, наряду с либералами, вошли и социалисты. Пост военного и морского министра получил Керенский; лидер эсеров В.М. Чернов стал министром земледелия, а лидер меньшевиков И.Г.Церетели – министром почт и телеграфа. В коалиционное правительство вошел также М.И. Скобелев и еще 3 социалиста. Таким образом, коалиционное правительство состояло из 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов.

Второй день штурма Екатеринодара

Генерал Марков был удивлен приказом Корнилова первым переправить на правый берег Кубани 1-й кубанский стрелковый полк. Все ночь кубанцы переправлялись на пароме и вслед за бригадой Богаевского и конницей Эрдели после бессонной ночи ушли на штурм Екатеринодара. Еще более Марков был удивлен приказом командующего оставить Офицерский полк в резерве и охранять обоз, который располагался в станице Елизаветинской.

Переправившийся под утро 28 марта Офицерский полк расположился биваком на холмах и заливных лугах правого берега Кубани. Тысяча отборных бойцов вынуждена была сидеть в резерве в 18 километрах от столицы Кубанского войска. Кашевары варили кашу, кто-то из офицеров и юнкеров грелся у костра, кто-то лежал на молодой травке и ловил утренние лучи весеннего солнца, кто-то спал, а кто-то смотрел в бездонное безоблачное небо и думал о вечности в кровавой суматохе гражданской войны. Те, кто был позлее и нетерпеливее, как вчера офицеры бригады Богаевского, в бинокли пытались разглядеть очертания Екатеринодара, закрытого предутренней синевой и дымом разгоравшегося боя. Между ними ходил в своей неизменной белой па-

пахе злой генерал Марков, ругался и сволочился по адресу высшего командования:

– Раздергали по частям бригаду, – трах-тарарах – в обозе меня заставили сидеть, – трах-тарарах – лучшие бойцы на солнце брюхо греют, – трах-тарарах...

***

А тем временем в станице Елизаветинской на церковной паперти на солнцепеке сидели два десятка раненых офицеров. С востока, то усиливаясь, то затихая, доносился орудийный гром. Здесь же, на земле возле церкви, лежала группа штатских. К ней на вороном коне подскакал Родзянко в сопровождении матроса Баткина.

– Что это за трупы лежат возле церкви? – весело смеется он.

Одновременно смеются и офицеры:

– А, господин Родзянко и прочие контрреволюционеры пожаловали...

Обоз, состоящий из раненых и так называемых «беженцев» типа Родзянко и Баткина, около двух тысячи человек, весь день напряженно ждал вестей о штурме Екатеринодара.

Около 12 часов дня прискакал вестовой и сообщил: «Генерал Казанович взял ферму!». Через полчаса прибыла первая партия раненых, около двух десятков человек, с печальной вестью: красные ферму отбили. Через еще полчаса опять

прискакал вестовой с радостной вестью:

– Кубанские пластуны полковника Улагая ферму ферму опять взяли, красные бегут в город. Весь штаб перемещается на ферму. Наши пошли на штурм Екатеринодара...

Опять потянулись томительные минуты и часы ожидания. День такой голубой, теплый, на его фоне контрастом гудит артиллерия. Ружья и пулеметы слились в беспрестанный, перекатывающийся треск. Раненые прислушиваются к гулу боя, стараясь определить: близится он или нет? Ничего не поймешь. Как будто все на одном месте...

Красная каменная церковь вся истреляна снарядами. Старенький сторож-казак показывает в окне церкви небольшой, написанный на стекле образ Христа. Окно выбито снарядом. Кругом валяются осколки гранат, стекла, штукатурка, а образ стоит нетронутым, прислонившись к железной решетке.

Наступил полдень. Гул не стихает. Еще ожесточеннее, страшнее ревет артиллерия. Как будто клокочет вулкан...

– Я Львов, Перемышль брал – но такого боя не слышал, – говорит раненый полковник. – Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите... Залпами...

Артиллерия ухала тяжелыми, страшными ударами, как будто что-то громадное обрывалось и падало...

Кто-то, чтобы отвлечься от главной темы, заговорил о прошлом.

– Была у меня невеста, красивая такая, чудная девушка,

платье у нее было розовое с оборками, вместе в парк гулять ходили. Где она теперь – не знаю.

– Да, любовь... Как-то даже дико звучит сейчас. А тянет, тянет, господа, к прежней жизни... Чистые женщины, ты сидишь веселый и здоровый в ресторане. Ах, хорошо, господа, было...

– Тише... Пойдите, господа... Опять ураганный огонь... Поверьте мне, это – конец... Наши уже в городе.

Все молчат. Повернули головы на восток, где серовато-желтой тучей висит дым над Екатеринодаром. Ковыляя, подходит рыжий, худой, как скелет, офицер, садясь, говорит:

– Васька сейчас умер... Как кричал: «Мама, мама, слышишь ты меня?..

Наконец прискакал вестовой с радостной вестью:

– Наши после жестокого боя овладели предместьем города с кожевенным заводом и идут дальше. Сомневаться не приходится Екатеринодар сегодня будет наш...

По обозу несется радостное: «Ура!».

Но радость оказалась недолгой. Через час приискал другой вестовой:

– Город не взят, наши отбиты с большими потерями. Корнилов отдал приказ отступить...

Вскоре уже в темноте уходящего дня в Елизаветинскую потянулись телеги с массой раненых (убитых оставляли на поле боя). Их было столько, что обоз с ранеными сразу почти удвоился. Среди них были генерал Казанович, полков-

ник Улагай, партизан-есаул Лазарев, сотни офицеров и рядовых. Без ощутимой пользы было растрчено свыше трети огневого снаряжения.

Из боя пришли с ранеными две санитарки из Корниловского полка – Варя и Таня. Обе плачут. «Рота разбита, Саша убит, Ежов убит, Мошков умирает. Ходили в атаку наши, но их отбили, всю роту перебили. Из-за каждого шага бьются, то наши займут их окопы, то они – наши...».

Они привезли раненую большевистскую сестру милосердия. Ее положили на крыльце. Девушка красивая, с подстриженными волосами. Она ранена в таз. Сильно мучается. За ней ухаживают наши сестры. От нее узнали, что в Екатеринодаре женщины и девушки пошли в бой, желая помогать всем раненым. Наши видели, как эта девушка была ранена, перевязывая в окопе и большевиков, и добровольцев.

Второй день штурма Екатеринодара окончился неудачей. Артиллерия большевиков гудит без всякого перерыва. Добровольцы не отвечают – экономят снаряды. В церковь заходит старенький священник. Начинается Великопостная всенощная. В церкви полумрак, пахнет свежим весенним воздухом и ладаном. Мерцают желтые огоньки тонких свечей. Священник тихим голосом читает. Поют. Молятся раненые. Плачут склонившиеся женщины-казачки. А со стороны Екатеринодара все ревет артиллерия. Маленькая церковь содрогается, содрогаются и все люди в ней.

От командующего 8-й армии до командующего Юго-Западным фронтом

После назначения Корнилов прибыл в штаб 8-й армии в первых числах мая 1917 года. Он сменил на этом посту генерала от кавалерии А. М. Каледина, отбывшего на Дон и ставшего скоро Донским атаманом. Прежде чем проинспектировать вверение ему войска, Лавр Георгиевич сразу заметил, какие изменения произошли во всем высшем командном составе в Русской армии. Еще военный министр Гучков уволил (или сами «добровольно ушли») всех, кого Временное правительство заподозрило в монархизме или «реакционности». Из пятерых командующих фронтами уцелел только генерал Брусилов. Первыми уволенными главками стали колебавшиеся в дни Февраля Эверт (Западный фронт) и Сахаров (Румынский фронт). Затем ушел генерал Рузский (Северный фронт). Ушел и великий князь Николай Николаевич, командующий Кавказским фронтом, назначенный Николаем II перед отречением Верховным Главнокомандующим. Его место занял генерал Алексеев, которого в мае 1917 года заменил Брусилов. Своих постов лишились восемь командармов из двенадцати, тридцать два комкора, сорок начдивов, семнадцать комбригов. Всего в марте-апреле из вооружен-

ных сил было уволено до ста пятидесяти старших военачальников⁵².

В мае своих постов лишились генерал В.И. Гурко (уволен с поста главнокомандующего армиями Западного фронта 22 мая) и главнокомандующий армиями Кавказского фронта генерал Н.Н. Юденич (уволен 31 мая). 6 июня подал рапорт об отставке командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак.

Кроме того, развернулась атака на офицерский корпус. Мало того, что сотни офицеров были убиты солдатами и матросами, из армии были уволены тысячи офицеров, заподозренных в монархизме.

В армию, растерянную, сбитую с толку, хлынули правительственные комиссары с «революционными» разъяснениями, агитаторы-большевики, меньшевики и эсеры. Во фронтовые части вливались пополнения, разложившиеся в тылу. Всюду: в полках, дивизиях, корпусах, даже при штабах армий и фронтов – создавались солдатские комитеты. А где-то сами же офицеры, увлекшись идеями «свобод», вводили среди подчиненных «демократию».

8-я армия считалась лучшей армией, которой в 1914-1916 гг. командовал А.А. Брусилев. Именно в нее входила 48-я пехотная дивизия, которой до своего плена командовал Корнилов. На протяжении всей войны армия не выходи-

---

⁵² Всего в 1917 г. потеряли свои посты до 400 генералов, 302 полковника были произведены в генералы.

ла из боев, увенчав себя неуязвимой славой во время Брусиловского прорыва. Корнилов проинспектировал некоторые полки и дивизии своей армии⁵³. Во время одной из инспекций Корнилов пожелал узнать, каков нынешний состав войск. Он отдал приказ поднять руку тем, кто находился в рядах с начала Великой войны. Всего несколько рук поднялось над двухтысячной толпой, были целые роты, где не поднялось ни одной руки⁵⁴. Помимо изменения состава армии, Корнилов заметил, что та гниль, что была в Петроградском гарнизоне, стала проникать и во фронтовые части. Теперь любой приказ командиров обсуждался солдатскими комитетами, которые часто отменяли приказы о наступлении, солдатам больше не хотелось воевать до победного конца. Участились случаи братания с солдатами неприятеля, которые иногда кончались оставлением позиций русскими солдатами.

Лично Лавру Георгиевичу удалось убедиться, в какой степени разложения находится вверенная ему армия. Инспектируя части резерва, он наткнулся на солдатский митинг.

---

⁵³ На тот момент в состав армии входили 7-й, 8-й и 12-й армейские корпуса, 3-я и 4-я стрелковые бригады, три кавалерийские дивизии. Всего порядка 210 тыс. чел.

⁵⁴ Под ружьем в 1917 г. было 11 млн. человек. Но это не была выученная и дисциплинированная армия, как в 1914 году. Кадровая армия, особенно пехота, была уничтожена в мясорубке войны. В 1915 году полегла практически вся лейб-гвардия. А войска 1917 года на 90% состояли из крестьян «только что от сохи», вырванных из обычной жизни и сбитых с толку.

В ответ на все доводы командующего о необходимости наступления митингующие указывали на ненужность продолжения «буржуазной» войны, ведомой «милитарицами»... Когда Корнилов после двухчасовой беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, ему представилась еще более интересная картина. Здесь среди русских солдат и офицеров он увидел несколько германских офицеров и солдат с обильным угощением и музыкой. Германцы встретили появление генерала Корнилова браваурным маршем одного из егерских полков. Генерал со словами «Это измена!» повернулся к стоящему рядом офицеру и крикнул «братам», что если немедленно не прекратится этот позор, он откроет огонь из орудий. После чего дисциплинированные германцы прекратили игру и пошли к своей линии окопов.

Ознакомившись с печальным положением дел в армии, Лавр Георгиевич первым делом поднял вопрос об уничтожении солдатских комитетов и запрещении политической агитации в армии. Неожиданную поддержку он нашел в лице комиссара армии М.М. Филоненко. Комитеты были введены им в рамки законности и не вмешивались в дело управления войсками, агитаторы изгонялись.

Корнилов нашел среди офицеров много сторонников по наведению порядка в 8-й армии. Так он познакомился с капитаном Генерального штаба Митрофаном Осиповичем Неженцевым. Тот предложил Корнилову формировать специальные ударные отряды из солдат и офицеров, понимающих

политическое положение в стране и готовых воевать. 19 мая 1917 года Корнилов издал приказ о формировании Первого ударного отряда добровольцев в своей армии – прообраза новой (добровольческой) революционной армии. Командиром отряда, в который вошли 91 офицер и 1763 солдата, был назначен капитан М.О. Неженцев.

***

По военным планам стран Антанты на совещании в Шантийи (15-16 ноября 1916 г.) и на военной конференции в Петрограде (24 января-7 февраля 1917 г.)⁵⁵ войну предполагалось закончить в 1917 году.

К началу кампании 1917 г. страны Антанты имели на фронтах 425 дивизий (21 млн. чел.), Центральные державы – 331 дивизию (10 млн. чел.).

Военный план, разработанный на Петроградской конференции, предусматривал проведение в начале года частных операций на всех фронтах в целях удержания стратегической инициативы, а летом 1917 г. – переход в общее наступление на Западном и Восточном фронтах в целях окончательного разгрома Германии и Австро-Венгрии. Союзники подтвердили преимущественное право России на Черноморские проливы.

---

⁵⁵ В ней участвовали военные делегации России, Великобритании, Франции и Италии.

Что касается сроков, то генерал Гурко, замещавший тогда Алексеева в связи с болезнью последнего, указал на то, что русские армии смогут быть готовыми к наступлению к 1 мая по новому стилю, а до того срока ограничиваются второстепенными наступательными операциями.

Однако Февральский переворот, создание параллельно Ставки военного министерства, а главное – всеилие солдатских комитетов не только сдвинули сроки русского наступления на Восточном фронте, но и вообще поставили вопрос о целесообразности проведения наступления.

Главной для русской армии стала проблема дисциплины. Солдаты ставили возможность своего дальнейшего участия в войне в зависимость не только от удовлетворения властью насущных потребностей армии (питание, обмундирование и т.п.), но и с надеждой крестьянства на разрешение аграрного вопроса в пользу деревни. В письмах с фронта солдаты стояли за мир на любых условиях. Солдатская масса была убеждена: царя нет, значит, скоро конец войне, а там – по домам, делить помещичью землю.

Проводить наступательные операции в условиях разложения армии было делом почти безнадежным, солдатские комитеты были решительно против каких либо наступлений. Восточный фронт можно было удерживать только в обороне. Если солдаты еще не бросали винтовки, то только в надежде, что фронтовики получат от правительства дополнительно по одной десяatine земли. За наступление вы-

ступали только одни офицеры, что еще больше увеличивало разлад между ними и солдатской массой.

В этих условиях общее наступление Русской армии Ставкой (Главнокомандующий Брусилов) и военным министерством (военный министр Керенский) было перенесено с мая на июнь 1917 года.

Русская армия к марту 1917 г., невзирая на все свои недостатки, представляла внушительную силу, с которой противнику приходилось считаться. Благодаря мобилизации промышленности, деятельности военно-промышленного комитета и отчасти нескольких оживших органов военного министерства, боевое снабжение достигло размеров доселе небывалых. К тому же усилился подвоз артиллерии и вообще военного материала от союзников через Мурманск и Архангельск.

К 1 марта на Восточном фронте насчитывалось 6 млн. 760 тыс. штыков и сабель (не считая готовившихся резервов):

1. Северный фронт – 1 млн. 337 тыс. чел. (1-я, 5-я, 12-я армии, отдельный 42-й арм. корпус);

2. Западный фронт – 1 млн. 621 тыс. чел. (2-я, 3-я, 10-я армии);

3. Юго-Западный фронт – 2 млн. 281 тыс. чел. (7-я, 8-я, 11-я, Особая армия);

4. Румынский фронт – 1 млн. 521 тыс. чел. (4-я, 6-я, 9-я, 2-я румынская армия).

Еще более 4 млн. чел. было в Кавказской армии, на Балтийском и Черноморском флотах, в резерве Ставки, запасных батальонах и тыловых гарнизонах.

Однако к началу июньского наступления армия сократилась на 2 млн. чел. за счет увольнения старших возрастов. 30 марта министр земледелия Шингарев заявил, что продовольственное положение критическое и что он совершенно не берет на себя ответственности за питание армии, если не будет сброшено с рационов до миллиона ртов. В связи с этим 5 апреля вышел приказ военного министра об увольнении из внутренних округов солдат свыше 40 лет на сельскохозяйственные работы до 15 мая (позднее срок был продолжен до 15 июня). Фактически почти никто не вернулся. А 10 апреля вышло постановление Временного правительства об увольнении вовсе от службы лиц, имеющих более 43 лет от роду.

Если к этому прибавить дезертиров, то к началу наступления на четырех фронтах⁵⁶ было менее 6 млн. человек, на 90% не желающих больше воевать.

Из всех фронтов опять самым подготовленным оказался Юго-Западный, и более всех 8-я армия. Генералу Корнилову удалось внушить своим войскам уверенность в победе. В так называемом июньском наступлении русской армии участ-

---

⁵⁶ Войсками Юго-Западного фронта командовал генерал А.Е. Гутор, Румынского – генерал Д.Г. Щербачев, Западного – А.И. Деникин, Северного – генерал В.Н. Клембовский.

вовал только Юго-Западный фронт. Остальные фронты подключились к наступлению позже, когда уже провалилось наступление армий Юго-Западного фронта, и, соответственно, тоже не имели успеха.

***

После двухдневной артиллерийской подготовки 18 июня 1917 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Оно началось 18 июня. В нем первоначально участвовали войска 7-й и 11-й армий, наносившие главный удар в общем направлении на Львов из районов Злочев и Бржезаны. Немецкие и австрийские войска были оттеснены русскими в глубь оборонительной системы, а 15-й турецкий корпус был разбит Финляндскими стрелковыми дивизиями из состава 22-го армейского корпуса. Также части 34-го армейского корпуса ген. П.П. Скоропадского, разбив германские 15-ю и 24-ю резервные дивизии, заняли три линии оборонительных рубежей неприятеля. В телеграмме Временному правительству от 18 июня 1917 г. Керенский провозгласил: «Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление».

Однако эти успехи были обманчивы. Уже к концу первого дня русское наступление начало выдыхаться. Произошло это не потому, что не хватало снарядов или патронов – просто никакая сила не могла заставить войска идти вне-

ред, если солдаты этого не хотят. Части начали митинговать, в комитетах обсуждали, необходимо дальнейшее наступление или нет. Приказ № 1 и «Декларация прав солдата и гражданина» сделали свое роковое дело.

7-я армия через сутки была отброшена на исходные позиции подоспевшими к месту прорыва германскими и турецкими резервами. Отчасти этот успех объясняется тем, что противник превосходно знал все русские наступательные планы (о них кричалось на весь свет за месяц) и сумел достойно подготовиться к отражению русского удара. Части 7-й армии окончательно остановились к 20 июня.

11-я армия также быстро исчерпала свой порыв: после успешно начавшегося наступления 22 июня часть войск, в том числе гвардейские дивизии, вышла из повиновения. Разгром 9-го австрийского корпуса у Зборова не был подкреплен резервами, отказавшимися наступать. Войска встали на захваченных позициях, и командарм 11-й армии генерал И. Г. Эрдели остановил наступление. 23-го числа 11-я армия попыталась вновь наступать, но, захватив несколько линий окопов, войска возвратились и перешли к обороне, посчитав свой долг выполненным.

Тогда командование Юго-Западным фронтом решило подключить к наступлению 8-ю армию Корнилова. Она пошла в бой 23 июня 1917 года, нанося вспомогательный удар по городу Галичу. Это направление генерал выбрал сам, проигнорировав приказ Верховного главнокомандующего А. А.

Брусилова наступать на Рогатин. Атаку Галича Корнилов считал более выигрышной и не просчитался. За шесть дней 8-я армия продвинулась на 18 верст, отбросила 7-ю австро-венгерскую армию и спешившие ей на помощь германские резервы, взяла в плен 834 офицера и 35 809 солдат противника, захватила 121 орудие, 99 минометов и бомбометов, 403 пулемета. Потери 8-й армии составили 352 офицера и 14 456 солдат убитыми и ранеными. 27 июня, в день взятия 1-й и 4-й Заамурскими стрелковыми дивизиями города Галича, Корнилов был произведен в чин генерала от инфантерии⁵⁷. На рассвете 28 июня части 164-й пехотной дивизии без боя заняли город Калуш... Победа могла быть еще более убедительной, но преследованию врага помешали отсутствие у Корнилова кавалерии и сильно разлившаяся река Ломница.

***

В этом наступлении получили боевое крещение ударники. 26 июня 1917 года ударный отряд капитана М.О. Неженцев прорвал австрийские позиции под деревней Ямищицы, благодаря чему был взят Калуш. Отличительными знаками ударных частей стали черно-красный шеврон на правом рукаве и адамова голова (череп со скрещенными костями) вместо кокарды. 10 июня Корнилов торжественно вручил им

---

⁵⁷ Формально старше чина генерала от инфантерии его в русской армии был только чин генерал-фельдмаршала, но он с 1914 года никому не присваивался.

знамя. Во время смотра генерал сказал:

– Русский народ добился свободы, но еще не пробил час, чтобы строить свободную жизнь. Война не кончена, враг не побежден, под ним еще русские земли. Если Русская армия положит оружие, то немцы закабалят на долгие годы всю Россию. Нашим детям и внукам придется работать на немцев. Мы должны победить... Победа близка... Австрийцы и немцы устали, уже сколько времени они не переходят в наступление, мы же теперь как никогда сильны орудиями и снарядами. Один наш сильный нажим – и враг будет сломлен. Не напрасны будут все великие жертвы, которые принес русский народ. Правда, устали и наши войска, этим пользуются и их смущают все те, кому не дорога наша Родина, ее честь и слава... Но вы, добровольцы и ударники, поклялись воодушевить всех слабых духом. На ваших рукавах нашит символ смерти – череп на скрещенных мечах. Это значит – победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестие...

11 августа отряд по инициативе М. О. Неженцева был преобразован в трехбатальонный Корниловский ударный полк, став таким образом своеобразной «личной гвардией» Корнилова. По примеру Корниловского полка стали создаваться в Русской армии другие ударные части. Именно они не на словах, а на деле защищали завоевания революции – так, как они их понимали.

Эмблематика и форма корниловцев вся была построена

именно на революционной символикe. Сочетание черного и красного цвета на погонах, фуражках и нарукавных шевронах означало нежелание жить, если погибнет родина и революция. На фоне расхристанной толпы, в которую к лету 1917 года уже превратилась основная часть «армии свободной России», ударники выглядели ошеломляюще ново, а если еще учесть, что в их рядах царили железная дисциплина и чиновничество, можно представить, какую гамму чувств – от иронии до откровенной ненависти – они вызывали у окружающих...

Другой безраздельно преданной Лавру Георгиевичу частью зарекомендовал себя Текинский конный полк, укомплектованный туркменами из племени теке. Это была, пожалуй, самая колоритная часть русской армии – облаченная в яркие национальные одеяния (полосатые халаты и огромные папахи), вооруженная старинным, как правило, фамильным оружием... В годы Первой мировой текинцы прославились отчаянной храбростью и наводили на врага ужас одним своим видом. По характеру туркмены – спокойные, гордые, знающие себе цену люди, и удивить их чем-либо крайне сложно. Тем не менее Лавру Георгиевичу удалось это сделать. При первом же знакомстве полка с Корниловым на текинцев произвело огромное впечатление то хладнокровие, с каким генерал справился с взбесившимся конем-армаком, а также то, что во время проливного дождя Корнилов в одном кителе выстоял весь парад. Ну а когда туркме-

ны узнали, что Корнилов в совершенстве владеет их родным языком, уважение к нему стало граничить с преклонением. Среди текинцев Корнилов получил почетное прозвище «уллу бояр» – великий воин.

***

Дебют Лавра Георгиевича в роли командарма получился крайне удачным. К сожалению, его успех был временным и свелся на нет действиями соседних армий.

Уже 6 июля опомнившийся противник, подтянув резервы, нанес сильный контрудар по 25-му армейскому корпусу 11-й армии (по иронии судьбы, тому самому, которым Корнилов командовал до революции). Распропагандированные войска дрогнули и начали отходить, что повлекло за собой отход соседнего 17-го корпуса, затем – 49-го, 1-го гвардейского, 5-го корпуса. В итоге все 5 корпусов 11-й армии начали отступление. Стала отходить и соседняя 7-я армия.

Керенский посчитал, что командующий войсками Юго-Западного фронта генерал А. Е. Гутор не справляется со своими обязанностями и рекомендовал заменить его генералом Л. Г. Корниловым. Вечером 7 июля, в разгар похороше-го на бегство отступления, генерал Гутор был отстранен Верховным главнокомандующим А. А. Брусиловым от должности командующего Юго-Западным фронтом и передал свои полномочия Корнилову. В тот же день А. Ф. Керенский

был назначен министром-председателем Временного правительства. Это было связано с последствиями неудачной попытки большевиков поднять восстание в Петрограде 3-4 июля. Тогда выступление было подавлено, а партия большевиков превратилась в политических изгоев. Ее лидеры частью скрылись, частью были арестованы, правда, ненадолго. Второй кабинет Временного правительства ушел в отставку, а третий был сформирован Керенским, совместившим посты премьера и военного министра.

Следил ли за тревожными новостями из столицы Лавр Георгиевич, неизвестно – ему нужно было принимать дела от предшественника. 10 июля генерал уже официально вступил в должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

Но события на Юго-Западном фронте происходили уже по заранее predetermined сценарию. Немцы и австрийцы, отвоевав утраченные позиции, остановили свое контрнаступление. Наступать в глубь России, как это было в 1915 году не входило в планы германского Генштаба, ведь главным для них вновь становился Западный фронт в условиях вступления в войну 6 апреля 1917 года на стороне Антанты США⁵⁸.

К середине июля 1917 года наступательный порыв всего Юго-Западного фронта иссяк, и наступление полностью

---

⁵⁸ Соединенным Штатам Америки потребовался целый год, чтобы создать полтора миллионную армию и перебросить ее во Францию.

прекратилось. Потери всех трёх армий фронта к этому моменту составляли 1222 офицера и 37500 солдат. Они были невелики, если сравнивать их с потерями в дореволюционных кампаниях Русской армии в Первой мировой войне, но в данном случае имели катастрофические последствия, так как в основной своей массе они пришлись на отборные, «ударные» части. С выбытием из армий всего «здорового» элемента оставшаяся солдатская масса окончательно потеряла военный облик и превратилась в совершенно неуправляемую вооружённую толпу, готовую бежать под малейшим нажимом неприятеля.

Третий день штурма Екатеринодара

Корнилов рискнул и ошибся, но ошибка его была не только и не столько в том, что он не использовал все свои силы. Треть войска во главе с генералом Марковым просидела у обоза, красные выдержали, уцепились за окопы и засели прочно. Главная ошибка была в том, что Кубанский поход, объявленный как освободительный, на самом деле был карательным. Впереди армии шла дурная слава – вешателей, все знали, что добровольцы пленных не берут.

Обхват Екатеринодара на второй день штурма со всех сторон говорил защитникам города, что Корнилов хочет запереть все входы и выходы из города и расправиться с жителями как с «бандитами» и «взбунтовавшимися хамами». Такая тактика приводила к тому, что сопротивление росло, защитники города решили: лучше умереть в бою, чем на виселице. «Корнилов всех хочет погубить!» – кричали по городу агитаторы и комиссары. Все жители: женщины, девушки, старики, дети – бежали под пулями в окопы с кувшинами молока, хлебом, пирогами и варениками и молили красных защитников: «Кушайте, матросики, кушайте, солдатики, стойте, родные, за нас...».

Возможно, что тогда Корнилов понял свою ошибку, но

остановить запущенный механизм было не в его силах и характере.

За свою жизнь Лавр Георгиевич совершил много ошибок. Вот и тогда, когда в июне 1917 года он создал первый ударный полк в составе 8-й армии, не было ли это ошибкой? Хотя инициатором создания ударных частей был генерал А.А. Брусилов⁵⁹, Корнилов, заменив его на посту Верховного главнокомандующего, всячески способствовал созданию ударных частей в составе Русской армии.

«Частями смерти» объявили себя 4 корпуса, 5 дивизий, 32 полка, большинство артиллерийских частей (артиллеристы были самыми дисциплинированными войсками), 53 батальона, роты, эскадроны и только один военный корабль (крейсер «Адмирал Макаров»). По данным приказа № 759 от 5 августа 1917 г⁶⁰., количество корпусов и дивизий, ставших «ударными», не изменилось, но полков, артиллерийских бригад и дивизионов стало уже 73, батальонов, батарей, рот, эскадронов и пр. – 168., а к крейсеру «Адмирал Макаров» присоединилась канонерская лодка «Храбрый». Хотя рост количества ударных частей продолжался и позже, но они до захвата власти большевиками так и не составили значительного процента многомиллионной Русской армии. Их общее количество не превышало 600 тыс. чел., т. е. менее 8

---

⁵⁹ Официально ударные части были узаконены приказом № 634 Верховного главнокомандующего от 15 июня 1917 г

⁶⁰ Тогда Верховным главнокомандующим был генерал Корнилов.

% от общего количества войск.

Но главная проблема была в том, что из общего военного организма изымался последний здоровый элемент и сосредоточивался в отдельных частях, а остальная армейская масса, лишенная цементирующего звена, окончательно разлагалась.

Деникин писал в своих мемуарах: «При многих полках организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда – сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно и даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих «товарищей», потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения – за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения»⁶¹.

***

Утро 29 марта началось с того, что большевистская ар-

---

⁶¹ А.И. Деникин. Очерки Русской смуты, Т. 1. Вып. 2. С. 138.

тиллерия обстреляла ферму, где находился штаб Корнилова. Расположение штаба было весьма рискованное, ферма стояла у скрещения дорог – одна шла вдоль берега из станицы Елизаветинской, другая – из станицы Новомышенской. За фермой они соединялись и шли в Екатеринодар. С фермы было лучше всего управлять штурмом, и Корнилов, как обычно, предпочел раде пользы риск.

Утром из обоза был вызван Марков с Офицерским полком. А пока марковцы следовали ускоренным маршем, корниловцы и партизаны опять пошли на штурм Екатеринодара с запада, со стороны артиллерийских казарм. Обнесенные земляным валом, они представляли прекрасное оборонительное сооружение.

Партизаны под командованием полковника Писарева дошли до ручья, отделявшего от предместья артиллерийские казармы, но, встреченные сильным заградительным огнем, отошли назад, при этом был ранен сам полковник Писарев.

После второй атаки корниловцы подошли к самым казармам и ударили в штыки. В штыковой атаке – секрет победы: кто лучше сумеет показать штык? Корниловцы показали штык тверже. Солдаты-красноармейцы покачнулись и побежали, но матросы и немногие старые солдаты приняли удар. Все перемешались, как стая грызущихся собак. У кого не было штыка, тот глушил прикладом. Блистали вспышки револьверных выстрелов. Наступила минута равновесия. Но тут вернулись бежавшие сначала боя солдаты-красноармей-

цы, и бой качнулся в сторону красных. Корниловцы, скрежеща зубами, отступили, унося раненых и убитых. Больше поднять их в атаку Неженцев не смог.

Только у Эрдели дела шли успешно. Его конница заняла Сады⁶², пересекла железную дорогу и направилась к станции Пашковской. Станица эта, расположенная в 10 верстах к востоку от Екатеринодара, большая и многолюдная, была враждебно настроена к большевизму, и казаки-кубанцы с радостью присоединились к бригаде генерала Эрдели. Но этот частный успех не менял общей картины боя. Корнилов вызвал к себе в штаб полковника Неженцева.

***

– Здравствуй, дорогой, – приветствовал Корнилов своего боевого товарища.

Неженцев, запыхавшийся от быстрой скачки и злой от неудачи, начал было рапортовать о состоянии полка. Но Корнилов раздраженно перебил его:

– Отставить. Не до церемоний. Садись и рассказывай.

– К сожалению, Лавр Георгиевич, ничем не могу порадовать. Полк тает. Сегодня два раза ходили в атаку и не продвинулись вперед ни на шаг.

– Знаю, знаю. Я уже распорядился выслать на пополнение

---

⁶² Северное предместье Екатеринодара со сплошными садами.

полка две сотни мобилизованных казаков. Хватает ли патронов? Каково настроение? Когда будем в городе?

– Патроны на подборе. Люди измотаны, засыпают в окопах. Настроение падает. Час назад, когда я приказал возобновить атаку, цепи... не поднялись.

– Что? – командующий вскочил и отбежал в угол комнаты. – Корниловцы отказались идти в атаку? Быть того не может! Позор!

– Старого состава в полку осталось меньше половины, пополнения... сами знаете...

– Все это я прекрасно понимаю и лично вас, Митрофан Осипович, ни в чем не виню. Нужно поднять дух людей и внушить им, что город должен быть взят во что бы то ни стало.

– Лавр Георгиевич! – взволновано начал Неженцев. – На один наш выстрел большевики отвечают залпом. Против одного нашего бойца выставляют десяток...

– Знаю, знаю. Но поймите, полковник, – с металлом в голосе прервал его Корнилов, – почти два месяца, как мы выступили из Ростова, и до вчерашнего дня армия с честью выполняла все приказания своего командующего. Неужели теперь, когда осталось сделать одно усилие, ряды дрогнут? Нет! Я скорее застрелюсь, чем отступлю от города – так и передайте полку. Медлить нельзя, иначе войска потеряют сердце. Сегодня же... Я вас больше не задерживаю. Желаю удачи. С Богом!

– Слушаюсь! – произнес Неженцев и, развернувшись, вышел из комнаты. Больше им не суждено было встретиться живыми.

***

Как только полковник Неженцев покинул штаб, Корнилов продиктовал полковнику Барцевичу, заменившему раненого Романовского, приказ по армии.

Приказ за номером 185 гласил:

ФЕРМА КУБАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. Марта 29, 1918 г. 12 ч. 45 м. утра.

1. Противник занимает северную окраину города Екатеринодара, конно-артиллерийские казармы у западной окраины города, вокзал Черноморской железной дороги и рощу к северу от города. На Черноморском пути имеется бронированный поезд, мешающий нашему продвижению к вокзалу.

2. Ввиду прибытия ген. Маркова с частями 1-го Офицерского полка возобновить наступление на Екатеринодар, нанося главный удар на северо-западную часть города.

а) генерал-лейтенант Марков – 1-я бригада, 1-го Офицерского полка четыре роты, 1-го Кубанского стрелкового полка один батальон, 2-я отдельная батарея, 1-я инженерная рота – овладеть конно-артиллерийскими казармами и затем наступать вдоль северной окраины, выходя во фланг противнику, занимающему Черноморский вокзал, и выслать часть сил

вдоль берега реки Кубани для обеспечения правого фланга.

б) генерал-майор Богаевский – 2-я бригада, 3-я батарея и второе орудие 1-й отдельной батареи. Один батальон 1-го Кубанского стрелкового полка и первая сводная офицерская рота Корниловского ударного полка – наступать левее ген. Маркова, имея главной задачей захват Черноморского вокзала.

в) генерал Эрдели – Отдельная конная бригада, без Черкесского конного полка, – наступать левее генерала Богаевского, содействуя исполнению задачи последнего и обеспечению его левого фланга и портя железные дороги на Тихорецкую и Кавказскую.

3. Атаку начать в 17 часов сегодня.

4. Я буду на ферме Кубанского экономического общества.

Ген. Корнилов.

***

К полудню, пройдя полубегом, полушагом более десяти верст, к кожевенному заводу подтянулись части Офицерского полка. Скоро показался и Марков. Он шёл широким шагом, размахивая нагайкой, и на ходу ругался:

– Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня, вместо инвалидной команды, к обозу пришили.пустили бы сразу со всей бригадой – я бы уже давно в Екатеринодаре был.

– Не горюй, Сережа, – отвечал ему Романовский, сбежавший из обоза после легкого ранения. – Екатеринодар от тебя не ушел.

Марков построил колонну: впереди Офицерский полк, сзади батальон Кубанского стрелкового полка. Семь верст до Екатеринодара пробежали менее чем за час.

Марковцы подошли к тому самому ручью, отделявшему от предместья артиллерийские казармы, что три часа назад не смогли форсировать партизаны Писарева.

Запыхавшиеся офицеры, с потными серьезными лицами, стали перебегать ручей, колонна повернулась, как на оси, и растянулась в виду города четырьмя зыбкими лентами по полю. По левому флангу наступала рота ротмистра фон Мекке, он только что заменил раненого командира. Рядом с Рощиным бежал сам генерал Марков.

– Смотри-ка, еще бегаю, и даже тень от меня, – подумал про себя Рошин. От непрерывных боев и смертельной усталости он, как и многие добровольцы, вошел в состояние равнодушия к жизни и наблюдал за собой как бы со стороны. Хотя кое-какое чувство самосохранения еще теплилось в теле и духе.

Как только марковцы вылезли на берег, по ним ударила волны пулеметных и винтовочных пуль. Все залегли.

– Весь огонь по пулеметам! – скомандовал Марков.

– Рота, по левому пулемету – огонь! – сдублировал фон Мекке.

Дружные выстрелы заставили пулеметы замолчать. Красные подались назад.

– Товарищи, отходите к казармам, я прикрою! – прокричал кто-то из красных.

Первая линия обороны казарм была легко взята. Несколько минут офицеры стояли. Пробовали затворы. Поправляли, осматривали патронные сумки. Марков опять скомандовал, растягивая гласные:

– Друзья, в атаку, вперед!

Поле перед казармами ожило, и все живое бросилось к новому смертоносному валу. Храбрые и робкие падали, поднимались, оставляя за собою на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно дергавшиеся и мертвенно неподвижные тела своих товарищей.

Батарея полковника Третьякова редким огнем поддерживала штурм казарм. Цепи марковцев, а за ними кубанцев опять залегли, словно вросшие в землю; нельзя поднять головы, чтобы тебя тотчас же не задела одна из тысяч летящих кругом пуль.

Марков, с ним Тимановский, Роцин, Мекке, Теплов и еще несколько офицеров залегли в глубокой канаве. Остальные попятились за каменное ограждение.

– Куда же они пятятся? Слюнтяи! Дерьмо! – ругался генерал Марков.

Снова усилился огонь со стороны казарм, но поредевшая цепь уже залегла в ста шагах от них. По серому глинистому

дну со страшными глазами расхаживал Марков.

– Господа, вперед, на штурм! – кричал он и пытался выбраться из водомоины. Его поддержал только полковник Ти-мановский, остальные, уткнув головы в колени, сидели на месте.

– Ну, что же вы, господа! – обиженно говорил Марков. – Мекке, Рощин, Теплов, вы же не кадеты!

И тут же произносил примиряюще:

– Ну, хорошо, небольшая передышка... покурите, черт возьми... И – последний удар... Чепуха, всего сто шагов...

Пять минут все курили, наконец Марков приказал:

– Пора! За мной перебежками вперед. Возьмем казармы – и город наш!

Марков и все остальные выскочили из укрытия, за ними поднялись и те, что скрылись за каменным забором и попрятались по ямам и палисадникам.

– Господа! Я больше не выдержу! – взмолился кто-то.

– Стыдитесь, генерал рядом, – одернули его.

Рощин увидел впереди мелькающие дырявые подметки Маркова. Несколько человек обогнали его. Кирпичная стена казарм была залита заходящим солнцем. Пылали в окнах осколки стекол. Какие-то фигурки убегали от казарм по полю к далеким домикам с палисадниками... Артиллерийские казармы были взяты.

***

Группа офицеров, опираясь на винтовки, столпилась во дворе только что взятых артиллерийских казарм. Около них у сломанной гимнастической лестницы сгрудилась кучка матросов, солдат и рабочих, не успевших сбежать. Обе группы смотрят друг на друга с тяжелой ненавистью. Те и другие молчат в ожидании. Во дворе казармы валяются убитые красноармейцы, среди них – девушка-санитарка. Тяжелое молчание прервал один из молодых офицеров:

– Ну-с, прибыли, раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять.

– Смотрите, ни музыки, ни пива, ни барышень...

– Нет, почему же, вон убиенная с бинтом, чем не барышня...

– Побойтесь Бога! – возмутился кто-то из старых офицеров.

К казармам подъехали на конях Корнилов, генералы Деникин и Романовский.

– Господа офицеры! – раздался призыв Маркова.

Все вскочили и встали в строй.

– Ваше превосходительство, казармы взяты, – рапортовал Марков.

– Вижу, – охрипшим голосом ответил Корнилов – Слава Богу! Но вперед, орлы мои! Вперед!

– У меня в полку людей осталось меньше половины, – понизав голос, сказал Марков, – думаю, и в других не лучше.

– Да, тяжело, очень тяжело, – сочувственно произнес Корнилов.

– Снарядов мало, патронов почти нет, в сущности, мы израсходовали две трети огневого запаса, – вмешался генерал Романовский.

– Ваше высокопревосходительство, положение действительно серьезное, – подтвердил генерал Деникин.

– Нам нужна только победа или смерть, – ответил командующий. – Отсюда, здесь первый шаг к очищению России. Так что атаковать...

Генералы и ротные вошли в помещение полуразрушенных казарм и совещались там пять минут. Все остальные курили, с тяжелой душой поглядывая на пленных.

Наконец Корнилов и сопровождающий его штаб уехали.

– Через десять минут выступаем, – сообщил Марков. – Ротмистр Мекке, разберитесь с пленными.

– Слушаюсь! – рапортовал тот и, подходя к офицерам своей роты, весело крикнул:

– Всех, приказано – всех... Господа, десять человек – выходите...

Охотников оказалось даже больше. Если в начале Кубанского похода расстреливали как-то нехотя, по приказу, то теперь в ожесточении похода делали это охотнее, хотя кто-то в сердцах произнес:

– Ох, и надоело же все это!

– А вы, оказывается, чистоплюй!

– Довольно препираться, господа, все устали...

Офицеры щелкнули затворами. Выступили вперед. Лица пленных были бледны, вытянуты, сосредоточенны, глаза опущены, руки висели безжизненно. Один, грудастый и рослый, потащил через голову суконную рубашку, обнажив голую грудь. Другой – штатский, чахоточный и беззубый, с прямыми черными усами, закричал рыдающе:

– Пейте, паразиты, рабочую кровь!

Двое крепко обнялись. Чей-то хриплый голос нескладно затынул: «Вставай, проклятьем...»

– Пли!

Торопливо ударили выстрелы. Раздались стоны, крики. В это время Рошин низко нагнулся, обматывая грязной портянкой ногу, царапнутую пулей.

Но наступать в этот день больше 1-й бригаде генерала Маркова не пришлось. Пришло сообщение, что 2-я бригада генерала Богаевского, наступавшая левее Маркова, имея главной задачей захват Черноморского вокзала, взять вокзал не смогла и отступила. Тут же пришло печальное известие, что убит командир Корниловского полка полковник Неженцев.

Марков приказал закрепиться в районе артиллерийских казарм.

***

Когда известие о взятии Марковым артиллерийских казарм дошло до Неженцева, он отдал приказ атаковать Черноморский вокзал.

Со своего кургана, на котором Бог хранил его целые сутки, он видел, как цепи марковцев поднимались и опять залегали, пока не ворвались в казармы. Его корниловцы, связанные незримыми нитями с теми, кто наступал на правом фланге, лежали внизу, в овраге, и ждали команды. Неженцев почувствовал, что наступает предел человеческому дерзанию и что пришла пора пустить в дело «последний резерв». Он сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи в атаку.

– Корниловцы, вперед!.. – скомандовал он.

Но тут же голос застрял в горле. Пуля ударила ему в голову. Он упал. Потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей.

В одночасье не стало Митрофана Осиповича Неженцева – бессменного командира первого ударного Корниловского полка.

Потрясенные смертью командира, потеряв раненым помощника Неженцева полковника Индейкина и убитым командира 1-го батальона Партизанского полка капитана Курочкина, перемешанные цепи корниловцев, партизан и елисаветинских казаков схлынули обратно в овраг и окопы. Ко-

мандование над корниловцами принял полковник Кутепов.

Но уже, когда казалось, что бой за город в этот день закончен, под занавес к городу на участок между Марковым и Кутеповым подошел 2-й батальон Партизанского полка под командованием генерала Казановича. Раненый, с рукой на перевязи, преодолевая боль перебитого плеча, он повел в атаку батальон. Под бешеным огнем противника, увлекая за собой и елисаветинцев, он опрокинул передовые цепи большевиков и уже в темноте по пятам бежавших двинулся в город и там исчез.

***

К ночи в штабе армии подводили итоги дня. В результате бригада Маркова закрепились в районе артиллерийских казарм. С партизанами Казановича связь потеряна и о судьбе их ничего не известно. Корниловский полк, весьма расстроенный, занимает прежние позиции. Конница Эрдели отходит к Садам.

Когда Корнилову доложили о смерти Неженцева, он закрыл лицо руками и долго молчал. Командующий стал угрюм и задумчив; ни разу с тех пор шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки. Разговаривая с подчиненными, он неожиданно прерывал разговор и говорил:

– Вы знаете, Неженцев убит, какая тяжелая потеря...

Потом молчал, нервно потирая лоб своим характерным

жестом.

Когда к ферме подвезли на повозке тело Неженцева, Корнилов склонился над ним, долго с глубокой тоской смотрел в лицо того, кто отдал за него свою жизнь, потом перекрестил и поцеловал его, прощаясь, как с любимым сыном. Скупая слеза скатилась по щеке командующего.

На ферме как-то все притихли. Романовский на ухо шепнул Деникину:

– Знаете, Антон Иванович, никогда еще я не видел его таким расстроенным. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удается. Просто так вот по-человечески ужасно жалко его.

На ферме, в штабе наступила ночь. Опять всем плохо спалось – от холода, от стонов раненых и от тревожного предчувствия.

Верховный главнокомандующий

Июньское наступление русской армии окончилось бесславно. Эта кровавая авантюра Временного правительства дорого обоилась России: была оставлена Галиция, общие потери на всех фронтах превысили 150 тыс. чел. Генералитет, офицеры и ударники прекрасно понимали, что причина неудач в так называемой «демократизации» армии. «Декларация прав солдата», солдатские комитеты и большевистская антивоенная пропаганда на фронте – вот причина развала армии.

Всем окончательно стало ясно, что никакой революционный энтузиазм, даже если бы он и существовал, не сможет заменить воинской дисциплины. В телеграмме министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому от 11 июля Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии А.А. Брусилов потребовал введения смертной казни на фронте за воинские преступления. Генерал Брусилов указывал: «Надо иметь мужество сказать решительное слово, и это слово – смертная казнь. Демократические армии Франции, Бельгии, Америки, несравненно более культурные, чем наша, имеют смертную казнь в своем законодательстве. Пора образумиться и нам. Время не терпит. Необходимо немедленно восстановить железную дисциплину во всей ее полноте и смертную казнь для изменни-

ков». В заключение ген. А.А. Брусилов угрожал отставкой.

Брусилова поддержал и командующий Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов. В телеграмме на имя А. Ф. Керенского, тоже направленной 11 июля, он ратовал за немедленное восстановление военно-полевых судов и введение смертной казни на театре военных действий.

«Армия обезумевших темных людей, не огражденных властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит...» — так начинает генерал Корнилов свою телеграмму.

«... Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло; необходима непоколебимая государственно-революционная власть.

Я заявляю, что, занимая высокий пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины... Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, слагаю с себя полномочия главнокомандующего».

Печальные итоги июньского наступления Русской армии и телеграммы Брусилова и Корнилова, видимо, поколебали уверенность Керенского в необходимости «демократизации» армии в условиях войны, и он задумался о восстановлении

военно-полевых судов и введении смертной казни. В этом его убеждал и комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков. Вопрос был в том, кому поручить роль военного диктатора и при этом сохранить власть премьер-министра и военного министра. Кандидатуры были три: М. В. Алексеев, А. А. Брусилов и Л. Г. Корнилов. Бывший Верховный главнокомандующий Алексеев слишком мягок по натуре, нынешний Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов не мог справиться с все возрастающей разрухой армии. Он не проявлял должной энергии, озирался на солдатский совет, митинговал и плыл по течению революционного потока. Оставался Корнилов. Он энергичен, герой войны, лучшим образом проявивший себя в июньском наступлении, к тому же у него огромный авторитет в армии. Правда, Корнилов неуправляем, но зато не искушен в политике и легко может попасть в политический капкан как мятежник в случае неповиновения. Так рассуждал Александр Федорович Керенский в середине июля 1917 года, когда большевики были загнаны в подполье, Советы полностью подчинены Временному правительству, а сам бывший адвокат стоял на вершине власти Российского государства.

Для зондирования политической почвы А.Ф. Керенский задумал провести 16 июля 1917 года в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве совместное совещание ряда министров и командующих фронтов. На него приехали, помимо Керенского и главнокомандующего Брусилова, бывший Верхов-

ный М. В. Алексеев, командующий Северным фронтом В. Н. Клембовский, командующий Западным фронтом А. И. Деникин, министры правительства, другие генералы, в том числе и отставные. Корнилова на совещании в связи с боевыми действиями на Юго-Западном фронте не было, вместе него приехал комиссар фронта Б. В. Савинков.

***

Антон Иванович Деникин, вспоминая это совещание, пишет⁶³: «После возвращения моего с фронта в Минск, я получил приказание прибыть в Ставку, в Могилев, на совещание к 16-му июля. Керенский предложил Брусилову пригласить, по его усмотрению, авторитетных военачальников для того, чтобы выяснить действительное состояние фронта, последствия июльского разгрома и направление военной политики будущего...

Положение страны и армии было настолько катастрофическим, что я решил, не считаясь ни с какими условиями подчиненного положения, развернуть на совещании истинную картину состояния армии во всей ее неприглядной наго-те.

Явился к Верховному главнокомандующему. Брусилов уди-вил меня:

---

⁶³ А.И. Деникин «Очерки русской смуты». Том 1. Крушение власти и армии, глава 33.

– Антон Иванович, я осознал ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопрос ребром. Все эти комиссары, комитеты и демократизации губят армию и Россию. Я решил категорически потребовать от них прекращения дезорганизации армии. Надеюсь, вы меня поддержите?

Я ответил, что это вполне совпадает с моими намерениями и что я приехал именно с целью поставить вопрос о дальнейшей судьбе армии самым решительным образом...

В совещании приняли участие и присутствовали: министр-председатель Керенский, министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий – генерал Брусилов и его начальник штаба генерал Лукомский, генералы Алексеев и Рузский, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский, Западным – я с начальником штаба генералом Марковым, адмирал Максимов, генералы Величко, Романовский, комиссар Юго-западного фронта Савинков и два-три молодых человека из свиты г. Керенского.

Генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткою речью, которая поразила меня своими, слишком общими и неопределенными, формами. В сущности, он не сказал ничего. Я рассчитывал, что свое обещание Брусилов исполнит в конце, сделав сводку и заключение. Как оказалось впоследствии, я ошибся – генерал Брусилов более не высказывался. Затем слово было предоставлено мне. Я начал свою речь...

Вступив в командование фронтом, я застал войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство каза-

лось странным тем более, что ни в донесениях, поступавших в Ставку, ни при приеме мною должности положение не рисовалось в таком безотрадном виде. Дело объясняется просто: пока корпуса имели пассивные задачи, они не проявляли особенно крупных эксцессов. Но когда пришла пора исполнить свой долг, когда был дан приказ о занятии исходного положения для наступления, тогда заговорил ишкурный инстинкт, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизий не становились в исходное положение. Потребовалась огромная работа начальников всех степеней, просьбы, уговоры, убеждения... Для того, чтобы принять какие-либо решительные меры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующих войск. Так прошел почти месяц. Часть дивизий, правда, исполнила боевой приказ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169 пех. дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8-10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство, грабежи, иногда убийства... Я решился на крайнюю меру: увести в тыл 2-й Кавказский корпус (без 51-й пех. дивизии) и его и 169-ю пех. дивизию расформировать, лишившись, таким образом, в самом начале операции без единого выстрела около 30 тысяч штыков...

Приезжал и Верховный главнокомандующий; и после своих бесед с комитетами и выборными 2-х корпусов вынес вне-

чатление, что «солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись»... Это неправда. Начальники в невероятно тяжелой обстановке сделали все, что могли. Но г. Верховный главнокомандующий не знает, что митинг 1-го Сибирского корпуса, где его речь принималась наиболее восторженно, после его отъезда продолжался... Выступали новые ораторы, призывавшие не слушать «старого буржуя» (я извиняюсь, но это правда... Реплика Брусилова – «Пожалуйста»...) и осыпавшие его площадной бранью. Их призывы также встречались громом аплодисментов.

Военного министра, объезжавшего части, и вдохновенным словом подымавшего их на подвиг, восторженно приветствовали в 28-й дивизии. А по возвращении в поезд его встретила депутация одного из полков, заявившая, что этот и другой полк через полчаса после отъезда министра вынесли постановление – «не наступать».

Особенно трогательна была картина в 29-й дивизии, вызвавшая энтузиазм, – вручение коленопреклоненному командиру Потийского пех. полка красного знамени. Устами трех ораторов и страстными криками потийцы клялись «умереть за Родину»... Этот полк в первый же день наступления, не дойдя до наших окопов, в полном составе позорно повернул назад и ушел за 10 верст от поля боя...

В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты. Быть может, среди

комиссаров и есть честные люди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрошеное и преступное вмешательство, не может не разлагать армии...

Другое разрушающее начало – комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многих комитетов, всеми силами исполняющих свой долг. В особенности отдельных членов их, которые принесли несомненную пользу, даже геройской смертью своей запечатлели свое служение Родине. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни в малейшей степени не окупит того огромного вреда, который внесло в управление армией многовластие, многоголовие, столкновения, вмешательства, – и дискредитирование власти...»

Далее А.И. Деникин проводит примеры, как все эти обстоятельства способствовали провалу наступления Западного фронта: «Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских; 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких. И все пошло прахом. Из ряда донесений начальников можно заключить, что настроение войск непосредственно после операции такое же неопределенное, как было...

Новые законы правительства, выводящие армию на над-

лежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала.

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...»

А.И. Деникин предложил ряд, мер необходимых для оздоровления армии:

«Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1. Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2. Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3. Изъять политику из армии.

4. Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5. Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6. Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7. Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8. Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла – войск и гражданских лиц, совершающих тяжкие преступления.

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но, по крайней мере, они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии».

***

Золотые слова правды, сказанные командующим Западным фронтом генерал-лейтенантом Антоном Ивановичем Деникиным на военном совещании в Ставке 16 июля 1917 го-

да, в сдержанной форме и в расплывчатых формулировках поддержали и другие командующие, бывшие и настоящие. Но речь Деникина особо отметил сам Керенский. Деникин вспоминал: «Керенский встал, пожал мою руку и сказал:

– Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово.

Впоследствии, в своих показаниях верховной следственной комиссии [по делу Корнилова] Керенский объяснял это свое движение тем, что одобрение относилось не к содержанию речи, а к проявленной мной решимости, и что он хотел лишь подчеркнуть свое уважение ко всякому независимому взгляду, хотя бы и совершенно не совпадающему с правительственным. По существу же – по словам Керенского – «генерал Деникин впервые начертал программу реванша – эту музыку будущего военной реакции».

Через два дня после могилевского совещания Керенский отстранил от должности Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова и назначил на его место генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова.

Таким образом, 19 июля 1917 года генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим. Однако Лавр Георгиевич не сразу принял эту должность, в течение трех дней он оговаривал условия, на которых готов согласиться принять ее.

Получив указ о своем назначении, Корнилов тотчас же послал Временному правительству телеграмму, в которой «докладывал», что принять должность и «привести народ

к победе и приближению справедливого и почетного мира» он может только при условиях:

1) ответственности перед собственной совестью и всем народом;

2) полного невмешательства в его оперативные распоряжения и поэтому в назначение высшего командного состава;

3) восстановления на фронте военно-полевых судов и введения смертной казни;

4) распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии;

5) введения закона о смертной казни в тылу;

6) милитаризации железных дорог, заводов и фабрик, работавших на оборону и снабжавших армию продовольствием и боевыми припасами;

7) назначения командующим Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Деникина.

После долгих переговоров сторонам удалось прийти к компромиссу, и Корнилов принял пост, делающий его вторым человеком в государстве, крупной политической фигурой, способной влиять на происходящие в стране события. Это назначение было встречено с большой радостью в среде офицеров и консервативной публики. У этого лагеря появился лидер, в котором видели надежду на спасение армии и России.

В Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего Корнилов перебрался в конце июля 1917 года. Вместе с ним в Ставку прибыли Текинский конный полк и Корниловский ударный полк. Начальником штаба Ставки стал генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, генерал-квартирмейстерами у Корнилова стали относительно молодые генерал-майор И. П. Романовский и полковник Ю. С. Плющик-Плющевский. Должность комиссара Временного правительства при Верховном занял бывший комиссар 8-й армии М.М. Филоненко. Борис Савинков, по предложению Керенского, занял пост товарища Военного министра.

Вступив в командование, генерал Корнилов немедленно занялся приведением в порядок фронта, оздоровлением армии и поднятием ее боеспособности. Так, 1 августа приказом за № 736 он распорядился расформировать 59 наиболее разложившихся дивизий. В армии была восстановлена смертная казнь, беспощадно (насколько, конечно, это позволялось комитетами) преследовались большевики, началось активное сотрудничество генералов с высшими комитетами действующей армии.

Л. Г. Корнилова поддержал почти весь генералитет русской армии, «Союз офицеров», «Союз Георгиевских кавалеров», «Союз казачьих войск», некоторые лидеры кадетской

партии, в частности П. Н. Милюкова, В. А. Маклакова, И. Шингарев. За Корнилова встала и крупная буржуазия, ополчившаяся против социалистов всех оттенков и мастей, ведь Корнилов не был безусловным монархистом и лично участвовал в аресте царской семьи.

Корниловым была составлена перспективная записка с предложениями по улучшению положения на фронте и в тылу. Он требовал ликвидировать все армейские комитеты, вплоть до полковых, и повсеместно ввести в стране военное положение, а также он требовал ввести военную дисциплину на оборонных предприятиях и железнодорожном транспорте. «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу – в мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта все необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту».

С этой запиской Корнилов 3 августа 1917 года прибыл на заседание Временного правительства. Здесь он впервые лицом к лицу встретился с Керенским и познакомился с некоторыми членами правительства. Корнилов должен был сделать доклад о положении на фронте, но Керенский его предупредил, что доклад делать не стоит, так как в скором времени о нем может быть известно Германскому генеральному штабу. Уже после Савинков разъяснил недоумевающе-

му генералу, что министр земледелия В.М. Чернов⁶⁴, по всеобщему убеждению, работает на германскую разведку и в его присутствии темы, связанные с армией, лучше не поднимать.

Керенский обещал рассмотреть записку Корнилова, но вопрос этот явно затягивал. Корнилов, считавший, что источник всех бед России – Советы, уже на следующий день понял, что в самом правительстве заседают либо предатели, либо карьеристы.

Керенский тоже понял, что из Корнилова не удастся сделать ручного Главковерха. Буквально на следующий день после возвращения генерала в Могилев в правительстве зазвучала даже фамилия нового Главковерха – генерала Черемисова. Но Керенского в те дни буквально засыпали телеграммами в поддержку Корнилова. Хитрый премьер-министр не снял Корнилова с должности под влиянием этих телеграмм, но одновременно санкционировал «утечку» его записки в газету «Известия», которая опубликовала 4 августа статью против Корнилова. Это вызвало начало бешеной травли Корнилова в левой прессе, которая обвиняла его в намерении установить диктатуру, и фактически сформировало диктаторский облик генерала в глазах «прогрессивной общественности».

Лавр Георгиевич тоже имел возможность изучить Ке-

---

⁶⁴ Виктор Михайлович Чернов – лидер партии социалистов-революционеров. Никаких документов, подтверждающих его связь с германской разведкой, нет.

ренского вблизи. Как профессиональному разведчику, ему не потребовалось много времени, чтобы составить для себя точный портрет премьер-министра: склонен к дешевым эффектам, любит и умеет нравиться толпе, неглуп, очень самолюбив. К чему он приведет Россию, этот несостоявшийся актер, присяжный поверенный, поселившийся в Зимнем дворце?..

В эти дни у Корнилова появились первые, пока еще неясные мысли о том, что мириться с положением, в котором страной управляют министры-шпионы и премьер-честолюбец, нельзя. 6 августа Верховный приказал вывести с Румынского фронта 3-й конный корпус и Кавказскую туземную конную дивизию и перебросить их в районы Невеля и Великих Лук.

Начальник штаба Ставки Лукомский открыто высказал Корнилову свое недоумение по этому вопросу. Зачем конница в таком месте, откуда удобно выдвигать ее в двух направлениях – на Петроград или Москву?.. Лукомский попросил быть с ним откровенным, и Корнилов рискнул:

– Вы правы, у меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил. Прошу вас тотчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызвать сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова. А мы с вами подробно переговорим после моего возвращения из Петрограда.

Поездка Корнилова в Петроград 9 августа оказалась

неудачной. Керенский не собирался давать ход записке Корнилова. Злой гений России, разрушивший ее армию и положивший начало ее расчленению, открыто встал на пути творческо-организационной деятельности генерала Корнилова.

Между ними назревал открытый конфликт.

***

Керенский на 12-15 августа 1917 года назначил Государственное совещание в Москве. Его целью было информирование граждан России о политической ситуации в стране и объединение поддерживающих Временное правительство сил среди разных слоев и групп российского общества. На самом деле совещание задумывалось как гигантская реклама Керенского, его «коронация».

Корнилов в этой профанации, по замыслу Керенского и других министров, не должен был принимать участия и, соответственно, не был приглашен. Однако тот, вопреки воле организаторов, приехал в Москву 13 августа. Он торжественно был встречен на Александровском вокзале, и офицеры на руках вынесли Корнилова на привокзальную площадь...

На Совещании присутствовало около 2,5 тыс. чел. Среди них было 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 129 представителей от Советов крестьянских депута-

тов, 100 от Советов рабочих и солдатских депутатов, 147 от городских дум, 117 от армии и флота, 313 от кооперативов, 150 от торгово-промышленных кругов и банков, 176 от профсоюзов, 118 от земств, 83 от интеллигенции, 58 от национальных организаций, 24 от духовенства и т. д. Советы были представлены делегациями ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов, состоявшими из меньшевиков и эсеров. Большевики на Совецание не были допущены.

Председательствовал на Совецании министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский. Он открыл Совецание. Его речь была переполнена демагогией, в которой неудачи временного правительства он сваливал на наследие царской власти: «Попытка поднять руку на власть народную будет прекращена железом и кровью; только через наши жизни можно разорвать тело великой демократии русской; надежды июньского наступления были растоптаны, проклятое наследие старой власти, развал армии – от того же наследства; прошел период русской революции, по преимуществу разрушительный; но болезнь государства случайна, и если нужно будет для его спасения – мы душу свою уьем, но государство спасем. А если мы будем захлестнуты волной распада, то прежде чем погибнуть – скажем об этом стране; вы хотите, чтоб я запер свое сердце и бросил ключ? – хорошо, я так и сделаю. Верю, что «железом и кровью» правительство раздавит все попытки

сопротивления революции... И пусть еще более остерегаются те последователи неудачной попытки, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, ниспровергнуть революционную власть... И какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе». Последние слова явно относились к Корнилову, которого еще не было на первом заседании Московского совещания.

На следующий день на совещании появился Лавр Георгиевич Корнилов. О том, как было встречено его появление, вспоминал П. Н. Милюков: «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: «Хамы! Встаньте!». Оттуда несло презрительное: «Холопы!». Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Немногочисленная левая сторона была представлена, в основном, солдатскими депутатами, сидевшими в нарочито небрежных позах, некоторые в фуражках и с папиросами в зубах. Для них Корнилов был не просто депутатом – он был Верховным главнокомандующим, но... согласно Декларации прав солдата и гражданина, взаимное воинское приветствие в армии

давно уже было добровольным. Нежелание солдатских делегатов приветствовать Корнилова подчеркивало отношение к нему в солдатской среде.

Свою речь Корнилов начал наружно спокойно, но от суровой действительности, раскрываемой им правды становилось все страшнее и страшнее:

– Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей родины и верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя... Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер...

Люди, чуждые духу и пониманию армии, превратили ее в обезумевшую толпу, эта толпа разгромит всю страну; отстранить комитеты от оперативных вопросов и от права выбирать начальников; дисциплинарные меры фронта должны быть перенесены в тыл армии; на железных дорогах развал, к октябрю не смогут снабжать фронт, ЮЗФ на грани голода (среди лета едят складские сухари); производство орудий и снарядов упало на 60%, самолетов на 80%, наш воздушный флот вымрет к весне...

Правдивые слова Корнилова подействовали отрезвляюще на многих участников совещания. Корнилова поддержал генерал Алексеев, донской атаман Каледин, многие промышленники и деятели кадетской партии.

В выступлениях Л. Г. Корнилова, А. М. Каледина, П. Н.

Милюкова, В. В. Шульгина и др. была сформулирована следующая программа: ликвидация Советов, упразднение общественных организаций в армии, война до победного конца, восстановление смертной казни, суровая дисциплина в армии и в тылу – на фабриках и заводах.

В то же время, например, П. Рябушинский заявил, что Россия управляется мечтой, невежеством и демагогией. В частности он сказал: «Торгово-промышленный класс единодушно приветствует свержение презренной царской власти; но не видим творчества новой власти, сейчас Россией управляет несбыточная мечта и демагогия».

Керенский понял, что под ним зашаталось кресло премьер-министра, но он не был бы самим собой, если бы не поставил в Московском совещании жирную точку заключительной речью. Премьер поднялся на трибуну уже во втором часу ночи 15 августа и обрушил на слушателей настоящий поток сознания, меньше всего похожий на выступление действующего политика и напоминавший, скорее, публичную истерику:

– Пусть будет то, что будет! Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу. Не будет этого. Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, и буду думать только о государстве. И пусть знают, что всё, чего вы хотели и чего

не было, может быть...

Потом А. Ф. Керенский, овладев собою, спокойнее довел до конца свою речь:

— Нам говорят, что мы мираж и тень, но мы существуем только 6 месяцев; Столыпин подавлял железом и кровью народную волю, а мы ее выражаем; будь проклят тот, кто скажет, чтобы мы прекратили бой сейчас...

И измученный, исчерпавший все силы, Керенский упал в кресло.

А зал загудел приветствиями ему, его правительству, революции, России.

Московское совещание не привело к единству, не умиротворило, а усилило атмосферу подозрительности и розни. Творцы Февраля окончательно раскололись на два лагеря: приверженцев жесткой военной диктатуры (Корнилов) и умеренной либеральной власти (Керенский).

Но в пылу полемики, которая вот-вот должна была перерасти в политическую борьбу, обе силы не заметили третьей, которая только ждала своего часа. Большевистские газеты в те дни так охарактеризовали совещание: «Ряды буржуазии должны дрогнуть после Московского Совещания. Победа революционной демократии неизбежна!»

Четвертый день штурма Екатеринодара

Третий день штурма Екатеринодара тоже не принес победы добровольцам. Правда, на правом фланге были заняты артиллерийские казармы, но в центре они не продвинулись ни на шаг. Дравшийся там корниловский полк потерял убитым командира, подполковника Неженцева, любимца Корнилова. На левом фланге конница Эрдели отступала. Красные проявляли небывалое до сих пор упорство, хотя в Екатеринодаре в каждом почти доме лежали раненые. Много бойцов, а так же женщин и детей лежало убитыми вблизи окопов и на улицах.

Обороной Екатеринодара руководил Автономов. Будь на его месте более расторопный командир – Добровольческая армия, растрепанная, с перемешанными частями, неминуемо была бы опрокинута и уничтожена.

Но и у белых проявилось несогласованность действий. Утром 30-го командование Добровольческой армии узнало, что успех боя 29 марта был уже почти обеспечен, и только ряд роковых случайностей вырвал победу из их рук.

Дело было в том, что генерал Казанович со 2-м батальоном Партизанского полка и елизаветинскими казаками с вечера 29-го, преследуя бежавших большевиков, прошел мимо

участка Кутепова, заменившего убитого Неженцев, и просил его атаковать одновременно правее, а также и доложить об этом Маркову, чтобы и он поддержал атаку.

Рассеяв легко большевиков, занимавших самую окраину, Казанович ворвался в город и, не встречая далее никакого сопротивления, стал подвигаться по улицам вглубь его. Он был уверен, что справа по параллельной улице продвигаются корниловцы, поэтому приказал своим бойцам время от времени кричать: «Ура генералу Корнилову!» – с целью обозначить своим место моего нахождения. Подвигаясь, таким образом, они достигли Сенной площади. Однако среди ночи все было тихо. На площади стояли повозки преимущественно санитарные с фельдшерами и сестрами милосердия, но попалась повозка с хлебом, которой добровольцы воспользовались (красные в темноте приняли их за своих). Воспользовались они и подводой с ружейными патронами.

Между тем ночь подходила к концу. Встревоженный долгим отсутствием каких-либо сведений, генерал Казанович послал по пройденным им путям разъезды. Вернувшиеся разъезды доложил, что «наших частей нигде не видно, что окраина города в том месте, где мы в него ворвались, занята большевиками, которые, по-видимому, не подозревают о присутствии у них в тылу противника».

Потеряв надежду на подход подкреплений, Казанович решил, что дожидаться рассвета среди многолюдного города, в центре расположения противника, имея при себе 250 чело-

век, значит обречь их на гибель.

Построив в первой линии партизан с пулеметами, за ними елисаветинцев он двинулся назад, приказав на расспросы большевиков отвечать, что мы – «Кавказский отряд» – идем занимать окопы впереди города. (Такой отряд незадолго перед тем высадился на вокзале).

Подходя к месту последней атаки, люди Казановича наткнулись сначала на резервы большевиков, а потом и на первую линию. Их ответы сначала не возбуждали подозрений, так как ночная тьма скрывала силуэты погон, затем раздались удивленные возгласы:

– Куда же вы идете, там впереди уже кадеты!

– Их-то нам и надо.

Казанович рассчитывал, как только его люди подойдут вплотную к большевикам, броситься в штыки и пробить себе дорогу. Но большевики, мирно беседуя с его людьми, так с ними перемешались, что нечего было и думать об этом.

Так шло до тех пор, пока смешанный отряд большевиков и «лжекавказцев» не наткнулся на добровольческий обоз. Тогда большевики спохватились и открыли огонь в тыл уходящего отряда Казановича. В то же время, услышав огонь, начали стрелять из казарм марковцы, пока, наконец, не выяснилось недоразумение.

Наконец совсем рассвело и все кончилось. Еще один счастливый случай был потерян. Как потом выяснилось Купетов не смог поднять в атаку свои перемешанные и расстро-

енные после вчерашнего боя части. Более того, он почему-то не доложить Маркову об атаке Казановича.

***

В четвертый день штурма Екатеринодара атаки добровольцев велись вяло, ясно чувствовалось, что темп атаки сильно ослабел. Противник проявлял упорство доселе небывалое. Силы его везде, на всех участках боевой линии разительно превышали силы добровольцев. По сведениям разведки штаба у красных в боевой линии было до 18 тысяч бойцов при 2-3 бронепоездах, 2-4 гаубицах и 8-10 легких орудиях. Отряды красных пополнялись, сменялись, прибывали новые со всех сторон. В этот день, как и в предыдущие дни, артиллерия противника долго громила ферму, берег и рошу.

Сил для атаки города явно не хватало во многих частях оставалось в строю менее половины людей, из екатеринодарского предместья группами и поодиночке с передовой в тыл тянулись раненые, и не только раненые.

В этот день генерал Корнилов решил собрать военный совет, где впервые после Ольгинской решалось направление движения Добровольческой армии. На этот шаг его побудило не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предре- шен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходи-

мости решительного штурма Екатеринодара.

«Корниловский мятеж»

Бывают моменты, когда болезнь можно еще остановить, но если будет упущено время, то болезнь переходит в хроническую форму. В августе 1917 года можно было еще избежать хронической стадии болезни русского государственного организма, но по вине Керенского и компании именно с так называемого «корниловского мятежа» Россия скатилась в хроническую стадию болезни требующей уже хирургического вмешательства.

Между тем все более и более грозные события шли своим чередом. Два обстоятельства привели генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова к необходимости срочно восстановления в России военного порядка. Но у него не было мысли введения своей единоличной диктатуры, он не собирался поднимать «мятеж» против Временного правительства. Он хотел соединить воедино силы армии и правительства. Но, увы, у Керенского появилось мания преследования со стороны Корниловым. Что же произошло в России с середины августа по начало сентября 1917 года?

Во-первых, накануне и во время Московского совещания по России прокатилась волна взрывов и пожаров на военных заводах и складах. Так на Малой Охте произошли взрывы и пожар на четырех снарядных заводах. Затем в Петрограде сгорел от поджога снарядный и тормозной завод Ве-

стингауза. Над Петроградом на версты нависли тучи дыма и серного газа.

Но больше всего Россию порази́л трехдневный пожар в Казани. Пожар начался 14 августа. По официальной версии пожар был начат небрежным караульным, который бросил окурок около станции Пороховая (в настоящее время Лагерная). Снаряды, взорвавшиеся на станции, зажгли ближайшее железнодорожное депо. Нефть из цистерн, расположенных на берегу реки Казанки, также загорелась. Затем пожар охватил Казанский пороховой завод. За три дня пожара сгорели и военные склады, где хранились пулеметы и снаряды. В результате 30 человек погибли, 8 умерли от ран, а 172, в том числе 30 детей, были ранены. Пожарами было уничтожено 12 тыс. пулеметов (всего в Первую мировую войну было произведено около 30 тыс. пулеметов) и один миллион снарядов на складах (78.500 пудов).

Безусловно, Казанский пожар и другие пожары на военных заводах России были диверсиями. Но кто именно их совершал, до сих пор остается загадкой.

Во-вторых, немцы 19 августа начали наступление на Ригу. Русская разведка своевременно доложила, что немцы собираются наступать севернее Риги, но русское командование не поверило сведениям разведки, будучи уверенным в атаке противника на южном участке. За что и поплатилось последующим тяжелым поражением.

Артиллерийская подготовка началась в 4 часа утра уда-

рами химических снарядов, чтобы внести в русские ряды панику, а заодно и для нейтрализации русской артиллерии. В шесть часов германские батареи перенесли массированный огонь на пехотные позиции русских, а уже в 8 час. 40 мин. германская пехота силами трех дивизий пошла в атаку, приступив к форсированию Западной Двины. К полудню они форсировали Двину, угрожая выйти в тыл оборонявшим Ригу частям.

Но русским командирам удалось собрать в кулак немногочисленные стойкие части 43-го и 21-го корпусов, чтобы фланговыми контратаками приостановить немецкое наступление. Благодаря ударам этих корпусов 2-й и 6-й Сибирские корпуса сумели отойти к Риге.

Но, если 19-го числа русские сравнительно стойко отражали атаки противника, то за ночь положение переменилось. 20 августа сибиряки стали откатываться перед германскими 6-м и 11-м корпусами, и командарм 12 армии генерал Д.П. Парский был вынужден отдать приказ об эвакуации Риги, чтобы задержать противника хотя бы на правом берегу Западной Двины.

Ночью 21 августа русские войска оставили Ригу и весь правый берег Западной Двины. 21 августа немцы торжественно вступили в Ригу. Пал и располагавшийся в самом устье реки Усть-Двинск. Оборона правого берега Двины рухнула: русские корпуса отступали на север и северо-запад. Пехота армейских корпусов бежала на север под прикрытием

спешенной конницы, отражавшей атаки неприятеля.

23-го числа немцы приостановили свой порыв, приступив к перегруппировке. Дальнейшее движение германской 8-й армии на Петроград было приостановлено в связи с переброской значительной части войск во Францию и Италию. Немедленно после окончания операции две германские пехотные дивизии были выведены для отправки на Французский фронт.

К 25 августа войска 12-й армии собрались на Венденских позициях в шестидесяти километрах от Риги, заняв линию Петерупе – Ртанек – Юргенсбург – Конкенгузен. Потери 12-й армии составили 25 тыс. чел. (большая часть – пленными и разбежавшимися) и массу техники. Потери немцев не достигали 5 тыс. чел. Чтобы прикрыть образовавшиеся прорехи во фронте, в 12-ю армию было отправлено 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизий.

После вступления противника в Ригу революционные власти России охватила паника. Глава Временного правительства А.Ф. Керенский потребовал объявить Петроград на военном положении и приступить к подготовке эвакуации всех министерств и ведомств в Москву.

Лавр Георгиевич Корнилов только узнав о начале германской операции на рижском участке, 19 августа отправил Керенскому телеграмму, в которой предложил объединить Северный и Западный фронты в один Северо-Западный фронт, а столичный гарнизон, Балтийский флот, Крон-

штадт, Наревскую позицию – в Отдельную Петроградскую армию, с подчинением ее Верховному главнокомандующему. Костяк Отдельной Петроградской армии должны были составить 3-й конный корпус, возглавляемый генералом А.М. Крымовым, и «Дикая дивизия» генерала князя Д.П. Багратиона. Существовавший же столичный гарнизон должен был быть отправлен в окопы: «революционные солдаты» Петрограда своим поведением и безнаказанностью раздражали уже всех, за исключением строивших далекие планы большевиков.

Керенский ответил неожиданным для Корнилова согласием и для обсуждения деталей реформы направил в Могилев Бориса Савинкова. На переговорах с Савинковым вначале Корнилов заявлял, что Керенскому и некоторым членам правительства не верит, но Савинков убедил Корнилова, что Керенский «представитель и надежда всей демократии России». Он упрашивал генерала Корнилова пойти на уступки и стать на путь соглашения с Керенским. В конце концов, Савинков убедил Корнилова в сотрудничестве с Керенским.

На совещании в Ставке 23 августа, на котором принимали участие Корнилов, Лукомский, Романовский, Барановский, Савинков и другие было принято решение, что как только 3-й корпус подойдет к Петрограду, Временное правительство объявит город на военном положении; войска войдут и не допустят выступления большевиков; если же

последнее состоится, то разгонят Совет рабочих и солдатских депутатов и подавят восстание.

При прощании с Савинковым Лавр Георгиевич заявил: «Передайте Александру Федоровичу, что я буду его всемерно поддерживать, ибо это нужно для блага отечества».

***

25 августа, едва вернувшись из Могилева в Петроград, Савинков начал добиваться приема у Керенского, чтобы завизировать подготовленные в Ставке документы о новом статусе Петрограда и Особой армии. Но премьер два дня избегал встречи с Савинковым, дожидаясь возвращения из Ставки доверенного человека. Керенский поминал, что предложения Корнилова правильные, но его тяготила мысль, что придумано это было не им, и если дать ход документам Корнилова, сам он может расстаться с обожжаемой им властью и стать лицом номер два в российском государстве.

Керенский в отличие от Корнилова не хотел уступить власть «для блага отечества». Поэтому он стал искать выхода, как можно избавиться от Корнилова. Но убрать Корнилова собственным волевым решением, по образцу генералов Алексеева и Брусилова, Керенский уже не мог. За Корниловым стоял крупный капитал, а также военная элита. Популярность Корнилова в действующей армии была столь высока, что большая часть офицерства решительно под-

держала бы Верховного главнокомандующего. Лишь объявление генерала Корнилова чем-то вроде «врага народа» могло спасти Керенского и его присных.

И вот случай. Обер-прокурор Синода В.Н. Львов повстречал в Москве своего приятеля И.А. Добрынского – путаника и враня. Тот с важным видом сообщил Львову, что недавно присутствовал на секретном совещании в Ставке, где было решено провозгласить Корнилова диктатором, а Керенского заманить в Могилев и устранить. Львов это вранье, изобретенное Добрынским, немедленно передал Керенскому.

В то время, когда 3-й корпус приближался к Петрограду и передовые его части уже были в районе города Луги и ст. Дно, в Ставку к генералу Корнилову с провокационной целью прибыл В.Н. Львов. От имени министра-председателя А.Ф. Керенского тот предложил Корнилову три различных варианта реорганизации правительства для создания сильной власти. Это было 24 августа.

Львов, выполняя поручение Керенского, изложил Лавру Георгиевичу дальнейшие перспективы преобразования Временного правительства. По его словам, Керенский был готов отказаться от власти и назначить Корнилова либо премьером, либо диктатором с неограниченными полномочиями. В ответ Корнилов заявил, что в сложившейся военно-политической ситуации единственным способом спасения страны является диктатура.

– Я лично не стремлюсь к власти и готов немедленно под-

чиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам А. Ф. Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо.

– Такое решение ввиду тяжелого положения страны не исключается, – заявил Львов в ответ, – и, думаю, правительство само придет к осознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит обязанности диктатора вам.

– Если бы так случилось, я не отказался бы от такого предложения, – сказал Корнилов. – Я всегда считал, что страну может спасти только твердая власть. Но прошу вас передать Керенскому, что участие в управлении страной его и Савинкова я считаю безусловно необходимым. В новом правительстве Керенскому было бы уместно занять пост министра юстиции, а Савинкову – военного министра... Кроме того, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков, а на Керенского готовится покушение. Поэтому я прошу Александра Федоровича приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Его полную безопасность в Ставке я гарантирую своим честным словом.

– Генерал, вы благороднейший человек, – только и произнес Львов в ответ...

Но слова Корнилова В.Н. Львов понял по своему, как нужно, было Керенскому. Теперь у Керенского появился свидетель в «измене» Корнилова, и он начал раскручивать траги-

комедию под названием «мятеж» генерала Корнилова.

***

Как юрист, Керенский понимал, что слову Львова об «измене» Корнилова никто не поверит, поэтому появилась записка Львова известная как «Ультиматум Корнилова». В ней Львов писал:

«Генерал Корнилов предлагает:

1. Объявить г. Петроград на военном положении.
2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного Главнокомандующего.
3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров вплоть до образования кабинета Верховным Главнокомандующим».

– Это очень хорошо, что все кончится мирно, – произнес Львов, передавая записку Керенскому. – В Ставке считают очень важным, чтобы власть от Временного правительства перешла легально. Ну а вы, что же, поедете в Ставку?

– Конечно же, нет. Неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова? – пожал плечами Керенский.

– Конечно, не ездите! – радостно воскликнул Львов. – Ведь для вас там ловушка готовится. Он вас там арестует.

ет. Уезжайте из Петрограда...

Таким образом, письменное «доказательства» от Львова об «измене» Корнилова были получены, оставалось получить их от самого Корнилова. Около восьми вечера 26 августа премьер-министр приехал в Военное министерство, чтобы переговорить с Верховным по прямому проводу, т. е. по телеграфу.

Вот стенограмма их переговоров.

Керенский. Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

Корнилов. У аппарата генерал Корнилов.

Керенский. Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов и Керенский (на самом деле Львова рядом не было). Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский (от имени Львова). Я – Владимир Николаевич, Вас спрашиваю – то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра

Федоровича только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

Корнилов. Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

Керенский. Я – Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов. Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

Керенский. Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

Корнилов. Во всяком случае.

Керенский. До свидания, скоро увидимся.

Корнилов. До свидания.

Теперь у Керенского в руках два документа «Ультиматум Корнилова», составленный рукой Львова и драгоценная «юзограмма» переговоров с Корниловым. И великий комбинатор делает поразительные комбинации. В присутствии

Министра внутренних дел С.А. Белавинского он вызывает В.Б. Львова, от которого потребовал еще раз подтвердить содержание «ультиматума Корнилова». Львов послушно все подтвердил, после чего Керенский в присутствии свидетеля объявил Львову, что тот арестован, как агент Корнилова. Потрясенного «верного друга» заперли в соседней комнате под охраной двух часовых.

После этого в ночь на 27 августа Керенский самовольно, без санкции Временного правительства, присылает генералу Корнилову телеграмму с приказанием сдать должность Верховного главнокомандующего начальнику штаба генералу Лукомскому, а самому выехать в Петроград.

Утром состоялось заседание Временного правительства, на котором был и Борис Савинков. Но вместо рассмотрения вопроса о предложении Корнилова о новом статусе Петрограда и Особой армии, как рассчитывал Савинков, Керенский зачитал «корниловский» (вернее, львовский) ультиматумом и зачитал телефонограмму разговора с Корниловым. Савинков стал убеждать Керенского, что в основе происходящего лежит недоразумение, но тот решительно заявил, что уже объявил по всей России, что генерал Корнилов прислал к нему Львова с ультимативным требованием – вручить ему, Корнилову, диктаторские полномочия.

После чего Керенский потребовал для себя диктаторских полномочий, которые в итоге и были ему предоставлены кабинетом министров Временного правительства. Одновре-

менно Савинков и большая часть министров подали прошения об отставке, которую премьер принял, но попросил членов кабинета исполнять свои обязанности до назначения новых лиц.

***

О своей отставке Корнилов узнал утром 27 августа и тут же пригласил к себе Лукомского.

– Обязанности Верховного принять на себя я считаю невозможным, – твердо произнес Лукомский.

– Да, обстановка такова, что я должен оставаться на своем посту до конца, – произнес Корнилов. – Я должен добиться, чтобы Временное правительство провело в жизнь мои требования. Пошлите сейчас же телеграмму Крымову, чтобы он ускорил сосредоточение своих войск к Петрограду.

В течение дня 27 августа Корнилов окончательно уяснил, что Керенский решил с ним решительно расстаться и все его планы по наведению дисциплины в армии и Петрограде и по созданию Особой армии правительством осуществиться не будут.

Тем не менее ничего не предпринимать тоже было невозможно – ситуация требовала действия. И вот в ночь на 28 августа в типографию ушел первый приказ Верховного. В нем был как бы крик души Корнилова:

«Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час

ее кончины.

Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога – в храмы, молитте господу Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев – я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины».

В этот же день Корнилов объявил Могилев и прилегающие к нему десять верст территории на осадном положении. Он назначил коменданта города, отправил к генералу

Крымову полковника Д. А. Лебедева и по телеграфу отдал ряд приказов – командующим Петроградским военным округом О. П. Васильковскому и Московским – А. И. Верховскому, главкому Северного фронта В. Н. Клембовскому и Западного – П. С. Балцеву. От всех Корнилов требовал подчиняться ему, а не правительству.

Тогда же произошло первое и единственное публичное выступление Корнилова в качестве не военачальника, а политика. Оно состоялось на Губернаторской площади Могилева перед войсками, охранявшими Ставку. Это были Корниловский ударный полк, батальон Георгиевских кавалеров (все его офицеры были награждены орденом Святого Георгия, а солдаты – георгиевскими крестами), и два эскадрона Текинского конного полка.

В своей речи Лавр Георгиевич изложил историю своего конфликта с Керенским, рассказывал о случае с Черновым, заверял, что в Могилев приглашены ведущие политики для того, чтобы создать Совет народной обороны. Свою речь он закончил словами:

– Но, если Временное правительство не откликнется на мое предложение, и будет так же вяло вести дело, мне придется взять власть в свои руки, хотя я заявляю, что власти не желаю и к ней не стремлюсь. И теперь я спрашиваю вас: будете ли вы готовы тогда?

Вопрос повис в воздухе. Ошеломленные офицеры и солдаты молчали. Лишь когда Корнилов повторил вопрос, строй

разрозненно ответил: «Готовы». Вслед за этим раздалась возгласы: «Да здравствует народный вождь генерал Корнилов!»...

***

После такого оборота дела 28 августа Керенский открыто обвинил генерала Корнилова в мятеже против верховной власти, в посягательстве на завоевания революции, в контрреволюции и прочих преступлениях. Он приказал остановить двигавшийся для усмирения большевиков в Петроград 3-й конный корпус, объявив, что корпус этот направлен генералом Корниловым для низложения существующей революционной власти.

Но на кого мог опереться Керенский в борьбе против Корнилова. Уже вечером 28 августа он почувствовал себя в одиночестве. Сразу четверо главнокомандующих фронтами: Юго-Западным (А. И. Деникин), Западным (П. С. Балубев), Румынским (Д. Г. Щербачёв) и Северным (В. Н. Клембовский) – поддержали Корнилова, а Клембовский к тому же отказался занять должность Верховного вместо «мятежника». Параллельно столица наполнилась слухами о многочисленных офицерских организациях, якобы готовых взять власть в свои руки в ожидании прихода Корнилова.

Но никаких офицерских восстаний в столице не происходило, войска с фронта на защиту Ставки Верховного глав-

нокомандующего не выдвигались. Единственной опасностью для Керенского был 3-й конный корпус⁶⁵ генерала Крымова⁶⁶ и Кавказская туземная дивизия⁶⁷, которую еще называли «Дикой дивизии», двигающиеся к Петрограду.

Не находя должной опоры среди генералитета, офицерства и крупных промышленников, хотя активно в борьбу против правительства никто из них вступить еще не решился, Керенский обратился за помощью к социалистическим партиям, включая и большевиков. Он призвал все социалистические партии встать на защиту революции. Среди наиболее активных защитников верховной власти оказались срочно выпущенные из тюрем и получившие возможность легальных действий большевики, в том числе Лев Борисович Троцкий. Все «революционно-демократические» силы провели мобилизацию своих возможностей для подавле-

---

⁶⁵ Состоял из 1-й Донской казачьей дивизии и Уссурийской казачьей дивизии. До февральского переворота корпусом командовал генерал-лейтенант Ф.А. Келлер. Так как он не признал власть Временного правительства, то командование над корпусом принял генерал А.М. Крымов.

⁶⁶ Полковник А.М. Крымов получил звание генерал-майора и командование над 3-м кавалерийским корпусом не за военные заслуги, а за активное участие в военном заговоре против императора Николай II. Лично готов был убить Государя в случае отказа его от отречения.

⁶⁷ Дивизия на 90% состояла из добровольцев-мусульман уроженцев Северного Кавказа и Закавказья. Состояла из 3 бригад по два полка (Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Чеченский, Черкесский и Ингушский), пешей Осетинской бригады и 8-й Донского казачьего артиллерийского дивизиона. Командовал дивизией князь Д.П. Багратион. До него дивизией командовал Великий князь Михаил Александрович Романов.

ния «мятежа». Верные правительству войска были стянуты к Петрограду и Москве, а большевикам разрешили вновь создавать и вооружать Красную гвардию из рабочих.

Петроградский совет развернул бешеную агитацию, в городе начали спешно формироваться отряды Красной гвардии, которым вполне легально выдавались оружие и патроны. За три дня в эти отряды вступили 25 тысяч человек. Из Кронштадта в столицу прибыл пятитысячный отряд революционных моряков, в Неву вошли пять эсминцев Балтфлота. Таким образом, большевики, бывшие с июля политическими аутсайдерами, резко усилили свои позиции, стараясь присвоить главные лавры борцов с корниловщиной себе.

Причем большевики, получив оружие от правительства, больше его не обдавали. Большевистские агитаторы и рабочие отряды Красной гвардии стали главными союзниками Керенского в его борьбе с Корниловым. Как оказалось потом на погибель самого Александра Федоровича и его правительства.

Никаких военных столкновений между «корниловскими» войсками и правительственными, кроме перестрелки в районе станции Антропино⁶⁸, не было. Все решила пропаганда и агитация.

В 3-й Конный корпус и другие «контрреволюционные» части двинулись агитаторы от правительства и Советов.

---

⁶⁸ Чеченский и Ингушский полки завязали перестрелку с правительственными войсками на станции Антропино.

Солдат действующей армии и тыловых гарнизонов убеждали, что Корнилов-победитель не только продолжит дальнейшее участие России в мировой войне, но и наведет в армии соответствующую дисциплину.

Агитаторы остановили части 3-го Конного корпуса и «Дикой дивизии» вблизи Петрограда. Дрогнули даже казаки и отказались идти дальше. Не подлежит сомнению, что преданный Ставке кавалерийский корпус легко уничтожил бы власть Временного правительства, у которого не было сил для собственной защиты. Но люди были настроены, главным образом большевистскими агитаторами не «за» Керенского, а «против» Корнилова.

Командующий 3-м Конным корпусом генерал Крымов был вызван в Петроград и 31 августа, после личной встречи с Керенским, застрелился (а может, помогли застрелиться). Наверняка генералу припомнили его масонские связи и участие в февральских событиях.

План Керенского блестяще сработал – русское общество удалось таки натравить на офицерство, фактически ставшее к тому времени новым сословием, и окончательно деморализовать его. Выдуманная Керенским корниловицина оказалась тем самым жупелом, которого подсознательно страстно желали все русские «демократические» силы – от большевиков до эсеров, от националистов до интернационалистов, от беспартийных солдат до честолюбивых прапорщиков, мечтающих командовать корпусами.

Теперь Керенскому оставалось лишь обезопасить Ставку. Отовсюду понеслись угрозы Ставке – «осиному гнезду» – и генералу Корнилову. Все революционные организации во главе с Советом рабочих и солдатских депутатов требовали от Временного правительства немедленного предания генерала Корнилова и его соучастников военно-революционному суду. Неслись угрозы покончить с «изменниками революции» самосудом.

С Западного фронта к Ставке был направлен 165-й Луцкий пехотный полк под командованием Короткова. Находившийся там Георгиевский батальон, распропагандированный большевиками, готов был им оказать содействие. Вся надежда оставалась на Корниловский и Текинский полки, которые поклялись лечь до последнего, защищая генерала Корнилова. Предстояло жестокое кровопролитие.

Но Керенский не хотел сделать из Корнилова образ мученика, нужно было «ради избегания ненужного кровопролития», чтобы Корнилов сдался какому-то авторитетному военачальнику. Было ясно, что такую миссию можно поручить только Михаилу Васильевичу Алексееву. Тот предложил ему должность начальника штаба Ставки.

Алексеев согласился на предложение Керенского, желая спасти Корнилова от возможной расправы и тем самым

сохранить его для будущего. К тому же Алексеев сразу поставил перед Керенским условия, при которых примет пост: назначить военным и морским министрами профессиональных военных, упразднить пост военного комиссара при Ставке. Поскольку Керенский был заинтересован в Алексееве, то со всем согласился. Пост военного министра вместо отправленного в отставку Савинкова получил командующий Московским военным округом А. И. Верховский, одним из первых заявивший о преданности Керенскому в дни «мятежа», а морского министра – контр-адмирал Д. Н. Вердеревский.

30 августа Алексеев по телеграфу сообщил Корнилову об условиях его ареста и договоренности с Керенским. В этот вечер генерал Корнилов пригласил своих ближайших сотрудников на совещание в своем кабинете.

Кратко изложив обстановку, причины неудачи и возможные последствия, он сказал:

«Я первый поднял знамя борьбы с врагами Родины. Вы, господа, верно шли за мной до конца. Святое дело окончилось неудачей, и один я беру на себя всю ответственность. Вы же имеете еще время уйти, избежать преследования, арестов и самосуда от руки предателей Родины. В будущем вам предстоит еще большая борьба, и вы должны сохранить себя для Родины».

Прошла минута молчания, и вдруг все заговорили, запротестовали... «Вместе с Вами шли и далее пойдем хотя бы

и на смерть...»

Ранним утром 31 августа Алексеев отправился в Ставку. В 15 часов 1 сентября поезд Алексеева, наконец, достиг Могилева. Вечером 1 сентября генерал Л.Г. Корнилов и его соратники генералы Романовский, Лукомский и ряд старших офицеров были арестованы. Пост Верховного главнокомандующего вскоре занял сам А.Ф. Керенский, в Ставку прибыла Чрезвычайная следственная комиссия. Корнилов с товарищами были перевезены в маленький город Быхов. Аrestу подвергаются также выразившие солидарность Корнилову главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.И. Деникин, генерал С.Л. Марков, генерал И. Г. Эрдели и ряд других лиц.

Итак, российский Верховный главнокомандующий, неутомимый борец за счастье своей Отчизны, проливавший за нее свою кровь, спасший тысячи жизней ее сынов во время войны, томившийся более года во вражеском плену и бежавший оттуда, чтобы продолжать защиту Родины, был лишен свободы.

Победа Керенского в этом противостоянии стала прелюдией большевизма, ибо она означала победу Советов, в среде которых большевики уже занимали преобладающее положение, и с которыми правительство Керенского было способно вести лишь соглашательскую политику.

В красном Екатеринодаре

Фортуна, до сих пор способствующая Добровольческой армии, под стенами Екатеринодара начала от нее явно отворачиваться. Но и в самом красном Екатеринодаре положение было не блестящее. Были потеряны артиллерийские казармы, фронт обороны проходил чудь ли не по окраинным улицам города. За четыре дня боев красные потеряли в 15 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ранеными, которыми забиты были все лазареты, все санитарные поезда, непрерывно эвакуируемые на Тихорецкую и Кавказскую. Город сотрясился от орудийной пальбы. В ночном небе пласталось зарево пожаров – горели артиллерийские казармы, кожевенные заводы, дома и лавки на сенном базаре.

К городу со всей Кубани устремлялись партизанские отряды. По степным дорогам пылили подводы с пехотой, летела кавалерия, и к вокзалу то и дело подкатывали эшелоны с Тихорецкой, Кавказской, Тамани, из Новороссийска. Войск в городе накопилось не мало, порядка 20 тысяч активных бойцов. Этого было вполне достаточно, чтобы не только удержать позиции, но и опрокинуть, разгромить истекающую кровью Добровольческую армию. Но в штабе обороны под председательством Автономона⁶⁹ царила чехарда и

---

⁶⁹ Автономов Алексей Иванович – участник Первой мировой и Гражданской войны. С марта 1918 г. главнокомандующий вооруженными силами Кубанской

неразбериха.

У подъезда штаба обороны дежурили автомобили с потушенными огнями, вестовые держали наготове подседланных коней. Штаб обороны заседал непрерывно. Когда с фронта доходили хорошие вести, работа штаба кипела – скрипели перья, пищали полевые телефоны, получив назначение, убежали агитаторы, сновали ординарцы и фуражиры, командиры прибывающих частей получали боевые задания. Но достаточно было разорваться где-нибудь поблизости шальному снаряду или пронестись тревожному слуху, в штабе сразу вспыхивала паника: кто хватался за портфель, кто за чемодан, секретарь, комкая, рассовывал по карманам протоколы.

В углу зала на диване с мокрым полотенцем на голове лежал юный главком Кубано-Черноморской республики Автономов. В штаб как вихрь ворвался помощник главкома Сорокин с ним командор Варнавского полка Сапожков.

– Вставай, вставай, обормот, – расталкивал главкома Сорокин. – На мягких диванах твое дело дрыхнуть да парады принимать, а воевать тебя нет.

– Доктора... – стонал пьяный голосом главком. – Умираю.

советской республики, затем командующей Северокавказской красной армии. Отличался авантюризмом и партизанщиной, часто игнорировал распоряжения Троцкого, за что был снят с больших командных постов. В дальнейшем командовал небольшим отрядом и бронепоездом в боях с белыми на Тереке и под Святым Крестом. В январе 1919 г., во время отступления красных с Северного Кавказа к Астрахани, Автономов заболел тифом и был оставлен в одном из горных аулов, где и умер 2 февраля 1919 год.

– Плетей тебе хороших, поганец. Слышал, штатские вон уговариваются город сдавать, а ты и не чешешься.

– Иван Лукич, голубчик, – подступал к Сорокину один из самых влиятельных членов штаба, – вы не так меня поняли. Никто и не помышляет об отступлении. Я лишь предлагаю перенести штаб на вокзал, на колеса. Ведь ежели ворвутся кадеты, то нас, идейных, перевешают в первую голову, и революция, лишившись вождей, надолго заглохнет во всем крае.

– Ничего, если таких вождей перевешают, тогда революция еще больше возгораться, найдутся люди способные поднять народ и повести бойцов в бой – вмешался в разговор Сапожков.

Сорокин возгорелся еще большим гневом:

– Штатская сволочь! Предатели! Забирайте свои зонты, калоши и валитесь к чертовой матери!.. Останусь без таких вождей, но с верными товарищами и революционными войсками. Город не сдам!

– Верно Иван! – Как бы очнувшись от забытья (пьянства), решил восстановить свою главную роль Автономов. – Не сдадим город! На фронт, друзья, на фронт! Долг зовет!

Сорокин, плюнув, выскочил из штаба. За ним Сапожков, большевики Петя Рыжов, Фрол и длинноволосый анархист Африканов. Следом за ними, ровно собаки за хозяином, побежали телохранители Сорокина – казаки Гайченец и Черный.

Только выбежав на улицу, Сорокин лицом к лицу столкнулся с начальником гарнизона Золотаревым.

– Подлец! – прокричал ему Сорокин в лицо – На фронте кипит святая борьба, а у тебя в тылу убийства и грабежи не прекращаются. Пьяные шайки бродят по улицам, раздевают своих раненых и нагоняют панику на мирных жителей. Часовые на посту курят, разговаривают и никак не соблюдают правил устава. Я сам люблю выпить, но пью, когда боев нет.

Золотарев подтянулся и начал бормотать извинения. Сорокин ухватил его за плечи и принялся колотить головой о забор:

– Мерзавец... Всеми мерами рассудка и совести ты должен отрезвлять пропойц и громил, а ты сам пьянствуешь, грабишь и ночи напролет прогуливаешь со шлюхами.

– Прости...

– Ну, иди. На глаза пьяный не попадайся, застрелю. Приказываю немедленно восстановить и поддерживать в городе порядочек. Всякие безобразия подавлять силой оружия...

***

Когда командирская команда шла по городу по железным крышам домов барабанили осколки лопающихся на большой высоте снарядов. Косо висели сбитые вывески. Из окон сыпалось, всплескиваясь на тротуарах, стекло.

От вокзала по всем улицам вольным шагом двигались

войска. С рабочих слободок Дубинки и Покровки густо валил народ, будто на митинг, старые и молодые встали под винтовки и двигались к передовой. Никому и ничего не надо было объяснять, и не кому не было страшно.

Катились, погромыхивая, орудийные запряжки, рессорные линейки Красного Креста и военные повозки с номерными флажками. Партизаны – кто в картузе, кто в треухе, кто в соломенной шляпе. Рваные кожухи, шинели разных сроков, лоскуты и заплаты.

По тротуарам, обгоняя обозы, на рысях сыпала кавалерия. Кавалеристы, веселые ребята, во все горло орали нехитрую песню:

Сидит генерал,
Перед ним каша.
Бедняки кричат:
Вся Расея наша...

Вся улица подхватила залихватскую песню и гремела из конца в конец:

Офицер молодой,
Куда топаешь?
Под лапу попадешь,
Пулю слопаешь...

«Вот оно народное войско», – радостно подумал Сапожков. – Разве смогут нас одолеть кадеты.

От восторга у него запершило в горле, в глазу блеснула дорогая слеза. Ему показалось, что весь Екатеринодар, как один человек, запел:

Офицерик, офицер,
Погон беленький,
Удирай-ка с Кубани,
Пока целенький...

Последний военный совет Корнилова

В середине дня 30 марта 1918 года в комнате Корнилова собрался последний в его жизни военный совет.

В тесной комнатке Корнилова собрались генералы Алексеев, Романовский, Марков, Богаевский, Деникин и кубанский атаман полковник Филимонов. Корнилов, понутив голову, слушал доклад Романовского:

– Снарядов нет, патронов нет. Противник во много раз превосходит нас силами и обладает неистощимыми запасами снарядов и патронов.

Наши войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально четырехдневным боем. Офицерский полк еще сохранился, Кубанский стрелковый сильно потрепан, из Партизанского осталось не более 300 штыков, еще меньше в Корниловском. Конница, по-видимому, ничего серьезного сделать не может.

Замечается редкое для добровольцев явление – утечка из боевой линии в тыл. Добровольцы-казаки расходятся по станциям. Число раненых в лазарете перевалило за полторы тысячи...

Генералы слушали, опутив глаза. Марков, приткнувшись

на чье-то плечо, спал. Кто-то толкнул его.

– Извините, ваше высокопревосходительство, разморило – двое суток не ложился...

Корнилов слушал, не стараясь внести успокоительную ноту в печальную картину общего положения. За ночь он весь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выражение. Глухим голосом, но резко и отчетливо он сказал:

– Положение действительное тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. В резерве останется полк Казановича. Я его сам поведу в атаку. Каково ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно. Все чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил.

– Мы разобьемся об Екатеринодар, – произнес генерал Деникин – неудача штурма вызовет катастрофу, даже взятие Екатеринодара принесет новые большие потери. Слабых частей армии не хватит для охраны и защиты большого города.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев.

– Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до после завтра, за сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка; быть может, станичники подойдут еще на пополнение.

Корнилов внезапно засопел. Генералы сидели, опустив головы. Выслушав возражения, командующий встал и решительно сказал:

– И так, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1-го апреля.

Участники совета встали, и молча, разошлись. Генерал Деникин закашлявшись, подошел к дверям и невольно воскликнул: «О, Господи, Господи!». Ему в спину Корнилов сверкнул черными глазами.

Строчные командиры вернулись к своим частям сумрачные и злые.

Марков, вернувшись в свой штаб, сказал:

– Господа! Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем...

***

Через полчаса в комнату Корнилова вернулся Деникин. Он сел и сказал с мягкой душевностью:

– Ваше высокопревосходительство, позвольте, как человек человеку, задать вам вопрос.

– Я слушаю вас, Антон Иванович.

– Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны?

Корнилов ответил сейчас же, как будто давно уже приготовил этот ответ:

– Другого выхода нет. Если не возьмем Екатеринодара, я пушу пулю в лоб. (Пальцем, с отгрызенным до корня ногтем, он указал себе на висок.)

– Этого вы не сделаете, – решительно сказал Деникин, при этом прижав к груди полные, белые руки. – Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся... Нет, вы этого не сделаете, – повторил Деникин. – Перед Богом, перед родиной... Кто поведет армию, Лавр Георгиевич?..

– Вы, ваше превосходительство...

И нетерпеливым жестом Корнилов дал понять, что кончается этот разговор.

***

В вечерних сумраках уходящего дня, 30 марта, у разрушенной снарядом кирпичной стены, что шла вдоль Черноморской дороги, у самого въезда в Екатеринодар стоял коренастый, нахмуренный человек и глядел в бинокль. Щегольская кожаная куртка, кожаные штаны и мягкие казацкие сапоги его были забрызганы засохшей грязью. Около него в кирпичную стену время от времени цокали пули.

Ниже, в ста шагах от него, располагилась батарея и зеленые снарядные ящики. Лошадей только что отвели к забору,

и они стояли понуро, навалив дымящийся навоз. Прислуга, сидя на лафетах, смеялась, курила, – поглядывали в сторону командира с биноклем. Почти все были матросы, кроме троих оборванных бородачей-артиллеристов.

К нему, проскользнув по кошачьи, подсел матрос, обхватив татуированными руками колени.

– У самого берега два дерева, видишь? – сказал вполголоса командир.

– Вижу! – сказал матрос – приложив руку к глазам.

– С четырех часов там верхоконные пробегли, народ начал ползать. Вечером две коляски приехали. Там и сидит дьявол, больше негде.

– Катись вниз, – повелительно сказал коренастый – и позови командира батареи.

На пригорок влез бородастый человек в овчинном тулупе. Коренастый передал ему свой бинокль, и он долго всматривался.

– Хутор Слюсарева, ферма, – сказал он простуженным голосом, – дистанция четыре версты с четвертью. Можно и по Слюсареву двинуть.

– Вот что! – тихо произнес коренастый. – Завтра, до рассвета, поставь батарею сюда и как только рассветет, ахни тяжелыми гранатами вот по тому белому домику, что между двумя тополями.

– Хорошо! Сделаем! Товарищ командир...

Быховское сидение

Лучшие русские генералы, способные еще повлиять на положение в стране и армии, по приказу А. Ф. Керенского оказались под арестом, и это в то время, когда большевиков выпускали из-под ареста. Генерал А.И. Деникин писал: «А в те же дни государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем и выпускала на волю многих влиятельных большевиков – дабы дать им возможность, гласно и открыто, вести дальнейшую работу к уничтожению Российского государства. 1-го сентября Временным правительством подвергнут аресту генерал Корнилов, а 4-го сентября Временным правительством отпущен на свободу Бронштейн-Троцкий. Эти две даты должны быть памятны России».

Первым подвергся аресту генерал А.И. Деникин со штабом Юго-Западного фронта⁷⁰, поддержавший действия Верховного главнокомандующего. Арест был произведён 29 августа комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским. Арестованные содержались в тюрьме города Бердичева.

---

⁷⁰ С.Л. Марков – начальник штаба Деникина; И.Г. Эрдели – командующий Особой армией; Г.М. Ванновский – командующий 1-й армией; В.А. Селивачев – командующий 7-й армией; М.И. Орлов – генерал-квартирмейстер штаба фронта; Е. Ф. Эльснер – начальник снабжения Юго-Западного фронта, и еще ряд лиц, которые потом были освобождены.

Вместе с Корниловым в Могилеве были арестованы также его начальник штаба генерал Лукомский, генерал Романовский, генерал Тихменев, генерал Кисляков, полковник Плющевский-Плющик, Аладьин, несколько офицеров генерального штаба и весь исполком союза офицеров. Сначала арестованных поместили в гостинице «Метрополь» в Могилёве. 12 сентября арестованных перевели в город Быхов. Часть из них, не принимавшая активного участия в корниловском выступлении (генерал Тихменев, Плющевский-Плющик и другие), была освобождена следственной комиссией, остальные же размещены в здании старого католического монастыря. В Быхов были перевезены генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, Кисляков, подполковники Новосильцев, Пронин, Соотс, капитаны Брагин, Ряснянский, Роженко, есаул Родионов, штабс-капитан Чунихин, поручик Клецандо прапорищики Никитин, Иванов, военный чиновник Будилович и двое штатских: Никаноров и Аладьин.

27 сентября к узникам Быховской тюрьмы были переправлены узники из Бердичева (6 человек).⁷¹ При пересылке они едва не стали жертвой самосуда революционной толпы на вокзале Бердичева. Расправы не произошло, по мнению А.И. Деникина, только благодаря решительным действиям штабс-капитана Бетлинга.

Всего в Быховской тюрьме после освобождения ряда лиц

---

⁷¹ Генералы Деникин, Марков, Эрдели, Вановский, Орлов и Эльснер. Генерал В.А. Селивачев был освобожден.

осталось 24 человека. Генералы Корнилов и Лукомский были заключены в отдельные камеры верхнего этажа здания, а остальные размещены по 2-3 человека в каждой.

Тюремный режим был довольно суровый. Общение между заключенными, кроме обеденного времени и прогулок, не допускалось. Прогулки, совершаемые обыкновенно во дворе костела, и свидания с родными разрешались только в определенные часы и на короткое время.

В Быхове бывшего Верховного главнокомандующего и его сподвижников от солдатского самосуда уберегали преданные Корнилову всадники Текинского полка (300 чел.) под командованием подполковника Эргардта (они несли внутреннюю охрану), а также надежность толстых каменных стен тюрьмы-монастыря.

Внешнюю охрану несла полурота георгиевцев⁷² (50 чел.), настроенных вполне пробольшевистки. Еще в Могилеве, когда Георгиевский батальон имел полный состав (600 чел.), его солдаты дважды пытались выйти ночью из казарм с целью расстрелять генерала Корнилова и его сподвижников. Только железная воля командира этого батальона, героя Великой войны, а впоследствии участника Кубанского похода полковника Тимановского не позволила последним приве-

---

⁷² Большая часть Георгиевского батальона осталась в Ставке, в Могилеве. В Могилеве остался и 4-й эскадрон Текинского полка. Корниловский ударный полк был переброшен на Юго-Западный фронт, затем помог Центральной Раде в борьбе с большевиками. Из Киева 19 декабря 1917 г. 50 офицеров и 500 солдат прибыли в Новочеркасск.

сти свой замысел в исполнение.

Между текинцами и георгиевцами существовала вражда.

– Вы – керенские, мы – корниловские; резать будем, – на ломаном языке говорили преданные Корнилову текинцы.

Так как в Быхове текинцев было значительно больше георгиевцев, то те несли службу вполне исправно.

В Быхов довольно часто приезжали делегаты Совета солдатских и рабочих депутатов и других совдеповских организаций контролировать, как содержится «изменник революции и мятежник» Корнилов, и проверить, не слаб ли тюремный режим.

Были случаи, когда проезжавшие мимо Быхова эшелоны «революционных войск», узнав, что там находится генерал Корнилов, порывались с оружием в руках двинуться в город и расправиться с «контрреволюционерами»; однако располагавшиеся в то время в Быхове польские части⁷³ совместно с Текинским полком охлаждали пыл «ревностных слуг и защитников революции», бросивших фронт, отдавших свою Родину на поругание врагу и торопившихся домой «делить землю».

***

1 сентября по инициативе А.Ф. Керенского в знак закреп-

---

⁷³ В Быхове была расквартирована 1-я Польская стрелковая дивизия генерал-майора Г.В. Остаповича.

ления победы над «мятежниками» и выхода из нового политического кризиса в России, по примеру Французской революции (после победы над якобинцами), была провозглашена так называемая Директория («Совет пяти») – коллегия 5 министров Временного правительства – временный чрезвычайный орган верховной власти в России.

В состав Директории вошли: министр-председатель Александр Керенский, министр иностранных дел Михаил Терещенко, военный министр Александр Верховский, морской министр Дмитрий Вердеревский, министр почт и телеграфов Алексей Никитин.

В этот же день Россия была провозглашена республикой и юридически была распущена IV Государственная дума.

25 сентября в связи с образованием 3-го коалиционного правительства Директория была упразднена⁷⁴.

5 сентября 1917 года в Могилев прибыл новый ми-

---

⁷⁴ В состав 3-го коалиционного правительства вошли министр-председатель и Верховный главнокомандующий эсер А.Ф. Керенский; заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности кадет А.И. Коновалов; министр внутренних дел и министр почт и телеграфов меньшевик А.М. Никитин; министр иностранных дел М.И. Терещенко; военный министр А.И. Верховский; морской министр Д.Н. Вердеревский; министр финансов М.В. Бернацкий; министр юстиции меньшевик П.Н. Малянтович; министр путей сообщения А.В. Ливеровский; министр народного просвещения С.С. Салазкин; министр земледелия эсер С.Л. Маслов; министр труда меньшевик К.А. Гвоздев; министр продовольствия С.Н. Прокопович; министр государственного призрения кадет Н.М. Кишкин; обер-прокурор Святейшего Синода кадет А.В. Карташев; государственный контролер кадет С.А. Смирнов; председатель экономического совета С.Н. Третьяков.

нистр-председатель и одновременно Верховный главнокомандующий – А. Ф. Керенский. Никаких попыток встретиться с Корниловым тот не предпринимал, а лишь встретился с Алексеевым, принявшим на себя должность начальника штаба Ставки, с требованием очистить Ставку от «корниловских элементов». Такого давления Михаил Васильевич не потерпел и немедленно подал в отставку. Но ему удалось провести на должность начальника штаба Ставки своего хорошего знакомого – начальника штаба Западного фронта Николая Николаевича Духонина. Керенский почитал его генералом «новой формации», т. е. таким, что будет хорошим исполнителем и не станет выдвигать каких-либо требований и проектов, и поэтому быстро утвердил Духонина на этой должности. Единственное, чего не учел Керенский, это искреннее уважение Духонина к Корнилову.

Керенский учинил следствие по «делу Корнилова». Для расследования произошедшего была назначена следственная комиссия (председатель – главный военный прокурор Шабловский, члены комиссии – военные следователи Украинцев, Раупах и Колосовский). Керенский и Петросовет требовали военно-полевого суда над Корниловым и его сторонниками, однако члены следственной комиссии относились к арестованным вполне благожелательно, что не устраивало министра-председателя. Во время заключения Корнилова в Быховской тюрьме Керенский как-то обронил следующую фра-

зу, отражающую его морально-этический облик: «Корнилов должен быть казнен, но когда это случится, приду на могилку, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Генерал Корнилов с нетерпением ждал суда, но не военно-революционного, как того хотел Керенский и Советы, а суда всенародного, при открытых дверях, чтобы вся Россия узнала правду, чего так боялся и чему так противился Керенский.

Находясь в заключении, генерал Корнилов имел всегда бодрый и спокойный вид, чем поддерживал соответствующее настроение среди своих союзников.

***

С течением времени заключенным удалось добиться возможности собираться по вечерам в одной из больших камер. Там генерал Корнилов при тусклом свете небольшой лампы обменивался со своими сподвижниками мыслями, надеждами, предположениями, касавшимися тяжелой болезни Родины и ее будущего возрождения, а также делился своими богатыми воспоминаниями.

Здесь впервые зародилась мысль о создании добровольческой армии из офицеров и патриотической русской молодежи – единственной силы, которая могла под руководством опытных вождей положить начало спасению России.

Обсуждался вопрос о политической платформе. Она получила название «корниловская программа» и включала шесть пунктов:

«1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций – впредь до Учредительного Собрания.

2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4. Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания».

Таким образом, в Быхове сложилась будущая идеология Белого движения, которая первоначально сводилась к трем целям: 1) продолжение борьбы с Германией; 2) сохранение единой и неделимой России; 3) передачи власти в России

Учредительному собранию.

С.В. Карпенко⁷⁵, историк, исследователь Гражданской войны, так описывает устремления арестованных генералов: «Все разговоры сводились к «наиболее мучительному и больному» – о разразившейся «русской смуте и о способах её прекращения». Никто не сомневался: борьба будет продолжена. Ведь сам ход событий иного выбора им не оставляет: хозяйственная разруха усиливается, немцы угрожают столице, братание с врагом ускорило разложение армии, большевики ведут себя всё наглее, а Керенский своей болтовнёй, расхлябанностью и двурушничеством расчищает Ленину дорогу к власти».

***

Другой серьезный вопрос, который обсуждали «быховские сидельцы», – это побег из Быховской тюрьмы. Но вначале суд был предпочтительней бегству, так как «сидельцы» считали себя если не юридически, то морально правыми перед страной. Побег допускался только в случае окончательного падения власти или перспективы неминуемого самосуда.

Если до большевистского переворота 25 октября 1917 г. еще можно было надеяться на законное судебное раз-

---

⁷⁵ С.В. Карпенко – автор книги «Очерки истории Белого движения на юге России (1917-1920 гг.)»

бирательство, то после переворота можно было ожидать только самосуда со стороны большевиков, возглавляемых Лениным и Бронштейном-Троцким. Генералу Корнилову приходилось серьезно думать о бегстве. Но так как ситуация была неопределенной, он и его спутники еще около месяца находились в Быхове.

После бегства из Петрограда А. Ф. Керенского 1 ноября 1917 года обязанности Верховного главнокомандующего взял на себя генерал-лейтенант Н. Н. Духонин. Пока он находился в Ставке в Могилеве (между Могилевом и Быховом было 30 км.), угроза самосуда исключалась. К тому же в октябре-ноябре 1917 года буквально все были уверены в том, что большевики не смогут удержать власть надолго. Однако поход Керенского-Краснова на Петроград и другие попытки «мирной ликвидации» советской власти провалились, большевики победили в Москве и по другим городам Центральной России.

«Быховским сидельцам» стало ясно, что серьезную базу для борьбы с большевиками можно организовать лишь на окраинах, в первую очередь на юге и в Сибири.

По этому поводу генерал Корнилов через своего родственника, полковника Генерального штаба А. А. Колчинского, приезжавшего несколько раз в Быхов, вел переписку с Донским атаманом генералом Калединым и генералом Духониным.

Генерал Корнилов доказывал обоим необходимость спеш-

ной перевозки донских и кубанских казачьих войсковых частей на Дон и Кубань, дабы сохранить их от всеобщего развала и создать из них антибольшевистскую армию.

Сам же Лавр Георгиевич первоначально склонялся к мысли уехать в знакомые ему Туркестан или Сибирь и начать там формирование антибольшевистской армии. Но известие о том, что в Новочеркасске Алексеев начал формировать ядро будущей Добровольческой армии («Алексеевская организация»), переориентировало побег на Дон⁷⁶.

Тем временем события, происходившие в Ставке, ускорили подготовку к побегу. 7 ноября 1917 года Ленин потребовал от Духонина объявить перемирие «со всеми воюющими странами», на что тот ответил категорическим отказом. Тогда глава Совета Народных Комиссаров объявил Духонина уволенным, но попросил до прибытия в Могилев нового Главнокомандующего временно исполнять свои обязанности. Новым Главкомом большевики назначили прапорщика 7-го Финляндского стрелкового полка Н. В. Крыленко.

Вскоре стало известно, что большевики готовят большой отряд против Ставки во главе с Крыленко. 17 ноября, когда Духонину стало известно о движении к Могилёву эшелонов с революционными балтийскими матросами, он обратился к правительству Украинской Народной Республики за разрешением перевести Ставку в Киев. Но переговоры

---

⁷⁶ Генерал Алексеев прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 года, и уже к середине ноября у него было 700 активных штыков.

с Радой затянулись. 18 ноября Духонин приказал «ударникам», прибывающим в Ставку с фронтов, покинуть Могилёв и пробиваться с боями на Дон.

Обстановка в Быхове тоже накалилась. Новый председатель следственной комиссии полковник Р. Р. фон Раупах (И. С. Шабловский скрылся), основываясь на данных следствия, к 18 ноября 1917 года освободил всех арестованных, кроме пятерых генералов (Корнилова, Лукомского, Романовского, Деникина и Маркова).

19 ноября еще исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией Н. Н. Духонин (до прибытия Крыленко) отдал распоряжение (оказавшееся для него последним) об освобождении генералов, арестованных в связи с корниловским выступлением. Для выполнения распоряжения он командировал в Быхов полковника П. А. Кусонского. Вечером 19 ноября все арестованные генералы, кроме Корнилова, покинули Быхов. Этим приказом Духонин спас арестованных, иначе они были бы расстреляны революционными солдатами, даже если на это не было бы санкций из Петрограда.

Узнав об этом приказе Духонина, могилёвский гарнизон, состоявший из Георгиевского батальона, поднял восстание, арестовав генерала Духонина и членов Центрального армейского солдатского комитета.

20 ноября в Ставку прибыл Крыленко с маторами. Революционные солдаты и матросы вышли из-под контроля и

решили совершить самосуд над генералом Духониным. Главную роль сыграла новость о бегстве Корнилова. На стихийном митинге у поезда звучали истеричные призывы не допустить бегства Духонина, как это произошло с Корниловым и Керенским. Никакие доводы Крыленко и комиссаров о том, что Духонин добровольно сдался и теперь будет доставлен в Петроград для суда, на митингующих не подействовали. Озверелая толпа солдат и матросов растерзала Духонина и долго глумилась над трупом. Обезображенные останки генерала несколько дней валялись под окнами вагона нового большевистского главнокомандующего.

Так погиб последний Верховный главнокомандующий Русской армии Николай Николаевич Духонин. Ему было 40 лет...

***

Настало время ухода «быховских сидельцев» на Дон. Для безопасности бывшие узники решили разбиться поодиночке, пробиваться разными путями. Лукомский, став «немецким колонистом», уехал в Москву. Романовский переоделся прапорщиком, Марков – солдатом, они на паровозе выехали в Киев. Деникин стал поляком Домбровским, помощником начальника перевязочного пункта, поехал в Харьков. Уже 22 ноября генералы Марков, Романовский и Деникин прибыли в Новочеркасск, на следующий день прибыл генерал Луком-

ский. Намного труднее был путь Корнилова на Дон.

Генерал не мог бросить своих текинцев, которые боготворили его. Он взял на себя самое трудное – отвлечь внимание преследователей и в конном строю идти на Дон – почти 900 верст. Спустя сутки после ухода генералов, в ночь на 20 ноября 1917 года, 300 всадников во главе с генералом от инфантерии Корниловым покинули Быхов и растворились в белорусских лесах. По дороге к ним присоединился 4-й эскадрон Текинского полка, вышедший из Могилева. Всю ночь и весь день полк двигался на юго-восток, чтобы покинуть Могилевский район и сразу оторваться от преследования.

Большевики, узнав об уходе генерала Корнилова из Быхова, немедленно бросились в погоню. Главковерх Крыленко разослал сообщения: «Всем. Всем. Всем. Сегодня ночью из Быхова бежал Корнилов сухопутными путями с 400 текинцами. Направился к Жлобину. Предписываю всем железнодорожникам принять меры к задержанию Корнилова. Об аресте меня уведомить». Для поимки беглецов были выдвинуты большие красногвардейские отряды и бронепоезда.

Полк вел полковник Кюгельген. Вел крайне неуклюже; у него не было карт, кроме того, не было провианта и фуража, в связи с чем приходилось контактировать с местным населением. В первые семь суток пройдено было 300-350 верст. Полк шел без дневков, по дорогам и без дорог, лесами, подмерзшими болотами и занесенной снежными сугробами целиной. Всадники по двое суток не расседывали лошадей;

из семи ночей провели в походе четыре. Шли без надлежащей разведки и охранения, сбивались с пути. Кружили на одном месте. В результате пропадали отсталые, квартирьеры и раненые.

Сильный мороз и усталость вымотали всадников степей. Только среди офицеров сохранялось приподнятое настроение, поддерживаемое обаянием Корнилова.

На седьмой день похода, 26 ноября, полк вступил в первое боевое столкновение с красными. Крестьянин-проводник у села Писаревка (Черниговская губерния) завел текинцев в засаду. Выйдя на опушку леса, они были встречены почти в упор ружейным огнем. Полк отскочил и отошел в деревню Красновичи, а оттуда свернул на юго-запад, чтобы пересечь железную дорогу у деревни Старая Гута. Но тут неожиданно из-за поворота появился красный бронепоезд и из приспособленных «площадок» ударил по колонне огнем пулеметов и орудия. 1-й эскадрон, шедший во главе, повернул круто в сторону и ускакал⁷⁷; несколько всадников свалились; под Корниловым была убита лошадь; полк рассыпался.

Корнилов, возле которого остались командир полка и подполковник Эргардт, отъехали в сторону. Пришлось долго собирать полк. Осталось около 150 человек.

Текинцы страшно пали духом.

---

⁷⁷ 1-й эскадрон к полку более не присоединился и в местечке Павличи был разоружен и отправлен в Минск, где некоторое время офицеров и всадников держали в тюрьме.

– Ах, бояр! Что мы можем делать, когда вся Россия – большевик... – говорили они своим офицерам.

Пошли разговоры о том, что всё равно окружены, половины полка нет налицо, и поэтому нужно сдать большевикам. На возражение офицеров, что большевики в таком случае расстреляют генерала Корнилова, всадники ответили, что они этого не допустят, и в то же время упорно твердили, что необходимо сдаваться. Офицеры попросили генерала Корнилова поговорить с всадниками. Он сказал, что не хочет верить, что текинцы предадут его большевикам.

Толпа на время стихла, но вскоре вновь зашумела, и из задних рядов раздались крики, что дальше идти нельзя и надо сдаваться. Тогда генерал Корнилов вторично подошел к всадникам и сказал:

– Я даю вам пять минут на размышление, после чего, если все-таки решите сдаваться, вы расстреляете сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдать большевикам.

Толпа всадников напряженно затихла, и в тот же момент ротмистр Натансон, без папахи, встав на седло, с поднятой вверх рукой, закричал толпе:

– Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон, садись!

Он вынес вперед штандарт полка, за ним пошли все офицеры, вначале сели на коней 2-й эскадрон, за ним потянулись остальные. Но это был уже не строевой полк – всадни-

ки шли вперемешку, толпой, продолжая ворчать, но всё же шли покорно за своими начальниками. Кружили всю ночь и под утро благополучно пересекли железную дорогу восточнее Унечи.

Утром 27 ноября Корнилов решил расстаться с полком, считая, что без него полку будет легче продвигаться на юг. Корнилов выбрал 11 офицеров и 32 всадников. С ними он пошел на юг на переправу к Десне, в направлении Новгород-Северска. Остальная часть полка с командиром и семью офицерами должна был двигаться на Трубчевск⁷⁸.

Отряд Корнилова несколько раз натыкался на засады, был окружен, прорвался и наконец 30 ноября подошел к местечку Погар. Здоровье генерала Корнилова, который чувствовал себя очень плохо еще в день выступления, окончательно пошатнулось. Последний переход он уже едва шел, все время поддерживаемый под руки кем-либо из офицеров; страшный холод не давал возможности сидеть на лошади. Считая бесцельным подвергать дальнейшему риску преданных ему офицеров, Корнилов наотрез отказался от их сопровождения и решил продолжать путь один.

1 декабря в сопровождении офицера и двух всадников он, переодетый в штатское платье, отправился на станцию Холмечи и, простившись с ними, сел в поезд с документами

---

⁷⁸ Возле Новгород-Северского остатки Текинского полка ввязались в бой на стороне украинских националистов с большевиками, после чего попали в Киев, где полк был распущен.

на имя крестьянина Иванова, беженца из Румынии. 6 декабря Корнилов вышел на перроне Новочеркасска.

Конечно, он прибыл на Дон не в конном строю, не во главе верного полка⁷⁹. Но в том, что его ждут, на него надеются, Корнилов был уверен. И не ошибся. Здесь начался новый и последний этап его жизни – добровольчество.

---

⁷⁹ Впоследствии на Дон к Корнилову пробилось 40 текинцев, составив его личную охрану.

Гибель генерала Корнилова

Жаркое утро 31 марта было безоблачно. От зазеленевшей земли поднимались волны испарений. Желто-мутные воды Кубани лениво текли в Черное море. Было тихо. В роще весело свиристал соловей. Что ему война? Ведь в Божьем мире свое течение жизни, свои законы. Люди же отдыхали, чтобы на завтра начать новый кровавый бой.

Тишину прервал громкий хлопок. Над фермой пролетела граната. Это батарея красных, с утра выдвинувшись на открытую позицию, что вдоль Черноморской дороги, сделала пробный выстрел.

В это время Лавр Георгиевич в сопровождении адъютанта Долинского вышел из штаба, чтобы еще раз проститься с Неженцевым. На сегодня планировались похороны первого командира Корниловского полка. Тело полковника лежало в роще, до половины покрытое полковым знаменем. Корнилов долго и внимательно всматривался в лицо погибшего товарища, потом молча повернул назад. Несколько снарядов легли возле фермы, один из них убил наповал трех казаков, чистивших пулемет недалеко от дома, где находился штаб Корнилова. Пение птиц тут же стихло.

– Ваше превосходительство, – в который раз взмолился Долинский, – не лучше ли нам переместить штаб в более безопасное место?

– Теперь уже ни к чему, завтра штурм, – равнодушно ответил Корнилов. – Голубчик, похлопочите, пожалуйста, о чае.

– Через минуту будет готов, выше превосходительство, я уже распорядился.

Корнилов вошел в свою комнату, сел к столу, уперся в него локтями и, взявшись за голову, склонился над картой.

***

Командир красных влез на бруствер батареи и поднес бинокль к глазам.

– Опять неточно. Прицел 15, трубка 16, – скомандовал он и тут же неуклюже сполз вниз. Надув горло, рявкнул:

– Батарея, готовься!.. Дистанция... Первая очередь... Огонь...

Батарея ахнула громовыми глотками орудий, отскочили стволы на компрессорах, пыхнуло пламя, и тяжелые гранаты ушли, бормоча о смерти, к высокому берегу Кубани, к белому домику между двумя тополями, где, склонившись над картой, сидел генерал Корнилов.

***

Как только Долинский появился в дверях с самоваром, Корнилов поднял голову и прислушался к вою приближа-

ющеюся гранаты. Аdjютант попятился. Корнилов остался один в своей комнате, когда граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел. Силой взрыва его подбросило, кверху и ударило о печку. Долинского выбросило в окно. Он сидел на траве, весь белый от известки, с трясущимися губами. К нему подбежали...

– Генерал Корнилов... – только произнес он.

В комнату первым ворвался генерал Казанович. Корнилов лежал на полу, весь покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал. Кровь сочилась из небольшой ранки на виске и текла из пробитого правого бедра. Его вынесли на носилках в рощу, до половины прикрыв буркой.

У тела Корнилова на корточках завозился доктор. Поодаль стояли кучкой штабные, ближе всех к носилкам – Деникин, Казанович, Богаевский и Романовский. Корнилов внезапно открыл глаза, обвел ими присутствующих и попытался что-то сказать, но раздался только храп. Доктору в эту минуту стало ясно, что все уже кончено, но он продолжал со значительным видом осматривать раненого. Не торопясь, встал, поправил очки и покачал головой, как бы говоря: «К сожалению, здесь медицина бессильна».

К нему подошел Деникин, проговорил придушенно:

– Скажите же что-нибудь утешительное.

– Безнадежен! – доктор развел руками. – Конец.

Часы показывали 7.30 утра, когда Корнилов умер.

Послышались рыдания. Прошедшие огонь и воду боевые

генералы и офицеры не стеснялись своих слез. Богаевский нащупал в кармане пальто восковой крестик, сделанный им на вчерашнем военном совете, и вложил его в начинающие холодеть пальцы Корнилова.

Деникин судорожно выхватил платок, прижал к глазам и затрясся. Кучка штабных придвинулась к нему, глядя уже не на труп, а на него. Опустившись на колени, он перекрестил желто-восковое лицо Корнилова и поцеловал его в лоб. Двое офицеров подняли его. Третий проговорил взволнованно:

– Господа, кто же примет командование?

– Да я, конечно, я приму, – высоким, рыдающим голосом воскликнул Деникин. – Об этом еще раньше было распоряжение Лавра Георгиевича...

Как написал Антон Иванович Деникин, «рок – неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаз смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления. Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения неведомой воли».

***

Новые вожди вначале хотели скрыть до вечера смерть главнокомандующего. Но старания были напрасны: весть

разнеслась мгновенно, словно по внушению. Скоро узнали все. Известие о гибели обожаемого вождя глубоко поразило всех добровольцев. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал он – верховный. Ведь именно в Корнилове, как в фокусе, сосредоточилось вся идея борьбы, вся вера в победу, все надежда на спасение. И когда его не стало, даже в сердца самых храбрых бойцов начали закрадываться страх и мучительное сомнение.

Тело генерала Корнилова завернули в бурку, положили на артиллерийскую повозку и в сопровождении текинцев отправили в станицу Елизаветинскую, распложенную в 14 верстах. С ним же было отправлено тело полковника Неженцева. Как быстро они соединились в вечности!

На середине пути печальный кортеж повстречал генерал Алексеев. Он сошел с коляски, отдал земной поклон праху убиенных воинов, потом приподнял бурку над телом Корнилова и долго, долго смотрел в бесстрастное уже лицо покойного, затем поцеловал его в лоб. Это было последнее прощание двух вождей, которых связала общность идеи, и разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада. Смерть окончательно соединит их через полгода.

В Елизаветинской тело Корнилова омыли и положили в сосновый гроб, убраный первыми весенними цветами. Ввиду неопределенности положения армии надо было скрыть судьбу останков от внимания врагов. Тайно, в присутствии

лишь нескольких человек, станичный священник дрожащим голосом отслужил панихиду по убиенным воинам Лавре и Митрофане...

Новое командование. Уход из-под Екатеринодара

Согласно воле Корнилова, хотя он не оформил ее письменно, новым командующим Добровольческой армии становился Антон Иванович Деникин. Кроме того, он становился им автоматически как заместитель командующего по должности. Но среди добровольцев особой популярностью пользовался Сергей Леонидович Марков. В армии замаячила перспектива «выбора», но ее, как старший по званию, пресек Михаил Васильевич Алексеев. От его имени был издан следующий приказ:

«Пал смертью храбрых человек, который любил Россию больше себя и который не смог перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца, и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

В командование армией вступить генералу Деникину».

Деникин сразу же собрал военный совет из Алексеева, Романовского и Филимонова. Он был недолгим – все присутствующие высказались за прекращение штурма Екатеринодара. Решено было начать отступление в единственно возможном направлении – на север, к станице Старовеличковской. Общее мнение выразил Алексей, заметивший, что даже если город и удалось бы взять, удержать его силами трехсот пехотинцев и тысячи кавалеристов, каждый из которых теряет сознание от усталости, просто нереально.

В эту же ночь все части Добровольческой армии неслышно покинули позиции, и пехота, кавалерия, обозы, лазареты и подводы с политическими деятелями ушли на север, в направлении хутора Гначбау, увозя с собой два трупа – Корнилова и Неженцева.

***

Армия, вернее, её остатки, всю ночь и день 1 апреля двигались к северу от Екатеринодара в направлении немецкой колонии Гначбау. Кавалерия Эрдели осталась в арьергарде. Пехота шла хоть и по полкам, но вразброд, не выдерживая походного порядка. Люди буквально засыпали на ходу, на-

тыкаясь друг на друга. Настроение у всех было подавленное, лишь смертельная усталость не давала возможности разлиться панике.

Гробы с телами Корнилова и Неженцева везли на телеге в середине колонны, в обозе. Деникин и Романовским ехали в крытой коляске почти в хвосте колонны. Вдоль нее на коне носился генерал Марков, подгоняя отстающих и подбодряя упавших духом.

– Подравняйся, господа, не строй, а черт знает что – сборище цыган! – кричал он. – А ну, песню запевай!

Первыми подхватили песенники из корниловцев:

Слышали, деды?

Война началась,

Бросай свое дело,

В поход собирайся.

Потом недружно запел весь полк:

Мы смело в бой пойдем

За Русь Святую,

И, как один, прольем

Кровь молодую.

Что так вяло! – недовольно кричит Марков. – Стой, подравняйся!

Вся колона встала, задние ряды наткнулись на передние. На Рощина налетел вольноопределяющийся Валерьян Оноли.

– Простите, господин подполковник.

– Ничего.

– Мы сюда еще вернемся, не правда ли?

– Да, конечно.

– А правда, господин подполковник, что красные поют те же песни, только припев у них другой? – улыбаясь, задаёт вопрос Оноли.

– Вы меня об этом уже спрашивали, я не слышал, – зло ответил Роцин.

Марков командует колонне:

– Шагом марш! Марковцы, запевай!

Над колонной взмывает бодрая строевая песня:

Как ныне собирается Вещий Олег

Отмстить неразумным хазарам.

Их села и нивы за буйный набег

Обрек он мечам и пожарам.

Здорово, кудесник, – поют песенники.–

– Молодцы, песенники, а теперь все вместе припев, как надо! – командует Марков.

И вся колонна гремит:

Так за Деникина, за Русь, за нашу Веру

Мы грянем дружное: «Ура! Ура! Ура!

– Вы слышите, Антон Иванович, теперь вся ответственность ложиться на вас, – обращается Романовский к Деникину, как только новый припев долетел до их коляски.

Деникин ежится, молчит.

– Позвольте, Антон Иванович, вопрос, как вы решились

принять командование армией в столь ответственный момент?

– На это была воля покойного Лавра Георгиевича. Потом сейчас ничто не помешает изменить тактику борьбы. Мы не карательная экспедиция. Мы великомученики за Великую Россию. Это, наконец, должны понять все. К тому же, – продолжал Деникин, – я думаю учредить Орден – терновый венец и меч на фоне Георгиевской ленты.

– В Ордене не будет проблемы, – грустно говорит Романовский. – В остальном же, я думаю, вас не поймут, но я с вами.

***

Вечером 1 апреля, пройдя 50 км, Добровольческая армия вошла в немецкую колонию Гначбау. Добровольцам показалось, что они пришли в дореволюционную Россию. Колония производила впечатление уголка, не тронутого ни 1917 годом, ни Гражданской войной – чистые улицы, аккуратные белые дома под красной черепицей, пивоваренный завод.

Но отдых в Гначбау вышел относительный. Во-первых, колония была не в состоянии вместить всех, поэтому многих пришлось оставить под открытым небом на улицах. Во-вторых, к 10 часам утра 2 апреля к Гначбау подошли красные, на единственной улице колонии, запруженной обозными повозками, начали рваться снаряды. Путь к колонии закрыли

бойцы Офицерского полка.

В Гначбау добровольцы впервые после Екатеринодара начали считать раны, «товарищей считать». Результаты ужаснули всех: на штурме армия потеряла половину состава, три тысячи из шести. Лучше всего сохранилась кавалерия – 1 тыс. сабель и Офицерский полк – 500 штыков. В Партизанском полку осталось 300 штыков, в Корниловском – 100 человек. Кубанские части тоже сильно поредели, но не столько за счет убитых и раненых, сколько за счет казаков, покинувших свои части и вернувшихся в родные станицы.

В обозе насчитали 1.500 тыс. раненых. При этом открылась печальная история. Начальник обоза генерал Эльснер доложил Деникину, что в станице Елизаветинской пришлось оставить 64 тяжелораненых из числа безнадежных и тех, которые не перенесли бы форсированный марш. С ними был оставлен врач, 2 медсестры и денежные средства.

«Глубокой болью сжалось сердце, – писал генерал Деникин. – Я не знал тогда, где смерть вернее. Но чувствовал, что язык цифр и фактов для них неубедителен, что они – обреченные – имели право осудить ушедших...». Предчувствие не обмануло генерала Деникина.⁸⁰

Вечером 2 апреля в окрестностях колонии Гначбау по приказу Деникина тайно похоронили Корнилова. Могилу

---

⁸⁰ Раненые добровольцы были отправлены красным командованием в местные лазареты. Из 64 человек спаслось только 14, остальных большевики зверски убили.

вырыли преданные телохранители генерала – семеро всадников Текинского полка во главе с начальником конвоя Хаджиевым⁸¹. Могилу сравнивали с землей; сняли план места погребения в трех экземплярах и распределили между тремя лицами (Деникиным, Романовским и Алексеевым). Невдалеке от Корнилова был похоронен его молодой друг и любимец – Неженцев.

Вместо похоронного салюта верных войск, почившего командующего провожал в могилу гром вражеских орудий, обстреливавших колонию. Даже сам Деникин, чтобы не раскрывать тайну захоронения, незаметно прошел мимо и только бросил прощальный взгляд на могилу своего командира и боевого друга.

Поздним вечером 2 апреля 1918 года войска, отдавая последние почести генералу Корнилову, проходили стороной, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог и сосредоточиться где-то на перепутье трех краев – Дона, Кубани и Ставрополя и уже оттуда начать новый поход. Впрочем – это уже другая страница Гражданской войны на юге России.

---

⁸¹ Резак Бек Хан Хаджиев был командиром одного из эскадронов Текинского полка, потом возглавлял личный конвой Корнилова, состоявший из всадников – текинцев. Вместе с Корниловым проделал боевой путь от Быхова до Екатеринодара. После окончания I Кубанского похода Хаджиев покинул ряды Добровольческой армии и отбыл к себе на родину, где участвовал в белом движении. В 1921 г. эмигрировал в Китай, где написал книгу-воспоминание «Жизнь и смерть генерала Корнилова». Умер в 1966 г. Книга переиздавалась в 2004 г. в Москве.

Эпилог

Судьба была безжалостной к первому вождю белого воинства – генералу Корнилову – при жизни, была безжалостна и к его праху.

Добровольческая армия ровно через четыре месяца вернулась победительницей в Екатеринодар. В Гначбау были посланы представители армии, чтобы поднять дорогие останки, но в разрытой могиле нашли лишь кусок соснового гроба.

Что же произошло с прахом генерала Корнилова?

Как только Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, на следующее утро, 3 апреля, в ней появились большевики из Темрюкского полка. Первым делом они бросились искать якобы «зарытые кадетами кассу и драгоценности». В этом поиске они натолкнулись на две свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из них погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Но общей уверенности у них не было. Тогда привели оставшуюся по нездоровью в Гначбау сестру милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. После этого труп полковника Неженцева обратно зарыли в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар.

Здесь над трупом генерала большевики учинила настоящее сатанинское глумление.

Спустя четыре месяца командованием Добровольческой армии была создана Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков под руководством статского советника Г. А. Мейнгардта. Вот некоторые выдержки из этого документа:

«Тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука. В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина, на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами. Воздух оглашался отборной бранью. Ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогали. Настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти, Золотарев, появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографии, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же

проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С труппа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части, и обрывки разбрасывались кругом. «Тщи на балкон, покажи с балкона», – кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: «Не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве». Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. «Тетья, да он совсем голый», – с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине. Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп, без сомнения, принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. «Посмотрите и увидите», – приглашал он сомневающийся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до труппа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», – заключил он...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские боины, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших

на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось закончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли...

Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессия; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег на помин души Корнилова...».

***

6 августа 1918 года была проведена церемония торжественного перезахоронения Корнилова и Неженцева в кафедральном соборе. Но гроб Корнилова был пустой. Его тело, сожженное большевиками, приняло небо. На панихиде присутствовала вдова генерала – Таисия Владимировна. Она ненадолго пережила мужа и скончалась 20 сентября 1918 года – через шесть месяцев после смерти мужа. Ее похоронили на берегу реки Кубань, рядом с тем местом, где оборвалась жизнь генерала.

В начале 1919 года Екатеринодар посетил Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин. На ферме, где погиб Главнокомандующий Добровольческой армии, был создан музей генерала Корнилова, а вблизи – на берегу Кубани – была устроена символическая

могила Лавра Георгиевича. Рядом находилась могила Таисии Владимировны – супруги генерала.

На символической могиле Корнилова Антон Иванович Деникин произнес памятную речь:

«31 марта 1918 года русская граната, направленная рукою русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли, и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: уйдите, вы губите русскую землю?

За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной?

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший?

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании Шемякина суда, один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но, когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Проклятье им – прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу.

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова, и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь:

Среди страшных бурь и боев кровавых останемся верными его заветам. Ему же вечная память».

***

В 1920 году после ухода белых с Кубани большевики сожгли ферму, сорвали кресты и затоптали могилу. Лишь спустя 71 год, в 1991 году, был поставлен трехметровый каменный крест на месте последней битвы генерала Корнилова. С тех пор вот уже больше десяти раз злая рука валит крест и разбивает плиты. Его ставят заново, но кто-то снова и снова методично оскверняет могилу. Это значит – день настоящего примирения еще не наступил и гражданская война для кого-то еще не окончилась.

Хочется закончить повесть словами Антона Ивановича Деникина: «Безумные люди! Огненными буквами записано в летописях имя ратоборца за поруганную русскую землю; его не вырвать грязными руками из памяти народной».